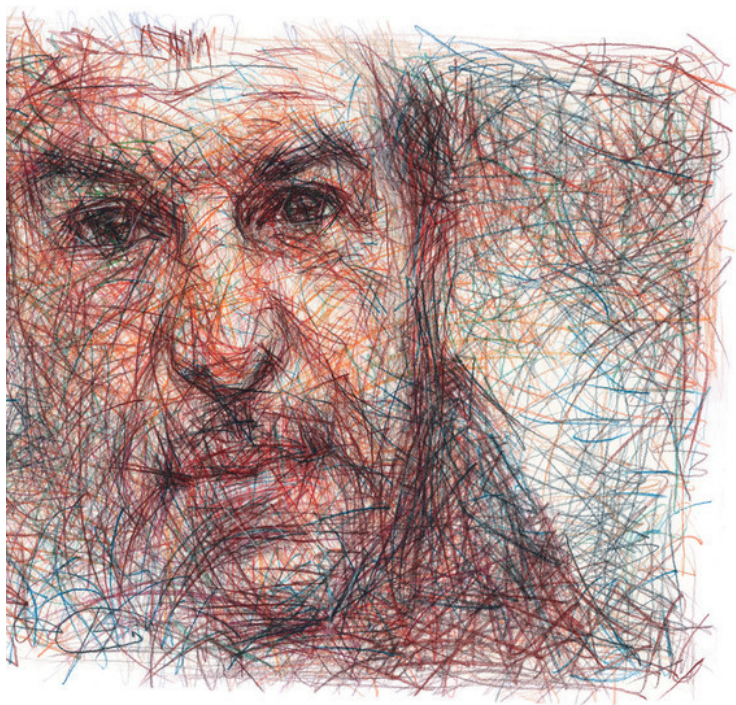

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ИЗБРАННЫЕ
ЗАПИСИ

Евгений Валерьевич Гришковец

Избранные записи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8612744

Избранные записи / Евгений Гришковец; Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-76963-6

Аннотация

В эту книгу вошли избранные записи из дневника Евгения Гришковца с того момента как дневник возник, то есть с 2007 года и по 2014. Записки разные по жанру – личные записи, эссеистика, очерки. О гастролях, о доме, друзьях, семье, путешествиях. Рассуждения о кино и впечатления от кино, от Миядзаки до Ким Ки Дука или от Шерлока Холмса до «Москва слезам не верит». Дневник со съёмок фильма. Дневник полярной экспедиции. Семь совершенно недавних лет, с событиями, которые, кажется, произошли буквально вчера или с теми, что, кажется, уже совсем и в прошлом веке. И много надежды.

Содержание

Год жизни	10
2007 год	10
13 июня	10
9 июля	12
16 июля	13
3 августа	14
21 августа	15
6 сентября	17
27 сентября	18
6 октября	21
30 октября	22
21 ноября	25
27 ноября	27
29 ноября	29
3 декабря	29
5 декабря	31
10 декабря	33
31 декабря	36
2008 год	38
5 января	38
18 января	39
24 января	41
28 января	42

2 февраля	44
4 февраля	45
13 февраля	46
21 февраля	46
12 марта	48
1 апреля	49
23 апреля	52
5 мая	56
6 мая	58
8 мая	60
22 мая	61
29 мая	63
9 июня	65
26 июня	67
29 июня	70
1 июля	73
6 июля	75
10 июля	76
15 июля	79
17 июля	81
Продолжение ЖЖизни	84
2008	84
28 июля	84
3 августа	86
8 августа	89
13 августа	90

15 августа	90
17 августа	91
20 августа	95
24 августа	98
27 августа	101
30 августа	103
21 сентября	105
28 сентября	107
11 октября	110
12 октября	111
18 октября	115
24 октября	120
6 ноября	121
8 ноября	121
13 ноября	122
29 ноября	125
3 декабря	130
20 декабря	139
29 декабря	143
2009 год	145
2 января	145
14 января	148
15 января	148
16 января	152
17 января	157
20 января	164

22 января	167
2 февраля	171
5 февраля	173
14 февраля	177
16 февраля	179
20 февраля	183
27 февраля	186
2 марта	187
12 марта	189
14 марта	193
18 марта	198
21 марта	204
2 апреля	205
5 апреля	209
16 апреля	212
18 апреля	214
23 апреля	217
27 апреля	218
29 апреля	221
13 мая	224
15 мая	232
18 мая	235
22 мая	237
28 мая	239
1 июня	240
5 июня	244

11 июня	245
29 июня	249
2 июля	252
3 июля	253
6 июля	255
9 июля	257
11 июля	260
17 июля	263
18 июля	265
19 июля	267
21 июля	268
23 июля	270
24 июля	272
25 июля	274
26 июля	276
27 июля	278
29 июля	280
29 июля	283
31 июля	285
1 августа	288
3 августа	290
5 августа	293
6 августа	297
7 августа	302
8 августа	306
10 августа	311

11 августа	316
12 августа	319
15 августа	323
16 августа	327
18 августа	332
151 эпизод жжизни	334
2009	334
19 августа	334
6 сентября	335
Конец ознакомительного фрагмента.	337

Евгений Гришковец

Избранные записи

© Евгений Гришковец, 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Год жжизни

2007 год

13 июня

Сегодня был чертовски трудный день. Среда, тринадцатое. Много плохих новостей, хозяйка квартиры повысила квартплату и прочее... Но лучшее, что сегодня было, это: я сегодня поспорил с другом и проспорил. Имеется в виду спор, когда пожимают руки и разбивают. Препираюсь я частенько, а вот не спорил давно. Сидели с товарищем, пили кофе и заспорили по поводу одного фильма. Я утверждал, что этот фильм снимал Ким Ки Дук, а он – что Такеши Китано. Фильм тот мне не понравился, поэтому я думал, что снимал Ким Ки Дук. И мы поспорили. Товарищ предложил, чтобы проигравший вышел на Спиридоновку и поцеловал первую встречную женщину. Обязательно первую встречную и обязательно поцеловал. Я тут же согласился, потому что был уверен, что выиграю. Позвонили знатокам... И я пошел на Спиридоновку. Не могу сказать, что я сильно боялся, просто настроение было нецеловальное. А друг шёл за мной, как волк, и злорадно наблюдал. Он полагал, что это очень

сложное задание. Народу в три часа дня на Спиридоновке мало, а женщин не было вовсе. И вот наконец-то появилась издалека дама: в годах, с причёской и в тёмных очках. Да, и вся в чёрном. Я пошел ей навстречу и спросил: «Можно ли вас поцеловать?» Она от меня шарахнулась и спросила с сильным акцентом, говорю ли я по-английски. Задача усложнилась и тем самым меня обрадовала. Тогда я сказал на своём вполне среднем английском, что сегодня очень счастлив и мне просто необходимо её поцеловать, потому что я так загадал. Она спросила: «Are you really happy?» Я сказал: «Да! Очень». Тогда она сказала: «Come on». Я поцеловал её три раза – в щёки, разумеется. Она спросила, почему три, а я ответил: «Вы что, забыли? Мы в России!» Она посмеялась, пошла было восвояси, прошла три шага, остановилась, повернулась и без разговоров поцеловала меня в щеку. И ушла, не оглядываясь и помахивая рукой. Мой друг был счастлив оттого, что выиграл. Я был счастлив оттого, что проиграл. Англичанка, наверное, была счастлива оттого, что встретилась с непостижимой русской душой.

Это я всё к тому, что препираться не стоит, а поспорить с товарищем можно. Разыграть кого-нибудь. Выдумать что-нибудь бессмысленное и бесполезное, шалить. Особенно в неприятные, длинные и наполненные плохими новостями дни.

9 июля

У меня наконец-то нашлась общая любовь и интерес с моей дочерью Наташей. Ей одиннадцать лет, скоро двенадцать. И у нас есть наша тема – творчество великого и прекрасного Хаяо Миядзаки, японского художника и автора мультфильмов. Люди моего возраста и немного моложе наверняка помнят мультфильм «Корабль-призрак». Я посмотрел его тогда раз, наверное, пятнадцать. Первый раз – с отцом, и папа потом пошёл со мной смотреть его ещё. И на некоторое время это была наша тема. Мне тогда было лет десять-двенадцать. Для меня было важно, что папе интересно то, что так интересно мне. И ещё я видел, что ему тоже очень нравится. А теперь у нас есть наша тема с дочерью.

Долго я пренебрежительно относился к аниме, разным манга и прочим покемонам и даже подумывал о том, чтобы запретить дочери смотреть бесконечные мультфильмы про людей с большими глазами. Но пару лет назад увидел фильм «Унесённые призраками» (вариант перевода «Унесённые духами») – и полюбил. Изучил всё творчество. У него не очень большая фильмография, у этого Миядзаки, но также есть выдающиеся картины, сделанные им вместе с учениками. Не всё одинаково сильно, но всё прекрасно – и очень странно. Особенно фильм «Это было ещё вчера» (вариант перевода «Капельки воспоминаний»), в переводе Гаврилова.

Аналогов этому фильму, наверное, нет. Ну может быть, наш старый чёрно-белый фильм «Серёжа», который снимал совсем молодой Данелия. У Миядзаки герои всегда девочки, от пяти до тринадцати-четырнадцати. Я не видел, чтобы так точно кто-то смог передать суть жизни маленькой девочки. На третьей минуте забываешь, что этот фильм делали японцы про японцев.

16 июля

Вчера посмотрел вместе со всем семейством «Крепкий орешек-4». Всё-таки есть в этом мире какая-то стабильность. А стабильность так необходима! Если б я был чиновником от культуры, дал бы Брюсу Уиллису звание заслуженного артиста России. А после «Орешка-5» – народного. Сколько людей в нашей стране знают, любят, а то и просто обожают старину Брюса. Самое главное в нём то, что он такой неуклюжий герой. Отовсюду падает, все его бьют, весь порезанный, в последнем «Орешке» его даже прострелили. Но он побеждает. Грязный, избитый, потный, совсем не молодой, но побеждает. Надо дать заслуженного артиста! А потом народного! Сколько у нас народных, которых никто не знает или знают, но не любят. А тут я со всем семейством пришёл в кинотеатр, а в зале сидит много таких семейств, и все смотрят, и всем хорошо. А вечером, перед сном, я даже помечтал сыграть в кино что-то такое же... прямо как в

детстве.

3 августа

В Эгейском море шторм. (Неплохо звучит!) Вчера скучали с друзьями вечером и рассуждали на тему сущности отдыха. Выясняется, что наука отдыхать весьма тонкая и сложная. Труднее всего выяснить – от чего отдыхать. Я-то уверен, что отдых нужен для того, чтобы соскучиться по дому, по работе и по повседневности.

И в связи с этим я вчера разработал маршрут очень быстрого и максимально недорогого отдыха: нужно сесть в поезд «Москва – Сочи», который прибывает в семь утра, в плацкартный вагон на боковую полку. Выехать надо в пятницу, в субботу в семь вы в Сочи. В гостиницу вам не надо, вещей у вас с собой нет. Сразу же находите место, где продают местное вино. Рекомендую «Изабеллу». Покупаете трёхлитровую банку и идёте на пляж. Пляж может быть любой, главное, поторопиться. В восемь – начале девятого вы на пляже. Нужно быстро выпить два литра вина, в процессе пару раз искупаться. В девять – начале десятого вы пьяные – в жж... (Если ваш организм стойко переносит алкоголь, возьмите местного портвейна.) И вот, в состоянии сильного опьянения, нужно уснуть на самом солнцепёке. К двум часам вы просыпаетесь, сгоревший до пузырей, со страшным похмельем, которое даёт только «Изабелла», и солнечным уда-

ром. Тут можно ещё окунуться в море, дотпить вино, попробовать съесть местный чебурек или шашлык. Главное, чтобы всё было жирное! Дальше сами понимаете, что с вами может произойти...

И тут вы спешите на вокзал, падаете в поезд. (Есть поезд, который уходит из Сочи в Москву примерно в шестнадцать часов.) Плацкарт, боковая полка. В понедельник вы на работе.

Вы на целый год сыты по горло ощущением путешествия в поезде. В море искупались, загорели так, что больше не хочется, южных вин попили, экзотической еды поели, всего получили в переизбытке, даже думать об этом тошно, а главное – сильно соскучились по дому.

Моим друзьям маршрут понравился, все посмеялись. Практично, и существенная нотка ностальгии в этом есть.

А в Эгейском море шторм. Мы укрылись в маленькой бухте маленького острова. Скучно и прекрасно. Рыба не клюет.

21 августа

...Я совершенно уверен в том, что мужчине дети необходимы для того, чтобы (это странно прозвучит) жизнь была яснее и даже проще. Я имею в виду не упрощение, а скорее ясность жизни. И ещё уверен, что мужчине с рождением детей тянуть нельзя. Мой опыт показывает, что, если мужчина лет до тридцати пяти не подержал на руках своих детей, он

либо уже не сможет ощутить радости отцовства, даже если у него появятся дети в более позднем возрасте, либо будет так сильно любить своих поздних детей, что zalюбит их, изломает им жизнь и в итоге этих детей потеряет. Бывают исключения, но они редки.

Мужчине, которого можно назвать мужчиной, в сущности, нужно очень немного. Так естественно стараться и трудиться, ощущая, что ты трудишься ради детей, потому что трудиться для самого себя – это довольно стыдно. Детям тоже, в сущности, нужно не очень много. Но мужчине, который осознает отцовство как важное и ответственное жизненное дело, легко и просто разобраться с жизненными ценностями. Мужчине важно о ком-то заботиться. А дети – это самый безусловный объект заботы. Дети – это те люди, которых можно и необходимо любить, что бы они ни делали и как бы себя ни вели. И ещё мужчине важно, чтобы кто-то им гордился.

Отцовство очень упрощает и осмысляет жизненный процесс, оберегает от безумных и пошлых поступков и шагов, удерживает в равновесии. Потому что это так просто: нужно трудиться, быть сильным, порядочным, не окончательно самолюбивым и не быть законченным эгоистом, если у тебя есть дети.

Но это я говорю о тех, кто ощущает отцовство как важнейшую составляющую жизни.

Ошибки совершают многие, идеальных отцов нет и быть

не может. И как же надо стремиться быть для своих детей близким к идеалу!

Отчётливо и остро помню мгновение, когда ощущение отцовства обрушилось на меня и я в первый момент не справился с объёмом и силой этого чувства. Помню, Наташа уже родилась, мне уже показали её в окошко роддома, я знал, что у меня дочь. Помню, как забирал жену и дочь из роддома и как держал в руках тугой сверток. Всё это время я усиленно пытался понять и осознать, что теперь у меня есть ребёнок и что жизнь пошла по-другому. Но осознание не приходило.

Оно пришло, когда я впервые принимал участие в купании моей дочери. Отлично помню, что купали её на кухне в розовом пластмассовом тазу. Мне нужно было просто держать её голову. Я держал в ладонях маленькую, мне казалось, мягкую и совершенно беззащитную голову. Она легко помещалась в моих ладонях... Вот тогда меня и накрыло!!! И жизнь пошла по-другому.

6 сентября

Позавчера был в Ялте, там открывался Ялтинский кинофестиваль, я выступал на открытии и сказал о том, что меня занимает: каждый чувствительный и мыслящий человек хочет быть героем художественного произведения. Не изобразить героя, не сыграть, а быть. То есть каждому хочется, чтобы его жизнь была достойна внимания писателя или ки-

норежиссёра. Это нормальное желание. И также абсолютно нормальное желание – быть счастливым. Хочется же быть весёлым, спокойным и любимым, успешным, здоровым и прочее. Но при этом хочется быть героем произведения. А герой счастливым быть не может. Герой всегда несчастен, одинок и чаще всего не знает, как жить. Вот так. Хочется быть героем и хочется быть счастливым. Два взаимоисключающих желания.

27 сентября

Был три дня в ЮАР, три дня в Зимбабве и три дня в Ботсване. Но можно сказать, что я был на другой планете. Это не первая моя поездка в Африку и, я знаю точно, не последняя... Я давно про себя понял, что я не путешественник и не собиратель впечатлений, не коллекционер фотографий и не охотник за адреналином. Мне просто очень нравится в Африке, особенно в Ботсване, в дельте реки Окаванго.

Путешествие в Африку – дело сильно недешёвое, и в основном в Африку ездят очень пожилые американцы и европейцы. Американцев больше... Громкоголосые, толстые, самоуверенные старики, одетые в камуфляж или хаки, в больших тяжёлых ботинках, в шляпах и с огромными фотокамерами. По ним видно, что они всю жизнь что-то продавали или были высокооплачиваемыми юристами, а сейчас каждую субботу делают барбекю, пьют пиво и обсуждают сосе-

дей.

Мы там были самыми молодыми среди белых, про дочку Наташу я даже не говорю. За завтраком ко мне подошла одна американка с обычной своей фальшивой улыбкой и дежурными вопросом: «Дид ю слип велл?» А потом она спросила, откуда мы. Я сказал. Она явно расстроилась. Потом спросила, чем я занимаюсь, на что я ответил, что я писатель. Она спросила, не слишком ли я молод для писателя. Я сказал, что, наверное, слишком. Ещё она спросила, пишу ли я для телевидения или для кино. Я сказал – нет, просто пишу книжки. Тут она совсем рассердилась, её фальшивая улыбка исчезла и она сказала: «Должно быть, вы очень известный писатель, чтобы здесь отдыхать». Настроение её окончательно испортилось, она вернулась к своему мужу, седенькому, придурковато улыбающемуся толстяку, и устроила ему сцену. Я был очень доволен.

Два дня назад, часов в десять по московскому времени мы плыли на длинном африканском каноэ по заливному лугу дельты Окаванго. Глубина была сантиметров тридцать. Было ощущение, что мы просто скользим по лугу. Но вокруг были дневные лилии, которые открываются днём, а ночью закрываются, а рядом с ними росли ночные лилии, у которых всё наоборот. Заливной луг был покрыт тонкой и довольно высокой травой, и на каждой травинке сидели лягушки размером с божью коровку. Зелёные, чёрные в оранжевую крапинку, оранжевые. Эти лягушки с крошечными пальчиками

выглядят, как тончайшие ювелирные изделия... Нежнейшие существа. В нескольких сотнях метров от нас по лугу бродили слоны, над нами летали птицы, названия которых я не знаю и воспроизвести не смогу... Было полное ощущение земного рая. А в двенадцать по Москве того же дня мы сели в крошечный самолёт, которым управлял весёлый новозеландский пилот, персонаж Хемингуэя, и на этом самолёте долетели до города Маун, который описанию и европейскому осознанию не поддаётся. Самолётом компании «Эйр Ботсвана» с чёрными пилотами и стюардессами неземной красоты долетели до Йоханнесбурга, который, на мой вкус, собрал все худшее от Америки и Европы и очень уродует Африку самым своим существованием. Потом мы летели одиннадцать часов до Парижа, в Париже был дождь... а сейчас я в Москве.

...Возле водопада Виктория, на стороне Зимбабве, мы с Леной и Наташей встретили молодую женщину с совсем маленькой девочкой. Девочке был, наверное, годик. Вообще африканцы бурно реагируют на мою дочь: если к старикам и взрослым они привыкли, то белых детей видели не очень много. Они берут Наташу за руку, чтобы просто посмотреть, какая у неё рука; им интересно потрогать её волосы, и многим хочется с ней сфотографироваться. Та женщина у водопада захотела сфотографироваться с Наташей. Выяснилось, что её маленькую дочку тоже зовут Наташа. Не Наталья, а именно Наташа. Мы сильно удивились, а зимбабвийка – нет.

Она и знать не знала, что это русский вариант имени. Ей просто понравилось звуко сочетание. Вообще водопад Виктория, конечно, планетарного значения объект...

Два года назад, в Замбии, мы познакомились с белым парнем, который там родился. Родители его, американцы, так любили Замбию, что приняли её гражданство. Родители давно умерли, а у парня паспорт гражданина Замбии, и он ни разу не был в Америке, потому что ему попросту не дают визу. Очень хороший парень, говорит на двадцати африканских наречиях, совершенно запутался в самоидентификации и живёт очень непростую жизнь, бедствует. И чёрным как бы не брат, и белым как бы не товарищ.

Ещё я видел, как англичане за завтраком подливают виски в овсяную кашу. Они сказали, что это шотландская традиция. Хорошие такие английские старички. После овсянки они повеселились с полчаса и пошли спать. Многообразен мир.

6 октября

В Запорожье в гостинице встретился с Богданом Ступкой. Он страшно обрадовался, мы несколько лет знакомы; кстати, у него в театре, в Киеве, уже давно идёт спектакль «Дрепноты» на украинском языке и в исполнении актрисы.

Ступка снимается в Запорожье в новом фильме Бортко «Тарас Бульба». Играет, понятное дело, Тараса Бульбу.

Съёмки проходят на острове Хортица.

Хортица – удивительное место. Не водопад Виктория, конечно, но очень красивое и значительное произведение природы. Мы приехали на съёмку, а там массовка была живописная, за лето все актёры загорели, похудели, запылились и стали настоящими казаками. Представьте моё удивление, когда из массовки ко мне кинулись люди и стали говорить, что им очень нравятся мои спектакли, книги. Мне было смешно и радостно, возникло ощущение, будто уже во времена Гоголя меня читали и смотрели на DVD. А потом казаки из своих кафтанов повытаскивали цифровые фотоаппараты, и ощущение стало вполне земным и сегодняшним, но не менее приятным. А один казак с синяком под глазом (который, по его словам, он получил в рукопашном бою с поляками) сказал, что тоже служил на Русском острове.

30 октября

Вернулся из Питера с гастролей, которые прошли, можно сказать, отлично.

Было довольно много сторонних впечатлений. В частности, видел какое-то уж очень массовое празднование непонятного мне праздника Хэллоуин. Я прежде видел, как празднуется этот праздник, но не встречал такой массовости. Стало мне грустновато: давно, а может быть, и никогда я не видел вместе так много людей, которые отчаянно и да-

же обречённо хотят повеселиться, но не знают как. Видел много симпатичных и совсем молодых людей в остроумных и сложных костюмах или в самых простых и банальных, которые ждали праздника, веселья и радости, а в итоге просто очень сильно напились. Самой весёлой для всех костюмированных людей в этот день была прогулка по городу в надежде, что кто-то на них будет смотреть. Они шли радостные и охотились за взглядами. А потом просто толкались возле клубов, надеясь пройти охрану, и обречённо начинали пить прямо на улице. Грустное дело. Непонятный праздник. Хотя не исключаю, что кому-то было весело. Мне понравился только один эпизод. Ко мне подошла молодая красивая женщина, которая меня узнала, костюм у неё был очень простой: к платью она приделала хвост из воротника от старого пальто. Костюм, согласитесь, незамысловатый. Но она подошла ко мне и радостно предложила поддержать её за хвост. Я поддержал. Теперь могу сказать, что однажды держал женщину за хвост. Мне понравилось.

Побывал на празднике, который устраивали питерские мультипликаторы, или, можно сказать, аниматоры. Я пришёл на этот праздник после спектакля, так что многие аниматоры были уже сильно пьяны и самоотверженно танцевали. В своих танцах они похожи на своих же персонажей. Очень приятные и симпатичные люди, эти аниматоры-мультипликаторы. Меня познакомили с теми, которые делают «Смешариков», я искренне признался им, что я их фанат.

Приятно признаваться в искреннем фанатизме. Некоторые засомневались, что я знаю их произведения, но я тут же привел несколько цитат и даже напел одну из песенок. И всем мультипликаторам предложил себя... Вдруг у них возникнет идея, чтобы я что-нибудь озвучил, я с удовольствием это сделаю. Во-первых, мне интересно, во-вторых, хочу наконец-то своим детям доставить радость собственным творчеством.

Праздник проходил в питерском клубе «Сохо», на большой экран проецировались мультфильмы, но аниматоры уже не обращали внимания на то, что идет на экране, выпивали и танцевали. И вдруг, должно быть, по ошибке клубного техника, на экране появилось порно. Мультипликаторы не обратили на это внимания и даже, наверное, не заметили разницы. Порно показывали минуты две, потом опять пошли мультфильмы. Но зрелище было сильное: весёлые отечественные аниматоры, танцующие на фоне порно.

В общем, мне понравилось с ними общаться: интересные и добрые люди.

А еще с восторгом наблюдал, как один человек пошутил. Мы стояли возле клуба, на празднике мультипликаторов, а мой знакомый – изрядного роста и веса человек, большой и даже толстый. И может быть, по этой причине именно к нему подошла маленькая японка и спросила его: «Are you a bodyguard?» А он тут же ответил: «No! I'm just a body».

В воскресенье весь день с утра и до спектакля провалялся

в гостинице — всё никак не могу выздороветь, но выходной день удался. В четвёртый раз пересмотрел «Форреста Гампа» по ТНТ. К счастью, он часто прерывался рекламой, и мне удавалось в эти перерывы чистить зубы, бриться, приводить себя в порядок, но фильм я посмотрел от начала до конца. Хорошо, что он такой длинный. Отличный фильм выходного дня.

Вчера ехал в Москве на спектакль, и на Тверской, а потом на бульваре нам мешал проехать, жёстко подрезал и всячески грубил здоровенный джип. Водитель вёл себя просто похамски, при этом явно спешил, а после выяснилось, что он спешил ко мне на спектакль...

21 ноября

Одно из самых сильных и романтических впечатлений моей жизни связано с ощущением необъятности мира, тайны и открытия.

В 1987 году мне пришлось стоять в дозоре на берегу Татарского пролива, каждый день по четыре часа. Татарский пролив всегда штормит. Я бродил у самого края земли. Я был совершенно один. Я был юн. А море выносило на берег разные предметы: обломки ящиков с иностранной маркировкой, обрывки верёвок, поплавки сетей. Однажды вынесло кусок спасательного круга. На круге можно было про-

честь часть названия корабля. Остались буквы «... VEGE...»
Что было за судно? Что с ним случилось? Мне неизвестно.

Я ощущал себя совершенно Робинзоном, а море выносило и выносило предметы с проходящих в невидимой дали кораблей. Однажды я нашёл в прибое баллончик, похожий на баллон из-под «Дихлофоса» или другого ядовитого средства. С баллончика океанская вода смыла всю краску, и прочесть, что там внутри, было невозможно. А внутри содержимое осталось. И ещё там отчётливо слышалось присутствие нескольких маленьких металлических предметов, возможно, шариков. У баллончика отсутствовал и разбрызгиватель, торчала только пластмассовая пупочка.

Я долго рассматривал и изучал этот предмет и даже вспомнил, что в каком-то американском фильме видел, как герой, кажется полицейский, пользовался пеной для бритья из такого баллончика. Я подумал, что нечто подобное волны принесли и мне. Я нажал на пластмассовую пупочку палочкой – из баллончика пошла белая пена. Она лежала у меня на ладони... Я почувствовал очень вкусный запах, не парфюмерный, а именно вкусный, и не без страха лизнул. Так я впервые в жизни попробовал взбитые сливки. Это были самые вкусные взбитые сливки в моей жизни. На бесконечно далёком берегу, у гремящего прибоя, принесённые неведь откуда, неведомо с какого корабля. Никогда ни до, ни после я не ощущал мир таким бескрайним и таким манящим.

27 ноября

Отлично помню времена, когда сильно и постоянно слушал музыку. Знал составы любимых групп наизусть, помнил все альбомы... Я не понял тогда, почему приятели, не так страдающие меломанией, как я, перестали с удовольствием ходить ко мне в гости. Просто я приводил их и ставил им свои любимые песни, причём во время прослушивания сидел рядом, заглядывал в глаза и ещё пальчиком грозил: вот самый лучший момент или: вот это гитарное соло нельзя пропустить.

А потом я попал в гости к одному любителю джаза, и со мной было проделано то же, что я делал со своими друзьями, и я всё понял. Так что любимая мною музыка остаётся теперь при мне.

В 1990 году я слушал только довольно тяжёлую музыку, а попсу не слушал вовсе.

И вот группа студентов Кемеровского университета поехала в Таллин, тогда ещё советский. В этой группе были моя будущая жена и я. Я был тогда влюблён, но ещё не сокрушительно. Ездили мы зимой, погода была гадкая. Но — молодость, путешествие, любовь, студенчество...

В один из дней нас повезли на экскурсию на таллинскую телебашню. Ничем не особенная, она стоит недалеко от моря, и с неё открывается сильный вид. На большой высоте

этой башни есть (или был) большой круглый обзорный зал ресторана, который к тому же медленно вращался вокруг башни, как вокруг оси.

Мы поднялись туда и удивились тому, что зал не вращается, но нам объяснили, что он включается только в 14.00, зато вид от этого хуже не становится. Нам ещё предложили всмотреться, пообещав, что мы увидим за заливом Финляндию. Мы всматривались, но ничего не увидели. Рядом со мной стояла моя будущая жена, под нами были воды залива с корабликами, за горизонтом – невидимая Финляндия... И вдруг наступило 14.00. Пол медленно двинулся под нашими ногами, началось вращение, и громко зазвучала песня, которую я с тех пор не просто люблю, а очень люблю.

За минуту до того, как она зазвучала, я не поверил бы, что мне может понравиться такая песня, для меня это была попса. Это была песня «Pet Shop Boys» «You are always on my mind». И горизонт медленно уходил куда-то вправо, и я ощущал себя внутри прекрасного музыкального видео.

А сколько таких историй! И сколько прекрасной музыки! Сколько сложных периодов в жизни совпадали с какими-то конкретными мелодиями и песнями. И есть люди, которых нет уже в живых, но с которыми связана какая-то музыка и о которых непременно вспоминаешь, когда она звучит.

29 ноября

...Когда-то я вернулся с воинской службы в состоянии сильной обиды. Но через какое-то время понял, что жить с обидой – всё равно что оставаться с незалеченной раной, то есть быть почти инвалидом. Я знаю многих моих ровесников, которые со своей обидой так и не справились. Многие эмигранты живут обидой. Я и спектакль «Как я съел собаку» делал с целью с обидой расстаться.

Но с обидой жить довольно просто, механизм обиды многое упрощает. Я хороший – они плохие, вот я и обиделся. Обида снимает вину, обида даже оправдывает, но если обижаться долго и на многое, через некоторое время можно обнаружить себя прекрасным человеком, живущим в плохом и обидном мире среди плохих и обидных людей. А если не обижаться, вопросы возникнут по большей части к самому себе. И тогда можно ощущать себя не самым умным, не самым правым и не самым прекрасным в мире, но при этом жить среди хороших людей и не в худшем из миров.

3 декабря

Вчера, благодаря выборам, по телевизору показали первую серию «Шерлока Холмса». У меня, конечно, есть фильм на DVD, но (об этом удивительном феномене я го-

ворил в спектакле «ОдновреМенно») именно по телевизору такое кино можно смотреть, не отрываясь. Вчера я остро вспомнил, как видел его в первый раз.

Думаю, мне было лет четырнадцать, Конан Дойла я уже к тому времени прочёл. В старых переводах Ватсон писался как Уотсон – и Ватсон мне не нравилось. Я вообще начинал смотреть фильм не без скепсиса. Но какой же был восторг! Теперь об этом бессмысленно говорить, это уже классика. Но какое счастье расставаться со скепсисом и отказываться от предубеждений в процессе просмотра фильма или прочтения книги! От этого впечатление только усиливается.

А тогда мы только переехали в новую квартиру на проспекте Химиков в Кемерово, был конец зимы, папа уехал в командировку. Мы сидели с мамой в абсолютно пустой квартире, на окнах не было штор, было ощущение начала нового периода в жизни. И мы впервые услышали ту музыку из фильма, и началось острое удовольствие. Фильм тогда не перебивался рекламой, телевизор был чёрно-белый... От удовольствия захотелось есть... Отчётливо помню, что нашлись сосиски и початая банка зелёного горошка. Первая серия премьеры «Шерлока Холмса», на тарелке сосиски и зелёный горошек. От скепсиса не осталось и следа... Я тогда и подумать не мог, что когда-нибудь сыграю в кино и буду иметь представление о том, как кино делается. Я просто получал полное возможное наслаждение, какое только можно получить от кино дома у телевизора.

И до сих пор я наслаждаюсь тем, как пользуются разнообразными предметами герои этого фильма. Как же в этом фильме много приятных и красивых шуток и шуточек! Как они едят и пьют. Как они там одеты. Когда я вышел в Лондоне на Бейкер-стрит, я понял, что Бейкер-стрит в том кино, снятая в Риге, мне гораздо приятнее и роднее, чем эта реальная, огромная улица в настоящем Лондоне. Кстати, именно из этого фильма я узнал, как англичане пьют подогретый херес. Делаю так зимой, очень вкусно. Не было бы фильма, я бы не знал и не чувствовал этого вкуса. А на съёмках они наверняка пили не херес, а какой-нибудь разведённый чаёк или, как мы на съёмках «Прогулки», вместо виски пили яблочный сок. (Кстати, на соке бывают пузырьки, а на виски не бывают.)

5 декабря

Меня много спрашивают о съёмках в фильме «Прогулка». Мне нравится эта роль, но снимался я всего четыре дня, точнее четыре ночи. В основных съёмках фильма, которые проходили летом в Питере, участия не принимал. Меня пригласили сниматься, когда фильм был уже почти готов, оставалась только последняя сцена. Сцена со мной снималась зимой в Москве. Съёмки проходили в боулинге «69» на улице Вавилова.

Как же я с тех пор возненавидел боулинг! Мне неприят-

ны даже звуки, которые сопровождают это занятие. Мы снимались четыре ночи, и я научился играть как бог. Правда, в фильм попал тот дубль, где я сбиваю два жалких кегля. Ещё смешно было то, что моему персонажу долго подбирали соответствующую образу обувь. Это был длительный процесс: купили хорошие английские туфли, но в боулинге дают специальную обувь. В общем, купленные мне ботинки я ни разу не надел.

Я снимался немного, – всего в пяти картинах, и всё эпизоды, но сниматься в кино мне очень нравится, и я считаю это занятие хорошо оплачиваемым отдыхом.

Когда делаешь спектакль или пишешь книгу или когда записываешь альбом в студии, на тебе лежит большая ответственность за каждую деталь. Я отвечаю за всё. Я отвечаю за произведение в целом. Никого не интересует, что в типографии бумага была не очень, в театре фонари старого образца или у звукооператора плохое настроение. За всё отвечаю перед слушателями, читателями и зрителями только я. А в кино я ни за что не отвечаю. Мне дают задание, и я стараюсь его понять и выполнить. К тому же я – лишь небольшая часть всего фильма. Это отдых. И потом, если не получилось, можно переснять.

Съёмочный процесс для актёра – постоянный отдых и ожидание. Это режиссёры и операторы бегают, нервничают, а ты сидишь и ждёшь, когда тебя позовут в кадр. Причём, если фильм получился плохой, все ругают режиссёра, а если

хороший – хвалят артистов. Это так приятно!

Партнёры были прекрасные, атмосфера на площадке – в хорошем смысле – очень деловая. Если бы не боулинг, совсем было бы здорово. И потом я сам придумал, как изменить образ и текст. Изначально на эту роль планировался Максим Суханов, так что мне пришлось многое изменить, но не по сути, а в деталях, и теперь я доволен результатом.

Не следует верить артистам, которые говорят, как тяжело сниматься, вживаться в образ, проживать чужую жизнь, сильно себя тратить... Артисты много говорят штампов на эту тему. Сниматься в кино – счастье и радость. И за это ещё платят деньги!

10 декабря

...Есть удивительное свойство сцены, экрана, арены или стадиона. Кого-то эти пространства увеличивают, кого-то уменьшают. Мне обычно говорят, что на экране или на сцене я кажусь больше, чем в жизни. Как-то в Норильске ко мне вышла на сцену девушка с цветами – ростом метр сорок, не больше... и радостно сказала: «Ой, какой же вы м-м-маленький!» А сама едва мне до плеча доставала... Я же, когда увидел Василия Уткина, был очень удивлён, что он такого огромного роста. Он мне всегда казался если не маленьким, то компактным.

А есть актёры, на которых смотришь с самого дальнего

ряды, с галёрки, и видно даже, как он моргает, какое у него выражение лица, видны все оттенки переживаний. А рядом с ним актёры, у которых глаза, рот и нос приблизительно того же размера... и совершенно не видно лиц. Удивительное и ничем не объяснимое явление.

Я не большой любитель футбола и редко бывал на футбольных матчах, но вот интересно: когда на поле настоящий мастер, огромный стадион отчётливо видит его движения, и ещё удивительно, что на футболе много тысяч людей неотрывно следят за маленьким, в общем-то, мячом и видят его, хотя в обычной жизни предмет такого размера на таком расстоянии был бы незаметен.

Со мной происходило несколько чудесных событий на сцене... Я имею в виду настоящее чудо. Со мной это несколько раз случалось, именно что несколько раз. Самым удивительным был момент в спектакле «ОдновРЕМЕННО», когда я придумал в конце бросать звёздочку.

Больше двух лет я играл этот спектакль без финала со звёздочкой, и как-то мне пришла в голову эта идея прямо во время спектакля. Я чувствовал, что спектакль идёт каким-то особым, лирическим образом. Он уже подходил к концу, а мне очень хотелось поддержать этот лирический настрой, и тут я увидел висящие собственноручно вырезанные звёздочки, которые служили просто фоном, и мне в голову пришло это решение, и оно тут же было выполнено.

Держа в правой руке картонную звёздочку, я сказал, что

сейчас звёздочка упадёт и, пока она падает, можно загадать желание, а прежде чем упадёт, я скажу: «Раз. Два. Три». В этот момент мне всё хорошо было видно, так как зал был освещён контровым светом, синим таким. Обычно во время спектакля прожектора лупят в глаза, а тут всё было видно. И я почувствовал невероятно сильную волну... Не хочу называть это избитым словом «энергетика», в котором для меня нет отчётливого смысла. Я тогда почувствовал волну сильнейшего внимания. И отчётливо видел лица нескольких сотен человек, которые, не отрываясь, смотрели на маленькую звёздочку у меня в руке. Лица были такие... короче, все загадывали желание. И лица были прекрасны. И все эти желания, и все эти взгляды были направлены на кусочек картона. Я тогда опустил глаза, потому что мне показалось, что я подглядываю за чем-то сокровенным, и ещё я чувствовал, что вот-вот расплачусь. А когда звёздочка падала, я ощутил выдох, выдох нескольких сотен людей. Это было чудо.

С тех пор я всегда завершаю спектакль этим моментом со звездой, и чудо происходит всегда. И я всегда опускаю глаза, потому что не справляюсь с впечатлением, которое получаю от выражения лиц в зале. Лица зрителей в этот момент такие – как у людей, которых точно никто не видит, которые всё равно при этом чего-то стесняются, волнуются и совершают сокровенную душевную работу. Понимаю, что нельзя подглядывать за людьми, когда они загадывают желание. А я думаю, что загадывают все, даже законченные прагматики.

31 декабря

Начинаю этот текст за десять минут до полуночи по калининградскому времени, а когда закончу, будет уже 31 декабря, очень длинный день. Бывают такие дни, которые получаются очень-очень длинными.

Уже рассказывал где-то эту историю, но расскажу ещё раз. Это новогодняя история. Наша дочь Наташа лет в шесть засомневалась, что Дед Мороз действительно существует. А мы всячески поддерживали в ней веру в Деда Мороза. Но она засомневалась, потому что все Деда Морозы на всех утренниках плохим гримом и потёртыми костюмами эту веру подрывали. И вот случилось событие, которое ещё на пару лет сохранило в Наташе веру в Деда Мороза: ей тогда было шесть лет, у нас стояла ёлка, все мы были вечером дома. Кажется, было 28 декабря. И неожиданно к нам зашёл Дед Мороз. Раздался звонок, я открыл дверь – а там Дед Мороз. Мы его не вызывали, я растерялся, Лена тоже растерялась. Дед Мороз зашёл, начал громким голосом, как обычно: «Так, кто это у нас здесь?..» А мы все были очень растеряны. И он шёпотом спросил меня: «А какая это квартира?» Я сказал. Он извинился, сказал, что ошибся дверью, и ушёл. А Наташа поверила, что это был настоящий Дед Мороз: он не просил её рассказывать стихи, не давал ей стандартные, оплаченные нами подарки, просто зашёл, извинился и ушёл. А ещё На-

таша видела, что мы растерялись, не говорили ей: «Ой кто к нам пришёл!» Она видела, что мы были явно не готовы. И долго была уверена, что мы видели настоящего Деда Мороза.

Меня много раз спрашивали, есть ли у нас какая-то семейная традиция и особый ритуал, связанный со встречей Нового года. Нет. Единственно – мы всегда стараемся выпить рюмочку в тот момент, когда Новый год приходит в родные края, то есть когда Новый год встречают дорогие кемеровчане и все кузбассцы. Это происходит на четыре часа раньше, чем в Москве. Потом выпиваем по московскому времени, а потом я усиленно загадываю желание в последнюю минуту уходящего в Калининграде года. И это всегда происходит дома. Вот и всё.

2008 год

5 января

Всё наше семейство разболелось. Уже четвёртый день дом похож на лазарет. Какая-то досадная инфекция, температура и прочие прелести.

Зато телефон молчит. Многие поразъехались в разные концы света. Большинство, конечно, на горнолыжные курорты. Не перестаю удивляться, как много моих сверстников стали вдруг горнолыжниками, теннисистами, аквалангистами.

Порадовал один приятель. Первого числа, днём, он поехал в супермаркет – в том состоянии, в каком за руль садиться, конечно, нельзя. В магазине купил всё, что было нужно для продолжения праздника, и уехал домой на такси. Третьего числа он понял, что машины нигде нет. И не мог вспомнить, как и каким образом ездил в магазин, а главное – в какой. Друзья видели, что он вернулся на такси. Короче, два дня он искал машину и сегодня нашёл, очень обрадовался и продолжил праздник. Молодец.

А вот мой французский переводчик, который отличается невероятной рассеянностью... Зовут его Арно Ле Гланик, ему хорошо за сорок. По профессии и по образованию актёр

и философ, он очень рассеянный и очень француз. Однажды где-то в центре Парижа он припарковал свою машину, никогда её не нашёл, а через два года получил извещение и квитанцию к оплате за утилизацию.

18 января

...Вчера был забавный и очень приятный эпизод. Ко мне забежал мой калининградский приятель, который старше меня на три года. Он очень весёлый, показно жизнерадостный, периодически истеричный, периодически депрессивный, то мечущийся, то беспробудно ленивый... То есть нормальный, слегка за сорок, недавно разведённый парень.

Он зашёл ко мне поболтать и попить чаю. А Лена и дочь Наташа разбирали какую-то задачу по математике, про велосипедистов. Задача за 6-й класс. Я в этих делах не участвую никогда: у меня по алгебре и геометрии в аттестате незаслуженные, явно завышенные тройки. Короче, чаю мы не попили, потому что приятель решил помочь разобраться с задачей, и пошло-поехало. Два взрослых человека и двенадцатилетняя девочка шумно, азартно, нервно решали задачу. Были возгласы: «Да кто придумывает эти учебники?! У нас всё было по-другому! Наташа, и у вас в классе дети такие задачи сами решают?!» или: «Да тут явная ошибка в условии, эта задача не решается!» В итоге они её решили и были счастливы вместе, а я с огромным наслаждением наблюдал эту кар-

тину. Они были прекрасны.

Школу я никогда не любил и никогда не был в ней счастлив. В первый класс я пошёл в Ленинграде. Потом мы вернулись в Кемерово, и там я ходил в 23-ю, 55-ю и, наконец, 21-ю школу – короче насмотрелся. 21-я была единственная в Кемерово школа с английским уклоном, а наш выпуск был первым. И хотя ненавистных учителей у меня не было, в школе мне никогда не нравилось. Но одного учителя я вспоминаю особо.

Когда мы учились в восьмом классе, нашим классным руководителем стал вернувшийся в нашу школу учитель математики Юрий Григорьевич, несколько лет проработавший в Ливии. Молодой, загорелый, атлетически сложенный, в отлично сидящем костюме, кудрявый, он был похож на похудевшего Джо Дассена. Ещё Юрий Григорьевич ездил на «Волге» и свободно говорил по-французски. Я учился у него очень плохо, можно сказать, вообще не учился, а он меня ни разу не упрекнул. Ставил за год тройку; за экзаменационную контрольную, которую я откровенно списал, тоже поставил тройку. Вот его я любил. В нём было всё не такое, как в школе вообще. В нём были свобода, достоинство и сила. Когда мы окончили школу, он пошёл с нами, с четырнадцатью выпускниками, в поход: мы сделали два плота и сплавлялись по реке Томи. В том походе мы впервые попробовали портвейн, а Юрий Григорьевич, хотя сам не пил, нам запрещать не стал и не ругался. Сейчас я поражаюсь, как он решился взять на

себя такую ответственность: в школе даже не знали о том, что четырнадцать зелёных мальчишек и девчонок плыли по реке на плотах двести километров...

Вот такой был учитель: алгебре он меня не научил, как будто ничему не научил, он вообще был категорически не школьный человек – и при этом настоящий учитель.

А школу я не люблю за то, что там маленький человек впервые встречается с государством.

24 января

С неделю назад кто-то задал мне вопрос, который был мне приятен, – наверное, барышня. В вопросе заключался комплимент. А комплимент, как известно, и кошке приятен. Меня спросили, как я научился так классно завязывать шарф.

С этим связан интересный эпизод. Несколько лет назад я работал со студентами во Франции. Это были ребята, которые учились на актёров и режиссёров, они по собственной инициативе разучивали и играли отрывки из моей пьесы «Зима», переведённой на французский. Я всё просил их не пытаться делать эту пьесу русской пьесой про русских. А они где-то раздобыли шапки-ушанки, очень наивно изображали, как пьют водку... Я им говорил: «Вы видели американские фильмы про французов, про Наполеона? Смешно?» Они отвечали: «Очень смешно!» Я объяснял, что нам так же смешно смотреть, как кто-то изображает русских. И ещё я

сказал: «Вы не сможете носить шапку-ушанку как русские. Туристов, которые покупают в Москве ушанки и напяливают их, сразу видно: русские люди надевают шапку каждый день и не задумываются об этом, а вы задумываетесь. Это точно так же, как никто не сможет носить шарфы так свободно, не задумываясь, и так классно, как французы».

На следующий день один студент пришёл и с весёлой укоризной сказал: «Вы лишили меня возможности завязывать шарф, я сегодня утром понял, что думаю, как это делаю, и у меня ничего не получилось».

Чтобы хорошо носить шарф, нужно носить его каждый день, нужно иметь шарфы для всех сезонов, нужно к ним привыкнуть как к ежедневной необходимости. И всё получится само собой.

28 января

Мы живём в квартале, который практически не был затронут войной. Наш дом и другие вокруг – в основном двадцатых годов постройки. Когда в новогодние праздники каждый вечер откуда-то доносятся залпы фейерверков, я думаю: «Вот сидели в нашем доме когда-то немцы в сорок пятом, слушали приближающуюся канонаду боя, как должно быть было им страшно!» Но дом они построили хорошо, спасибо им.

Когда-то вокруг нашего маленького озера у немцев был

парк, а по озеру плавали лодочки. Сейчас оно сильно заросло и замусорено, но местные мужички ловят в нём рыбу. Попадаются маленькие щучки и карасики, я сам видел. Уток на нем по осени много, и лебеди залетают. А как в июне и июле квакают лягушки! В тёплые ночи у них любовь, и они поют – слышно даже в доме. Очень я люблю наш околоток.

Помню, как приехал три года назад впервые в Одессу. Кстати, нужно говорить ОдЕсса! Если вы скажете ОдЭсса, одесситы ответят, что нет такого города. Так же и в Перми надо говорить ПерЬмь, а не ПеРмь. Так вот, приехал в Одессу и сразу стал ждать всего того, что про неё слышал. Я хотел услышать знаменитую одесскую речь, увидеть колоритных персонажей, но первые два дня никого и ничего особенного не увидел. Был разочарован, обескуражен, а всё равно ждал. И оно случилось.

Я решил постричься. Подошёл к администратору гостиницы «Чёрное море», в которой остановился, и спросил, могу ли у них постричься. Администратор, дама в годах, с причёской и в больших очках, не оторвалась от чтения каких-то документов. Она даже не взглянула на меня. Но ответила: «Конечно, можно, но только вам нужно быть осторожным!» Она сказала это с неподражаемой одесской интонацией. Я удивился и спросил: «А почему мне надо быть осторожным?» Тогда она подняла на меня спокойный взгляд и сказала: «Так вас же ж будет стричь Лидочка! А если вас пострижёт Лидочка, вам всегда придётся приезжать стричься

в Одессу».

Прекрасный, великий, глубокий, не сразу открывающийся и любимый город! Нет города, похожего на Одессу. И Одесса ни на что не похожа.

2 февраля

...Недавно пересматривал «Рубашку» и отчётливо вспомнил, как писал этот роман. Тогда я был очень-очень счастлив, и сам процесс меня радовал невероятно: это был новый, неизведанный процесс вхождения в профессиональную литературу, и было много неизведанных ощущений от писательского труда. А теперь я вижу в тексте «Рубашки» признаки и отголоски того счастья. Это очень счастливый текст. Хотя также вижу, насколько тогда был беспомощным и неоснащённым писателем. Но счастье там прорывается, а это важнее.

Расскажу свою любимую историю, связанную с романом «Рубашка». Понять её могут только те, кто читал. В романе герои играют в Хемингуэев, в тексте есть подробное описание этой игры. Были вопросы, придумана ли эта игра или она существовала в жизни. Отвечаю: игра придумана и не раз осуществлена мною и моим другом Алексом Дубасом, который тогда работал в Риге, а теперь работает на радио «Серебряный дождь». Мы неоднократно играли. До сих пор обращаемся друг к другу не иначе, как «Эрнесто».

Так вот, несколько лет назад в Новосибирске я встречался с читателями в книжном магазине. Было довольно много людей, я подписывал книжки, и среди прочих подошёл ко мне парень близкого возраста, но всё-таки помладше, хорошо одетый. Он попросил меня подписать три книги «Рубашка». Главным в его облике было то, что на лице были следы сильных побоев. Очевидно, дней пять-семь назад попал в переделку: синяки уже позеленели и пожелтели, но досталось ему серьёзно. Я подписал книги, не удержался и спросил: «Дружище, что же с вами случилось? Откуда такие раны?» А он ответил, улыбаясь не вполне зажившими губами: «Знаете, мы тут в прошлую субботу с другом решили поиграть в Хемингуэев, но немножко перебрали и неожиданно дали Ремарков». Мы подружились тогда с этим парнем. И я понял, что грань между Хемингуэем и Ремарком тонкая, но чреватая.

4 февраля

Два дня уже в Калининграде фантастическая погода: солнце. Вчера полгорода выезжало к морю, в Светлогорск. Люди гуляли по променаду. Красота!

Часто объясняю урождённым калининградцам, что для меня как для сибиряка такая погода в разгар зимы и ещё долгая весна с цветением яблонь, слив, вишен, каштанов и прочего, с подснежниками на клумбах в феврале, а осенью

— с падающими на крышу большими яблоками, с удивительными дюнами, соснами и морем, до которых можно доехать за сорок минут... — всё это никогда не будет нормальным и обычным, а останется чудом расчудесным.

13 февраля

Сегодня смотрел по «Культуре» передачу Валентина Непомнящего о «Евгении Онегине». Начал смотреть не сначала, включил случайно — не смог оторваться. Просто вштырило. Таких философов, литературоведов, историков, а главное — рассказчиков и такой традиции литературных и исторических передач, где главной фигурой является рассказчик, нет нигде, ни в одной стране. Про животных, про географию, автомобили, открытия, преступления у них умеют рассказывать. А наши другие. Их немного осталось, но они есть. И удивительная, печальная, завораживающая интонация таких рассказчиков и их передач, и если это будет утрачено, утрата окажется невосполнимой.

21 февраля

Позавчера прилетел в Москву и тут же рухнул в объятия друзей. Из этих объятий мы вырывались только для того, чтобы налить и выпить. Друзья мои делать это умеют, а я за три месяца им сильно задолжал. И уже довольно поздно они

затащили меня в караоке. Караоке, видимо, хороший, называется «Джельсомино». Там даже играют живые музыканты. Люди туда приходят петь всерьёз. Я сам не понимаю такой жанр развлечения, как караоке. Поговорить под музыку могу (улыбка). Но петь – ни-ни. В караоке было мало народу, мои друзья стали петь, они умеют как пить, так и петь. Пели классический репертуар... За соседним столиком сидели четыре симпатичных армянина, как выяснилось, они меня узнали и очень плохо, но очень чувственно спели в знак респекта «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Но всё это только предисловие.

Дело в том, что в нашей компании дам практически не было. И вот в начале третьего ночи в караоке зашли-таки две дамы. Они сели за отдельный столик и ни на кого не смотрели.

Две блондинки, по-своему нарядно одетые, думаю, за тридцать. Усталые и грустные. Один из моих друзей, представляющий собой среднее между сорокапятилетним ковбоем и гусарским полковником, тут же пошёл знакомиться, но ему твёрдо и определённо было заявлено, что ни он, ни кто-либо ещё дам не интересуется. Другу пришлось вернуться ни с чем. А дамы заказали колу, грустно сидели, слушали отчаянные песнопения моих друзей и соседних армян и ждали своей очереди. Наконец очередь до них дошла. Мы все замерли в ожидании того, что они будут исполнять. Я сделал ставку на что-нибудь из репертуара Аллы Пугачёвой...

Но они сразили нас всех. Они взяли микрофоны и довольно тихо, слабыми голосами, но чистенько и грустно спели песню Найка Борзова «Я маленькая лошадка, и мне живётся несладко». В их пении звучало полное и отчётливое понимание слов песни. А когда спели, они сразу ушли. И пели так, будто выполняли какую-то культурную миссию. Было ясно, что без этой песни они просто не смогут уснуть.

Мы все были под большим впечатлением от искренности ситуации и пения. А потом друзья стали мне говорить, что это гениальная сцена для фильма или книги. На что я ответил, что такую сцену ни в книге, ни в фильме нельзя разместить. Никто не поверит в подлинность события. Все подумают, да и я бы подумал, что автор просто ловко сочинил. А жизнь намного богаче, и не всё может быть воплощено в литературе или кино (улыбка).

12 марта

Приятно возвратиться из Парижа и обнаружить, что в Калининграде погода такая же или лучше. На озере, недалеко от дома, крикают утки и даже плавают лебеди. Хорошо, возвращаясь из Парижа, испытывать радость возвращения, а не наоборот.

С месяц назад меня пригласили в Лондон, на несколько дней, когда появится перерыв в гастрольном графике... А я сказал, что лучше проведу эти дни дома. Удалось ответить

так, что мой ответ сразу убедил и порадовал. Меня спросили: «Тебе что, не нравится Лондон?» А я сказал, что мне там нравится, мне там очень многое нравится, почти всё, но я там ничего не люблю, а дома мне многое не нравится, но я это люблю.

1 апреля

Чудесный день! Всегда его любил и всегда ждал. Старался подготовить розыгрыши, но и всегда ждал, чтобы разыграли меня. И вот сегодня меня разыграли. Я счастлив!

Начнём с того, что неожиданно для меня стали продавать роман «Асфальт» в Москве, а может быть, и в каких-то других городах. И хоть я полагал, что будет единая акция начала продажи книги, продавцы и книжные магазины распорядились иначе.

Но я хотел рассказать не про этот розыгрыш. Меня сегодня разыграл мой старинный друг. Он каждый год пытался меня разыграть, но я раскусывал его замысел, а тут ему удалось, правда, не без помощи моего же директора и соратника Ирины Юткиной. Но весь замысел и концепция принадлежат моему другу Саше Орлову, кстати сказать, известному ресторатору и весьма занятому человеку.

Прилетаю я в воскресенье, 23 марта в Москву. Меня встречают сильнейший снег с дождём и Ира Юткина на машине. Едем мы от Шереметьево-1, огибая лётное поле, вдоль

пустырей. И вдруг видим: на одинокой бетонной плите, возле дороги, под снегом и дождём танцует балерина в пачке и с белым зонтиком в руках, танцует профессионально – и улыбается. Картина, согласитесь, сумасшедшая и скорее феллиниевская. Рядом с ней не было никакой камеры, а скрытую камеру негде было бы установить. Я, как и все это видевшие, был очень удивлен и строил разные догадки. Я сказал: «Да-а-а, каких только сумасшедших в Москве не встретишь!»

На следующий день, утром, недалеко от нашего офиса в Пречистенском переулке, в абсолютно безлюдной обстановке и в мелком дожде я встретил... удивительного персонажа. Это был высокий, красивый негр. (Я полагаю, что слово «негр» в русском языке – это норма. Назвать его «афроамериканцем» не могу, потому что вряд ли он американец, а назвать «афрорусским» – нелепо и двусмысленно. Короче, слово «негр», на мой взгляд, не имеет отрицательной или расовой подоплёки.) В общем, встречаю негра с дредами, в белоснежном летнем костюме, в белых туфлях и с белым зонтиком, да к тому же еще с сигарой. Выглядел он абсолютно как персонаж Тарантино. Он попросил у меня зажигалку, – по-русски, с сильным акцентом. У меня зажигалки не оказалось. Он мне пожелал прекрасного дня и удалился. Весь оставшийся день я рассказывал всем о том, какие в Москве встречаются персонажи. На следующий день мы с Ириной поехали на телевидение, на запись программы «Разночтения». Студия этой программы находится в огромном офис-

ном здании, где к тому же пропускная система. Мы вызвали лифт, и из подъехавшего лифта вышла барышня в красном платье, совершенно в стиле 30-х годов, с серьёзным декольте и ещё более серьёзным бюстом. На голове у неё была большая чёрная шляпа. Все, в том числе и я, свернули головы, чтобы на неё посмотреть. Я уже не знал, что думать про Москву, и только радовался многообразию мира, рассказывал об этих персонажах всем и каждому. А вечером того же дня, возле Центра на Страстном, где играл спектакль, стоял странного вида бомж и фантастически чистым для бомжа голосом пел итальянские арии, причём пел профессионально, не доморощенно. Я его не стал рассматривать, проскользнул в театр, но наш звукооператор весь вечер ходил и удивлялся, утверждая, что долго слушал этого бомжа, и тот ни разу не сфальшивил, и такой силы голоса у бомжа быть не может.

Я ездил по Югу России и всем рассказывал, что в Москве что-то происходит удивительное с людьми, а когда в прошедшее воскресенье прилетел из Волгограда в Москву, меня снова встретила Ира, но уже не с дождём и снегом, а с солнышком. Мы поехали из аэропорта прежним маршрутом и на той самой плите, как и в прошлый раз, опять танцевала балерина. Я строил самые смелые предположения на этот счёт, но был настолько уставшим, что как-то к вечеру даже забыл о ней.

А сегодня утром, около половины одиннадцатого, я приехал в аэропорт Шереметьево-1, чтобы лететь домой. Прие-

хал один и с большими сумками, никто меня не провожал. И как только я зашёл в зал вылета, ко мне с разных сторон стали приближаться уже знакомые мне персонажи: девушка в чёрной шляпе, балерина, бомж и негр в белоснежном костюме. Они были с цветами, и девушка в шляпе сказала: «Я думаю, что в последние дни вы жили в несколько необычном мире и встречали необычных людей, так вот, поздравляем вас с Первым апреля! Это был розыгрыш».

Как я был счастлив! Потому что розыгрыш был таким художественным, совершенно не обидным, странным, нежным и красивым. Мне стало понятно, что какое-то время я жил в чуть-чуть переделанном кем-то для меня мире. И этот мир мне был непонятен, но он мне очень нравился. И розыгрыш был ни капельки не рассчитан ни на что обидное или страшное. Я рад, что мой близкий друг с помощью Ирины, которая знала подробно моё расписание и мои маршруты, так все здорово продумал.

23 апреля

Хочу рассказать про невероятно счастливый вечер и, можно сказать, приключение, которое случилось в Вологде. Я туда приехал 19-го, у меня был свободный вечер, сил на то, чтобы посмотреть город, не было, а поесть хотелось. В тот день в городе было уж больно много свадеб, в ресторане гостиницы была свадьба, в других ресторанах тоже. В общем,

нашли еду мы не сразу, настроение было не очень, да и накопилось за время гастролей статическое электричество. Какое-то время мы метались по городу в надежде найти уют и радость, и не получалось. И в итоге, когда я уже решил ехать отсыпаться, несмотря на то, что в гостинице свадьба, мы оказались в заведении под названием «Штоф», в каком-то современном здании, на высоком этаже.

Ещё в лифте я услышал дорогие сердцу звуки «Red Hot Chili Peppers». Не буду описывать само заведение, главное, что там было много симпатичного и уже выпившего народа, много красивых, весёлых и танцующих для самих себя девушек... И ещё там длинная барная стойка. Сидячих мест не было. Я протиснулся к стойке и тут же встретился глазами с барменом, который как ни в чём не бывало сказал: «Здравствуйте, Евгений Валерьевич. Чем вас можно угостить?» Я сказал, что меня можно угостить текилой, если мне можно угостить его. Он же ответил, что мне его угостить невозможно.

Я сделал кислую физиономию и спросил: «Потому что вам запрещено выпивать на работе?» На что бармен, не говоря ни слова, выставил на стойку пять рюмок (причём рюмки были правильные, такие, какие надо), наполнил их текилой, бросил на блюдце пригоршню резаного лайма, остальные бармены подошли, и мы вместе выпили.

Потом было ещё и ещё, музыка вся звучала какая надо: «U2», «Блонди», «Квин», Элвис и так далее. Все танцева-

ли, мы выпили с барменом Юрой на брудершафт, расцеловались ко всеобщему восторгу, понятное дело, перешли на «ты», а дальше я не очень помню... Но через какое-то время я уже стоял на барной стойке, сняв с себя майку, и танцевал, как мог красиво, топлес. В это время в баре происходил какой-то внеочередной Новый год. Но вдруг всеобщий крик достиг окончательного предела, а я даже не понимал, что происходит, а потом спиной почувствовал необычные ощущения. Я оглянулся и увидел, что бармены открыли шампанское и просто снизу поливают меня несколькими фонтанами. А один бросает вверх салфетки целыми пачками, и те разлетаются, как огромные конфетти. В этот момент я почувствовал себя победителем всех гонок «Формулы-1», испытал предельное счастье и станцевал за пределами возможного. Возвращения в гостиницу не помню. Но точно могу сказать, что обошлось без грязи. Самое удивительное, что проснулся я с совершенно ясной головой и вечерний спектакль от моего ночного счастья не пострадал.

В ночь с 20-го на 21-е, после спектакля, нужно было уезжать в Череповец, но не заехать в «Штоф» и не попрощаться я не мог. Я шёл со смешанными чувствами – я же многого не помню, а всегда после такого веселья и счастья хочется перед кем-то извиниться. Я даже говорил по дороге: может быть, какую-нибудь маску надеть... Когда мы зашли в здание, где находится «Штоф», нас встретил молодой охранник с хитрой улыбкой, вместо приветствия поднёс ко рту рацию

и сказал: «Ну давайте, встречайте, он пришёл...» Короче, на следующий день Юра-бармен приехал в Череповец смотреть спектакль.

Я много видел разных заведений, бывал в разных атмосферах, и у самого у меня было хорошее заведение под названием «Ложа». Есть выдающиеся бармены в разных странах, но то, что случилось в Вологде, – редчайший случай абсолютного доверия ситуации и тем ребятам, которые эту ситуацию создают и контролируют. Эти бармены, в том числе Юра, работают так здорово (а я знаю, что говорю), что создают атмосферу полной безопасности, а атмосфера безопасности – это то, что труднее всего создать и совсем непросто найти. Я имею в виду не безопасность, которая обеспечивается охранниками и камерами слежения, а безопасность, когда ты отчётливо понимаешь, что тебя здесь никто не обманет, не оскорбит, тобой не воспользуются, не сфотографируют тебя для того, чтобы продать снимок жёлтой прессе. И хотя мой танец снимало много людей на свои вездесущие мобильные телефоны, я понимал, что все они делали это не с целью воспользоваться записью в каких-то гнусных целях.

Короче, было здорово! И здорово не по-провинциальному, здорово не потому, что это в Вологде, а здорово вообще, просто здорово. И всем, кто будет в Вологде, рекомендую не метаться, ехать прямиком в «Штоф», а тем, кто в Вологде живёт, рекомендую не сомневаться: у вас есть отличное заведение, самого универсального уровня. Это определяется

не качеством интерьера, а качеством команды ребят, которые там работают.

5 мая

Несколько дней смотрю телевизор, посмотрел «Властелина колец». По телевизору особое ощущение. Смотрел, наверное, уже раз в шестой. Очень люблю. Когда выходил второй фильм, а я его сильно ждал, мне пришлось работать в Штутгарте: там выпускали спектакль по моей пьесе «Город», и ещё я работал со студентами. Везде висели афиши фильма, и я очень хотел пойти, но не пошёл. Сформулировал это для себя так: «Не хочу смотреть фильм на немецком языке, потому что будет казаться, что в любом случае победили немцы».

Какое замечательное кино! Красота, подвиг, чудеса! Когда в конце третьего фильма последний корабль с эльфами уплывает, у меня и на этот раз навернулись на глаза слёзы, и я поймал себя на детском воспоминании: мне отчётливо вспомнилось моё ощущение, когда смотрел в кинотеатре «Неуловимых мстителей» и четвёрка всадников в финале уезжала в огромный красный закат или восход. Я вышел тогда из кинотеатра, мне было одиннадцать, постоял ошарашенный, нашарил в кармане тридцать копеек – и пошёл смотреть фильм ещё раз.

А сейчас я смотрел, как уплывает корабль с эльфами, и

было грустно оттого, что вот эти молодые артисты, которые сыграли хоббитов, точно сыграли свои главные роли в жизни. Ничего более значительного им, пожалуй, сыграть не удастся. Как и тем ребятам, которые играли «неуловимых».

Ещё смотрю «Семнадцать мгновений весны». Как же я люблю этот фильм! Особенно сцену (смотрел её вчера), где Штирлиц и Клаус (его играет Лев Дуров – пожалуй, лучшая его роль) встречаются в конспиративном особняке и прослушивают запись разговора Клауса с пастором Шлаггом. Клаус слушает музыку, в такт пафосно трясёт головой, постоянно что-то ест и пьёт коньяк. А Штирлиц на него неподражаемо смотрит. В этом взгляде предельное презрение, брезгливость и даже удивление. Удивление оттого, что в человеке может открыться такая мерзость и подлость.

Поймал себя на том, что часть каких-то телевизионных произведений смотрю с таким же выражением лица. Посмотрел полсерии фильма про каких-то разведчиков, которые в сорок пятом году узнали, что немцы в конце войны сделали летающую тарелку, которую прятали в горах в Чехии. Представляете?! Я глазам не поверил! По Первому каналу! Я даже представил себе хитрых и беспринципных сценаристов и продюсеров, которые, когда выдумали такую вампуку, хохотали и бились об заклад, прокатит это или не прокатит. Прокатило. Ужас! Мне представляется это какой-то совершенно бессмысленной диверсией...

6 мая

Ну вот, так я и знал. Сразу начали спорить, комментировать предыдущий текст, мол, актёры, которые играли хоббитов, плохие, а потом они играли и прекрасно играют, совсем они даже немолодые, а фильм «Властелин колец» снят не очень.

Да какая разница, как они играют и какие они актёры! Им посчастливилось поучаствовать в великом произведении (можете называть этот фильм великим аттракционом, как хотите). Кто сейчас смотрит и думает о том, как сыграл очень средний артист Конкин в фильме «Место встречи...»? И что бы он ни играл до и после, он для всех на всю жизнь Шарاپов. Как и большой артист Катин-Ярцев снимался и работал в театре много, а для всех он Джузеппе из великого «Приключения Буратино». (Это великий детский фильм. Прошу по этому поводу не спорить.) И таких примеров очень много, есть и обратные, но они редки. Прикосновение к великому — это таинственно и опасно.

Ещё среди великого есть явления, которые я называю народными, а такого уже совсем мало. Я подразумеваю под этим словом те фильмы, которые любят все: от чернорабочего до академика, и от юнца до старика. Например «Белое солнце пустыни» — абсолютно народный фильм. И что бы ни делал в своей жизни актёр Кузнецов, он для всех навсегда

товарищ Сухов. А актёр Мягков сыграл в одном народном фильме, но на все времена. У него были прекрасные роли в других фильмах, но фильмы не стали народными. Поэтому он – самый главный пьяный страны в новогодние дни.

Совершенно не важны ляпы и неточности, историческая достоверность и технический брак в таких картинах. Все эти картины, когда выходили в свет, воспринимались свидетелями их появления спокойно и даже не без критики и иронии. А потом выкристаллизовались в сознании в абсолютные шедевры – даже не по качеству, а по количеству любви, которую вызвали. И те самые огрехи и ляпы тоже становятся любимыми и чуть ли не культовыми.

Потому бессмысленно говорить о том, кто как сыграл в фильме «Властелин колец». Этот фильм порадовал такое количество людей, он такое количество детей сделал счастливыми, что елозить со своей вкусовщиной по этому поводу неуместно.

Мы сейчас не можем знать, долго ли проживёт этот фильм в сознании как настоящая киносказка. Когда мне было десять лет, фильм про Синдбада с пластилиновыми циклопами и драконами казался чудом, а фильм «Легенда о динозавре» чуть не довёл до обморока от страха. Теперь это кажется таким наивным и трогательным! Я думаю, что, если бы мне тогда, десятилетнему, в 1977–1978 годах показали даже не «Властелина колец», а «Звёздные войны», я бы, наверное, сошёл с ума от счастья. Благо всё происходит вовремя. Так

что у меня большая просьба – в случае, если вы ощущаете себя гораздо более осведомлёнными в каком-то вопросе, не лезть сюда с демонстрацией своей осведомлённости и особого мнения. Потому что это мнение в случае, когда речь идёт о бесспорных вещах, выглядит просто как ИМХО¹ (а я терпеть не могу всю эту интернет-аббревиатуру).

И ещё мне кто-то написал, что разочарован тем, что я, образованный человек, люблю «Властелина колец». Спешу вас огорчить, я очень люблю «Властелина колец», «Звёздные войны», фильм «Трансформеры», все серии фильма «Назад в будущее», «Индианы Джонса» и даже «Рокки Бальбоа». Люблю, смотрю их с детьми, а те, кому это во мне не нравится, – идите в ИМХО.

8 мая

Моя бабушка, царство ей небесное, говорила про актёра Болтнева, который блестяще сыграл в фильме «Противостояние» Кротова. Она говорила: «Какой же плохой артист!» Я ей возражал: мол, артист он хороший, просто прекрасно сыграл плохого человека. А она говорила: «Нет, он артист плохой, гадкий». И ничего ей невозможно было втолковать. А какие-нибудь совсем даже ничего из себя не представлявшие актёры, которые играли передовиков производства или

¹ Прим.: ИМХО – (от англ. IMHO, Lп My Humble Opinion) – русская транслитерация англоязычного выражения, означающего «по моему скромному мнению».

военных – короче, положительных мужиков или эпизодических работяг, были для неё артистами хорошими. Наверняка она точно так же отнеслась бы к персонажам «Асфальта», поделив их на хороших и плохих, и если бы плохих оказалось, по её мнению, больше, книга сразу стала бы плохой.

Как же она несколько раз забавно высказалась по поводу музыки, которую я слушал! Однажды слушал я Шаде, она прислушалась и говорит: «Ишь как девка сладко поёт! Кого-то хочет затащить в постель!» А Леонарда Коэна слушала долго и внимательно, а потом спросила: «Мужик, наверное, в годах?» Я сказал, что да, немолодой, скорее пожилой. «Ох и бабник, наверное! Ох и бабник!» – сказала она и с удовольствием покачала головой.

22 мая

Странное дело: был в Израиле совсем недолго, а кажется, будто долго. Когда приезжаешь туда, где всё по-другому, к вечеру второго дня появляется ощущение, что ты там уже давно. На самом-то деле я пробыл в Израиле меньше недели, правда, за это время «Зенит» стал чемпионом, и хоккеисты тоже стали чемпионами. А в данный момент англичане играют в футбол в Москве. В Израиле люди так радовались успеху «Зенита» и хоккеистов, что мне с моей скромной радостью по этому поводу было даже неудобно. Сильно радовались, я так не смог.

...Покупал себе футболку в магазине. Народу было мало. Парень-продавец оказался не выходцем из бывшего СССР. Он заговорил со мной по-английски, я ему ответил по-английски. Как многие в Израиле, он спросил, откуда я. Я сказал, что из России. Он изменился в лице и заговорил на иврите. Я ему ответил, что я его не понимаю. Тогда он весьма строго и нравоучительно заявил, что раз я приехал в Израиль, должен говорить на иврите. На что я ему сказал, что вряд ли он, вдвое более юный, чем я, человек, может мне делать такие замечания, к тому же я как прилетел, так через пару дней и улечу. Он очень удивился и переспросил меня, действительно ли я приехал только на несколько дней. Я сказал: да. Он спросил: в гости? Я сказал, что по работе... Он очень долго извинялся, было видно, что искренне. Я всё никак не мог выбрать себе майку, а он всё извинялся. А потом наивно и опять же искренне спросил, почему я не хочу остаться. Я ответил, что... просто я в живу России. «А что, вам в Израиле не нравится?» – широко распахнув глаза, спросил парень. Я ответил, что, если говорить несерьёзно, то нравится, а если говорить серьёзно, то это длинный разговор. Когда он меня провожал – а майку я все-таки купил, скорее для того, чтобы он успокоился, он совсем обезоруживающе произнёс: «Знаете, я нигде не был, но мне кажется, что у нас, в Израиле, так хорошо, как нигде». На что я ему сказал: «Это очень хорошо, только поменьше спрашивайте

приезжих про Израиль. Если любите – не сомневайтесь».

29 мая

Только что вернулись с семейного просмотра фильма «Индиана Джонс»!

Ходили на сеанс 21.30 (для тех, кто не знает: в Калинин-граде время – минус один час по отношению к московскому), в кинотеатр «Заря». Это очень удобный, красивый кинотеатр с красивыми фойе, кафе, зрительным залом. Очень современный. В нём даже установлена глушилка мобильных телефонов в зрительном зале.

Я не готов сейчас обсуждать достоинства и недостатки фильма. Мы просто получали удовольствие оттого, что в приятный день, приятный вечер, вышли в кино и на экране Индиана Джонс, в шляпе, звучит знакомая музыка...

И вот в конце фильма, когда всё, как положено, рушится, гибнут бесценные артефакты, всё страшно и плохо, вдруг... гаснет экран. Светятся только лампы выходов. Зрители тихонечко сидят, никто не кричит: «Сапожник, косой, давай кино!» Все ждут. Ждём минуту, две, пошла третья минута. Зрители, и мы в том числе, начинаем волноваться, посмеиваться, шуметь. И тут заходит билетёрша и говорит: «Свет вырубился во всём районе, когда включится – непонятно». Мы спрашиваем: мол, а нам-то что делать? Она отвечает: «Что делать? Не знаю. Но тут и смотреть-то нечего осталось.

Тут щас этой плохой девке выжгут глаза, а этот улетит. Всё закончится хорошо». Просвещённая публика засмеялась в голос, мы присоединились к всеобщему смеху. Кто-то наугад крикнул: «А они-то поженятся в конце?»

Билетёрша серьёзно и громко ответила: «Поженятся-поженятся, я же говорю, хорошо закончится!»

И тут же улетучился весь лоск нового, технически совершенного современного кинотеатра, забылся стереозвук и долби-сюрраунд. И вспомнились просмотры фильмов в кемеровском кинотеатре «Юбилейный» с карболитовыми сиденьями, вечерние фильмы в летних открытых кинотеатрах на юге, с комарами и семечками, походы с корабля на фильмы в матросский клуб посёлка Западный недалеко от Совгавани. Там всегда рвалась плёнка, был плохой звук, неудобные сиденья, но всегда было весело.

Мы покинули зал, и все хохотали. Многие задержались в фойе, смеялись, обсуждали выступление прекрасной билетёрши. И тут во всем районе дали свет. Нам предложили вернуться в зал и досмотреть оставшиеся семь-восемь минут. Мы вернулись, и всё случилось, как и рассказала кинодива из кинотеатра «Заря». Он улетел, а они поженились. Мне очень весело сейчас.

Сам Спилберг не мог представить себе того, как может усилить восприятие фильма женщина лет пятидесяти пяти с довольно ощутимым южным выговором, работающая билетёршей в кинотеатре.

Не знаю, как кому, но мне новый Индиана очень понравился!

9 июня

Летел из Владивостока девять часов через семь часовых поясов.

Сыграл два спектакля в Хабаровске, два во Владивостоке. Сильно обрадовал меня на этот раз Хабаровск. Была чудесная погода, настоящий разгар лета. И такое было ощущение, что город совершенно приморский, что, если ехать по центральной улице, упрёшься в роскошную набережную. Полагаю, что такое ощущение возникало оттого, что город ещё не отошёл от праздника, бурно отметив своё столетие. Все ходили вальяжные, неторопливые, гуляющие. И конечно, девушки оставили на себе совсем немного одежды, а в Хабаровске, оказывается, много красивых девушек.

Есть у меня в Хабаровске товарищ и друг, Саша Ким. Он всё время ворчит, что я про его город говорю только одно: что он далеко. «Неужели ты ничего, кроме того, что Хабаровск далеко, сказать про наш город не можешь?!» – ворчит Саня.

Ну что, Саш, доволен?

После второго спектакля ко мне на сцену Хабаровского музыкального театра вышел из зала Джамал Беридзе, с которым мы вместе служили, про которого я написал в кни-

ге «Планка» и которого разыскивал двадцать лет. Несколько раз, будучи в Тбилиси, я в прямом эфире разных программ и грузинских телеканалов обращался с просьбой ко всем, кто слышит, помочь разыскать моего сослуживца Беридзе. Мои грузинские друзья пытались его найти. Я не знал его отчества, знал приблизительно год рождения, а также то, что он родился и жил недалеко от Батуми, кажется, в посёлке Махинджаури. Но Беридзе в Грузии больше, чем у нас... Ивановых, например. А Джамал, оказывается, в Грузию после службы не вернулся, остался на Дальнем Востоке. Он не знает, что я написал про него в книге, видел меня иногда по телевизору и читал в каких-то газетах и журналах. Он давно уже для друзей и знакомых не Джамал, а Дима или дядя Дима, не потолстел, не похудел, только здорово поседел... Как же мы с ним выпили водки!!! Я не припомню, чтобы так напивался в этом веке. Когда мы расстались, я сидел в баре и рыдал, рыдал от пьяного изумления и неспособности справиться с навалившимися на меня ощущениями прожитых лет, остро нахлынувшей юности, дружбы, чего-то непреходящего и на самом деле давно ушедшего. А на следующий день я улетел во Владивосток.

Как же грустно было улетать! Уж очень у нас большая страна. Всегда есть чувство сильного расставания с владивостокскими друзьями и тревожное колющее сомнение по поводу того, побываю я здесь когда-нибудь ещё или нет. Сходили на катере на Русский остров, побывал на руинах мо-

ей воинской части. Три года назад руины были более фундаментальными, за это время произошли очень большие разрушения. Такое чувство, будто кто-то включил ускоренные коррозию, ветшание и тлен. Ещё три года назад я мог зайти в помещение, где когда-то стояла моя койка и проживала седьмая учебная рота. Сейчас уже туда не войти, обрушилась даже лестница. Видимо, так тому и быть. Взял с развалин кирпич, притащил в Москву. Обязательно дотащу до Калининграда, пусть лежит дома, красивый, старинный: эти казармы строили ещё до революции, сразу после Русско-японской войны.

26 июня

С огромной радостью сыграли «Планету» в Днепропетровске. Огромный зал оперного театра был забит зрителями – это уже само по себе радость. «Планета» – спектакль очень городской и не так остро проходит в городах, где жизнь идёт вяло и сонно. Не буду их называть. Зато там, где городская жизнь бурлит, в городах, где есть амбиции, есть активные, пусть часто даже бессмысленные движение и пульсация, он проходит мощно. Днепропетровск, город с сильными амбициями, это очень чувствуется. Из российских городов по уровню амбиций его можно, пожалуй, сравнить с Екатеринбургом.

А ещё Днепропетровск встретил нас пушечной грозой, ка-

кая бывает только в начале лета. Гром был такой, что срабатывали сигнализации на машинах. Это очень шло городу, на который вначале обрушился ливень, а потом вдарило солнце, и все шли вымокшие, весёлые, а многие босиком.

Правда, в театре было так жарко и душно, что к концу спектакля я уже не понимал, что происходит. У меня настолько пересох весь речевой аппарат, что я страшно сорвал голос и следующий спектакль, в Запорожье, играл практически без голоса. Были выставлены дополнительные микрофоны, пришлось перед спектаклем делать инъекцию гидрокортизона, но голос всё равно едва звучал. Если бы не потрясающая поддержка публики, не знаю, как бы доиграл. В Запорожье получил рекордное за этот год количество цветов, в гостинице даже не нашлось достаточно ваз, чтобы все поставить. Пришлось использовать пару вёдер. И хотя город я так и не увидел, он для меня уж точно один из любимых городов на моей гастрольной карте.

В Симферополе играл впервые. У него в Крыму незавидное положение: все сюда прилетают или приезжают только затем, чтобы разъехаться в разных направлениях к морю. По пути из Севастополя в Симферополь вдруг остро захотел черешни, купил полведра и с жадностью съел в гримёрной перед спектаклем: остановиться было невозможно. Самое обидное, что вкус при этом ощущаешь первые десять-пятнадцать ягод, а дальше ешь уже по неудержимой инерции.

На юге со спектаклями так: заходишь в театр при свете

яркого солнца и затихающей жаре, а выходишь в тёмную густую тьму, как будто во время твоего выступления свет в мире выключили. Публика в Симферополе отличная южная, шумная, но телефонных звонков практически не было. Так, самую малость. И сидел ещё по центру в первом ряду крайне неулыбчивый парень лет тридцати пяти, который явно пришёл с предвзятым мнением и всем своим видом показывал: «Ну давай! Что ты тут мне расскажешь, чего я не знаю?» Было такое ощущение, что он по окончании спектакля собирается выставить мне оценки, как в фигурном катании или в КВН, причём оценки невысокие. У него единственного в зале было каменное лицо. И тогда я направил на него усиленную и напряжённую энергию. Думал про себя: «Надо помочь человеку порадоваться», и на эпизоде с портфелем он улыбнулся и даже сдержанно посмеялся. А на эпизоде про Новый год, видимо, махнул рукой на собственные предубеждения и смеялся в голос. Это была наша общая победа. Если я нахожу таких зрителей в зале, часто устраиваю такую никому, кроме нас, не видную борьбу. В общем-то это борьба за радость, и победить удаётся не всегда, но часто.

А в Днепропетровске был один курьёз. Прямо в середине спектакля «Планета» в зал вошёл мужик, по виду либо охранник, либо водитель, и, не обращая на сцену никакого внимания и, скорее всего, даже не видя, что происходит, громко топая, прошёл через весь зал к первому ряду. В руках у него был большой букет прекрасных кремовых роз в

сильно шелестящей обёртке. Он этим букетом шелестел так, что перекрыл мой голос. Подойдя к первому ряду, он отдал букет двум молодым женщинам и парню. И, спокойно топая, удалился из зала, громко закрыв за собой дверь. Я приостановил спектакль и поинтересовался: «А эти цветы для меня?» Компания смутилась и замахала руками: мол, нет, не для меня. «А кому, – спросил я, – вам?» Барышня закивала. Тогда я сказал: «Но тот человек, который принёс цветы, явно не дотягивает до вашего поклонника. Он что, ваш охранник или водитель?» Ребята махали руками, но это были уже непонятные жесты. Тогда я их спросил: «Скажите, а вам еду и напитки случайно так же не принесут?» Зал очень веселился, спектакль продолжился, а потом этот букет был подарен Ане Дубровской, так что все остались довольны. И я уверен, что больше они своего водителя или охранника за цветами во время спектакля посылать не будут.

Сегодня вся страна будет сильно переживать: грядёт футбол. Ничего не буду сейчас по этому поводу говорить и вас прошу этого не делать, а то накаркаем.

29 июня

Севастополь сейчас в самых основных местах подреставрировали, и он со стороны моря выглядит белоснежным. В этом городе много благородства и достоинства. И хотя его состояние очень далеко от совершенства, я сейчас не об

этом. В Севастополе есть свой особенный, достойный мотив, и на его фоне очень заметны глупость и суетливость.

После спектакля мы сидели большой компанией во двореке заведения под названием «Гелиос», рядом с красивым зданием матросского клуба, над красивой бухтой, где много кораблей, доки, военные тральщики. Ночью на кораблях горят огни, и воздух там невероятный. Мы сидели, выпивали простецкое крымское шампанское, стреляли пластмассовыми пробками в небо. И вдруг подъехала машина – совсем впритык к заведению, туда, где машины не ставят. Это был небольшой двухместный кабриолет «Мерседес» решительно чёрного цвета, надраенный и наполированный до невозможности и с киевскими номерами. Из него вышли два парня лет тридцати пяти, во всём белом, оба небольшого роста даже по сравнению со мной. Видно было, что они ощущают себя очень мускулистыми. Парни вышли, обвели всех невидящими глазами и медленно прошествовали внутрь заведения. Как только они скрылись из виду, все, кто был во двореке, весело посмеялись, мы в том числе. Смеялись и молодые девчонки, в расчёте на которых эта машина, наверное, и покупалась. Уж больно карикатурно вели себя эти мачо днепровского разлива. Посмеявшись, мы забыли о них, но эти парни вскоре дали нам новый повод: они приводили из заведения к машине девушек, позволяли им посидеть в салоне и сфотографироваться. И каждый раз обводили пространство невидящими глазами. А потом одна из тех, что сидели в ма-

шине, подошла ко мне и, слегка пьяненькая, сказала: «Знаете, Евгений, мы были у вас сегодня на спектакле. Вы про нас плохо не думайте, нам эти два деятеля не нужны. Просто у нас деньги уже кончились, мы с ними сейчас выпьем и пойдём домой. У них всё равно в этой дурацкой машине только два места. И не лень же было на ней ехать так далеко!» Я подумал: «Хороший город Севастополь. Непросто его взять».

Мы сидели тогда так до рассвета и встретили первые лучи. А утром в «Гелиос» приехали два хороших парня. Как я понял, киевские диджеи. Один высокий, другой маленький и толстенький, заехали попить утреннего чаю и стали играть свою музыку: совершенно бесплатно и для совсем немногих людей, уже при утреннем свете. Кто-то танцевал, и всем было хорошо. Толстенький диджей спросил меня, видел ли я последний концерт Стиви Уандера. Я сказал, что не видел. Он сказал, что Стиви Уандер тоже его не видел. Мы посмеялись, и я поехал по утреннему городу спать. А два деятеля на своём «Мерседесе» уехали несолоно хлебавши. Так им и надо.

А в Париже я видел однажды такую сцену... Была хорошая погода, я сидел в кафе на Трокадеро. Рядом со мной сидела совершенно парижская пара: парень и девушка. И по одежде, и по повадкам, и по тому, как говорили, они были стопроцентные парижане. Парень сидел ко мне спиной, а девушку я видел. Смуглая, с острым лицом, хорошенькая. Мимо проходил дядька, который предлагал цветы: розы. Ну, это

обычное дело. Парень, куря сигарету, подозвал его, купил одну розу, протянул её девушке и тут же получил ха-а-а-рошую пощёчину. Звонкую такую! Девушка встала и пошла.

Перешла через улицу и остановилась прикурить. Мне стало интересно, отчего все так произошло, я подбежал к ней и спросил по-английски, что случилось. И она спокойно ответила, что если он (тот парень) хотел ей подарить цветы, он купил бы их заранее. А вот так вот, походя, щёлкнув пальцем, не вынимая изо рта сигареты, воспользовавшись случаем, вспомнить про цветы, когда их буквально поднесли к столику... Короче, она сказала, что это для неё оскорбительно, а парень – придурок и зануда. И так, по ходу, цветы дарить женщинам нельзя. Я ответил ей, что она очень классная и что я обязательно подумаю над тем, что она сказала. Знаете, до сих пор думаю. А те парни на «Мерседесе» как-нибудь непременно нарвутся на такую женщину.

1 июля

Удивляет меня феномен белоснежных штанов и белых туфель с длинными носами. Этих штанов так много сейчас прохаживается по набережным и улочкам курортных городов! Почти сто процентов носителей таких штанов карикатурны и нелепы. Но они ходят и посматривают по сторонам, уверенные, что все на них смотрит восторженно, а свои барсетки эти люди несут как драгоценные жезлы, будто в этих

барсетках кроются несметные сокровища, фантастические утехы и тайны волшебного сезама. Как просто: купить себе белые штаны и ощущать себя романтиком. Даже не ощущать, а быть уверенным в своей романтичности. И хотя попадаются исключения, но редко.

В Севастополе познакомился с удивительным парнем. Фамилия его Т., служит он на подводной лодке штурманом, он не офицер, а сверхсрочник. Подошёл ко мне в последний вечер моего пребывания в Севастополе, пьяный, и сказал, что ему исполнилось в тот день двадцать пять лет. Отмечал он это событие в кафе, в большой и крайне необычной компании. Его друзьями оказались художники, дизайнеры, был один странный парень фотограф... И все они очень гордились Т., и было видно, что он среди них свой и разговаривает с ними на одном языке, хотя давно служит на подводной лодке, ходит в море и должен иметь совершенно других друзей. Я не встречал таких лихих, отчаянных и весёлых парней, как Т. Он затащил меня в ту ночь на подводную лодку, где мы... скажем, остроумно провели время. Перископ подняли и опустили несколько раз. (Надеюсь, его начальство не читает жж², а вы никому про то не скажете.) А какая у него особенная речь, обороты, интонации! По всем повадкам он – настоящий моряк. Давно у меня не было такого прекрасного повода гордиться нашим флотом.

² Прим.: Livejournal.com – «Живой Журнал» – сервис онлайн дневников.

6 июля

Четвёртый день в Грузии. Четвёртый день счастья...

Мы прилетели в три часа утра, и никто из встречающих даже не пожелал слушать, что мы хотим сначала попасть в гостиницу. Нам сказали, что нас ждут хинкали в хинкальной. Мы сказали, что не голодны, на что получили ответ, что хинкали ждут и есть их не надо, а просто немножко попробовать. (Для тех, кто не знает, что такое хинкали... не буду сейчас объяснять, но это очень вкусно.) Добраться до гостиницы нам удалось уже при ясном солнце, в восьмом часу утра. Хинкали, конечно, были все съедены, а сколько было выпито бутылок молодого вина – считать никто не брался. И так продолжается до настоящего момента. Через два часа нас ждут где-то, где, как нам сказали, будет небольшой банкет. «Будем нэмножко кутить!» – объяснили нам. Мои друзья улетают сегодня под утро, в три часа, а я ещё останусь. Грузинские друзья сказали, что сейчас мы сядем кутить, а отъезжающих прямо из-за стола отвезут в аэропорт. Так и будет. Главное – не пропустить момент, когда необходимо из-за этого стола встать. Очень странно, но тбилисский аэропорт работает в основном ночью, основные прилёты и вылеты – с полуночи до шести утра. В этом тоже есть какой-то особый грузинский смысл. Когда я улетал из Тбилиси в 2001 году, я опаздывал. Самолёт немножко задержали телефонным звонком, а потом

я впервые в жизни видел в салоне провожающих, но перед вылетом их попросили всё-таки выйти.

В самолёте рядом со мной сидел парень, очень симпатичный грузин. Весь полёт (три с половиной часа) он читал толстенную книгу на грузинском языке. В ней было множество схем, гор в разрезе, таблиц, цифр и химических формул. Он её читал очень внимательно, иногда что-то подчёркивал, иногда мотал головой, явно чему-то удивляясь, а иногда смеялся, будто прочитал смешную шутку. Книга была толстая, похожая на том энциклопедии. Я не удержался и спросил, что это. Он сказал, что это большое научное описание планеты Марс, со всеми геологическими и химическими данными, известными на 2007 год. Я был изумлён и в который раз подивился многообразию мира...

10 июля

Позавчера днём были в гостях у самого любимого грузина всего бывшего СССР: Вахтанга Константиновича Кикабидзе.

А попали мы к нему так: заспорили с моим другом Дато по поводу того, сколько лет было Кикабидзе, когда он снимался в «Мимино». Я предполагал, что лет тридцать пять, а он – сорок. И Дато говорит: «Да мы ему сейчас позвоним и спросим!» И действительно – берёт телефон, набирает номер и через несколько секунд говорит в трубку: «Батоно Буба? Хо!

Хо! Дато...» У меня было ощущение, что я стал свидетелем звонка в космос... Я много знаю крупных, больших и даже великих артистов. Но Кикабидзе входит в очень ограниченное число любимейших. К тому же он из детства. И вот мы поехали к нему...

На кривой улочке покрашенные голубой краской железные ворота. За воротами дом: не большой, не маленький, очень грузинский. Маленький полисадник, весь заплетённый виноградом. Ворота открыл сам хозяин, он улыбался. Ну, вы знаете, как он улыбается. Именно так и улыбался.

Дома у него красиво, очень по-грузински и вневременно, много фотографий и картин. Он сразу сказал, поставив на стол бутылку коньяка «Кикабидзе. Пять звёздочек» и положив большую шоколадку, что больше ничего нет. Мы сидели очень долго. Вахтанг Кикабидзе на удивление небольшого роста, хотя мне всегда казалось, что он роста изрядного. Он отлично выглядит, в прекрасном расположении духа. Он много рассказывал про своё детство времён войны, про маму, про родственников. Сам внимательно слушал мои рассказы. Смеялся. Читал отрывки из своей книги, которую пишет на русском языке, потому что, как он сказал, по-грузински писать не умеет. У него красивый крупный и очень понятный почерк. Коньяку мы выпили немало. Но самым чудесным моментом встречи был звонок в Хабаровск Джамалу Беридзе. Я рассказал Батоно Бубе про своего сослуживца из Аджарии, рассказал пару наших историй, которые есть в

книжке «Планка», и мы позвонили Джамалу.

Джамал сначала не поверил, а когда поверил, когда я ему убедительно объяснил, что он только что разговаривал с Кикабидзе, он издал какой-то такой звук и что-то такое сказал по-грузински, что стало ясно... Короче, у него случился национальный праздник.

Потом мы вместе смотрели на видео «Настроение улучшилось», Вахтангу Константиновичу очень понравилось, он смеялся – точно, а когда особенно сильно нравилось, похлопывал меня по плечу. И забрал себе диск. А мне в этот момент было удивительно оттого, что вот я сижу рядом с Мишино, а на экране тоже я. Не могу к этому привыкнуть.

Мы сфотографировались. Вахтанг Константинович сказал, что мы должны сделать пальцами такой жест (это запечатлено на фото). Я не понял, зачем, а он пояснил: «А пусть они знают, что не дождутся. Мы будем дружить». Я поддержал любимого артиста в этом его манифесте.

А как встречают гостей в Цинандали! На столе всё местное и всё сезонное. Кахетинское вино в графине, какое пьют только дома, сделанное не по европейским традициям, – вкус его даже отдалённо не похож на вкус того вина, что продавалось у нас в бутылках. Немного сыра и домашнего приготовления хлеб. Там его делают длинным, он серый, невероятно вкусный и довольно долго не черствеет. Что ещё нужно для знойного полудня?! Да, ещё «Боржоми». Всего этого мы, к сожалению, лишены. Но ничего! Как сказал Батоно Буба,

они не дождутся! «Они» в его устах – это они ВСЕ.

15 июля

Вчера посмотрел неизвестно в который раз первую серию нашего «Шерлока Холмса» по каналу «Культура». В процессе просмотра выяснилось, что знаю каждую фразу, многие реплики для проверки подавал раньше актёров, но оторваться всё равно не мог. Отлично помню, как видел этот фильм в первый раз, как мы сидели с мамой на тахте, за окнами было темно, дул ветер, прилетающий откуда-то с чёрных полей, а в телевизоре было счастье. Неторопливое, наполненное вкусными, безупречными, остроумными и тонкими деталями.

А летом, в июле, всегда показывали фильмы «Кортик» и «Бронзовая птица». Особым наслаждением было купить бутылку газировки «Крем-сода» и растягивать её в течение всей серии. И как только фильм заканчивался, сразу бежать куда-то, где ждут товарищи. Индийские фильмы в летних кинотеатрах тоже были острым наслаждением. Не все. «Зита и Гита» мне не нравился, но вот «Месть и закон»! Я помню, что больше всего хотел пойти на этот фильм с отцом. Я ему все уши прожужжал и вытащил-таки. Помню, отец старался не разочаровать меня, но я чувствовал, что фильм ему не очень понравился. Это меня удивило: я не мог понять, как такой шедевр может не нравиться!

А ещё прекрасно помню, как в Кемерово шли премьерные

показы фильма «Пираты XX века». У нас в классе был парень, который посмотрел его раньше нас месяца на два, в Ленинграде. Он все два месяца был в центре внимания: пересказывал фильм, многое изображал и даже разыгрывал диалоги. Из-за сильного ожидания фильм не очень понравился, но на премьерном показе в кинотеатре «Юбилейный» сразу после фильма выступал актёр Пётр Вельяминов. Я впервые в жизни видел известного актёра в том же самом времени и пространстве, в котором находился сам. Он не был моим любимым артистом, но сам факт его неэкранного присутствия меня сильно возбудил. А ещё он отвечал на вопросы, которые можно было посылать в виде записок. И я взял у кого-то ручку и нацарапал на своём билетике вопрос (билеты были такие длинные, сине-голубые). Я передал билет на сцену и вдруг услышал, как известный киноартист, человек с экрана, вслух читает то, что я написал: «Играли ли вы отрицательные роли?» Не помню, что он ответил, настолько был потрясён самим фактом контакта с иным миром, что слушать уже не мог. Два дня я был в состоянии полного счастья, и до сих пор у меня ощущение, что у нас с Петром Вельяминовым особые отношения. Хотя с тех пор я ни разу его не видел, только однажды готовился к спектаклю в его гримёрной в Питере.

Очень много летних радостей связано с кино, потому что кино летом ощущается как-то иначе, счастливее и беззаботнее, и именно лето предоставляет возможности посмотреть старые, давно не виденные ленты.

17 июля

Сегодня произошло маленькое, но очень чувствительное семейное событие. Сегодня сын мой Саша впервые побывал в кинотеатре и посмотрел большой фильм от начала до конца. Мы смотрели «Валл И». Он впервые был в кинозале, где большой экран, где есть другие люди, где нужно сидеть на одном месте, смотреть на экран и вести себя хорошо. Он впервые видел, как гаснет свет, и слышал будоражащую музыку, а на экране уже вовсю красовалась заставка диснеевской студии. Маленький четырёхлетний человек не перенёс восторга, который его переполнял, и на весь зал прокричал: «Начинается, начинается!»

Он выдержал весь фильм – что-то ему было непонятно, в какие-то моменты он уставал, но ритуал просмотра фильма в кинотеатре теперь им освоен. Саша вышел из зала счастливый, весь в себе, заторможенный... Его счастье было при этом с грустным лицом. Было ясно, что он получил сильное впечатление и, может быть, впервые так остро ощущал, что что-то хорошее закончилось и надо продолжать жить обычную жизнь (хотя в детстве обычная жизнь всё равно прекрасна). Он вышел из кинозала и с таинственным, счастливым и в то же время грустным лицом долго рассматривал афишу только что просмотренного фильма. А потом глубоко вздохнул, и мы пошли из кинотеатра на улицу.

Дальше день складывался для него здорово. Мы поехали к моим родителям на дачу, там Деда (мой отец) сделал ему лук и рогатку. Из них он пока стрелять не может, но его радовало то, что лук и рогатка настоящие и что их можно хотя бы держать в руках. А ближе к вечеру повылезали большие слизняки, мерзкие и вредные для садовых растений твари. Их тут полным-полно. В Сибири я таких огромных никогда не видел. Саша боролся со слизняками при помощи соли: если на слизняков посыпать соль, они эффектно растворяются, а крупные кристаллики соли прожигают в них дырки. В общем, прекрасное занятие для четырёхлетнего парня: спасти сад от зловредных тварей. Сочувствующих слизнякам и прочим вредителям прошу с критикой не лезть. В нашей семье любят животных, а также жучков и червячков, но свой сад мы оберегаем.

А после того как был съеден приготовленный Дедой шашлык и мир спасён от вредителей... после слёз расставания с бабушкой и дедушкой он ехал на заднем сиденье машины в своём маленьком креслице, держал в руках пластмассового робота-супергероя, о чём-то грустно думал, смотрел в окно и периодически сам себе поплакивал. А потом так и уснул в немыслимой для взрослого человека позе, с дорожками слёз на щеках. Счастливый день.

Мне так понравился «Валл И»! Я заворожённо смотрел этот фильм, даже не вникая в историю. Какой же он ужасно симпатичный парень, этот Валл И! И я очень хорошо пред-

ставляю, как замирает сердце ребёнка от желания иметь такого друга. Товарища! Как мы все мечтали иметь какое-то необычное, чудесное существо, удивительного друга в лице маленького человечка, который бы жил в игрушечном домике, или какое-нибудь ужасно умное говорящее животное, или, как в этом случае, доброго, наивного, преданного и всё умеющего делать робота. Многие-многие дети после просмотра этого фильма будут засыпать, сладко мечтая.

Продолжение ЖЖизни

2008

28 июля

Три дня провёл на Севере, впервые посетил Мурманск, Североморск, Полярный, ещё несколько посёлков. Побывал на кораблях, «принимал» парад на катере командующего, но главное – спускался в кубрики, посидел в кают-компаниях с офицерами, поел макарон по-флотски, выпили, конечно... Офицеры все уже моложе меня. Я имею в виду тех, кто служит на кораблях. Даже командиры кораблей моложе. Штабные и отставные, конечно, постарше будут.

Хорошие мужики там служат, настоящие, с юмором и какой-то отчаянной жизнерадостностью. Спустился я в кубрик малого ракетного корабля «Рассвет», понюхал воздух, посмотрел на трёхъярусные койки, рундуки... и подумал: «Как у меня получилось так долго жить в таких условиях...» Довольно часто слышу от своих ровесников или даже от тех, кто постарше: мол, с удовольствием бы сейчас послужил, вспомнил молодость, как было тогда хорошо, просто и всё понятно. А я отчётливо сознаю, что тогда смог всё пережить и жить

дальше только по той причине, что был юн. А сейчас бы, наверное, с неделю продержался на той еде, которой нас тогда кормили, да и помер. Только юность и спасала.

В Североморск приходили три корабля «супостатов»: норвежский, английский и американский. Было неприятно, что к нам прислали три заштатных, небольших, некрасивых и плохо ухоженных корабля. Норвежский был ещё более-мее, а вот англичане с американцами могли бы прислать что-нибудь посимпатичнее. Но офицеры английские, американские и норвежские выглядят хорошо. Породистые, поджарые, без излишнего золота на погонах, не увешанные значками и юбилейными медалями. В общем, выглядят импозантно. И ещё они не носят этих огромных, нечеловеческого размера фуражек, которые почему-то так полюбились многим нашим офицерам. Зато матросики с «супостатных» кораблей выглядели не очень. Американские матросы какие-то взрослые, в большинстве своём полноватые, могли бы быть похудее. Да и лица бы им немножко... ну, более выразительные, что ли. А вот норвежцы были смешные. Они служат год, мальчишки совсем. Отпустили их с корабля в увольнение, дали рублей и разрешили выпить. После второй рюмки они почувствовали себя настоящими викингками...

Видел в Мурманске большую рекламу: «Наращивание ногтей ночью» и адрес. Что они, интересно, имели в виду?

У них же зимой полярная ночь. Может, они имели в виду наращивание ногтей зимой! А вообще-то Мурманск не показался мне столь бурлящим и деловым, чтобы кому-то не хватило днём времени нарастить ногти. Видел ещё магазин под названием «Аня», на нём было написано «„Аня“ круглосуточно». А в Североморске встретился павильон под названием «Ой!» Ну это уже так... По сравнению с ночным наращиванием ногтей...

Уезжал очень рано утром. Было плюс шесть, летела холодная морось, и совершенно невозможно было представить, что где-то тепло, и море бывает тёплым, и кто-то там изнывает от жары.

3 августа

Съездил (не буду говорить куда) и сыграл маленькую роль в кино. Как будет называться фильм, пока точно неизвестно. Сценарий целиком не читал, а роль очень маленькая. Зато была возможность сыграть в кино летом, к тому же книгоиздателя. Я согласился участвовать в съёмках ещё и потому, что был занят всего два съёмочных дня и в кадре мой персонаж один и всё время говорит по телефону. То есть ни с кем не нужно было репетировать и не нужно было чётко выучивать роль.

Мне нравится играть в кино. Правда, я мало снимался, и у меня всё время были только эпизоды. Но с самого начала, сразу, мне очень понравилось сниматься в кино. В литературе и театре я всегда несу за всё ответственность, потому что я автор, а в кино исполняю поставленную передо мной задачу. И в любом случае являюсь только частью чего-то большого и целого. Я, конечно, стараюсь играть как можно точнее, но не несу ответственности за то, каким получится фильм.

В кино об артисте заботятся: тебя привозят, увозят, снимают тебе хорошую гостиницу, подбирают костюмы, за тобой постоянно присматривает гримёрша, на съёмочную площадку вовремя привозят еду. Только, когда снимаешься, совершенно непонятно, какое получится кино. Например, когда снимался фильм «Азазель», на съёмочной площадке было обильно, весело, дружелюбно, все ходили в исторических костюмах, красивые интерьеры, и мне очень нравилось. А фильм не получился. А в фильме «Прогулка» я снимался зимой, в то время как основные съёмки были проведены летом. Съёмки со мной проходили ночью, да ещё в боулинге, причём довольно мучительно. С тех пор боулинг я возненавидел – но фильм получился. Так что, когда у меня есть время, когда сценарий даёт хоть какую-то надежду (чаще всего присылают безнадёжные сценарии), когда роль не очень большая и у меня есть такая возможность... я с удовольствием снимаюсь.

Во время совместной пресс-конференции с одним весьма известным киноартистом нам задали вопрос о сути актёрской профессии. Вопрос этот может конкурировать по степени оригинальности только с вопросом о творческих планах. Но мой коллега пустился в рассуждения о том, какая невыносимо трудная актёрская профессия, и о том, что каждый раз, играя роль, он проживает чужую жизнь, и на эту чужую жизнь артист тратит собственную... Ну и прочую ерунду. А я тогда поулыбался (потому что всё-таки мой коллега – хороший парень, просто он артист) и сказал, что для меня съёмки в кино – это высокооплачиваемый отдых. Ещё я добавил, что когда актёр снимается сразу в трёх фильмах, переезжая с одной съёмочной площадки на другую, когда он не сразу может вспомнить, в каком фильме нынче снимается, когда он не может отказаться ни от одного сценария и мечется между городами и съёмочными площадками и после съёмочного дня не едет в гостиницу отдохнуть, а либо пьёт, либо... а потом не может вспомнить по голосу или номеру телефона, что за барышня ему написала или позвонила... при таких обстоятельствах актёрская профессия – действительно очень тяжёлая работа. И мой коллега, смеясь, сказал: «Женя, с-с-сука, ну зачем ты так?!»

Вообще-то я с детства мечтаю сняться в большой роли и в значительном фильме. Будет ли это детектив, или экшн –

неважно. Главное, чтобы кино было настоящее... А издателя, который издаёт всякую макулатуру, думаю, я сыграл хорошо, со знанием дела. Издателей я всяких повидал, и лучше хорошо сыграть плохого издателя, чем наоборот.

8 августа

В моей жизни был момент прямого контакта с Солженицыным. Великий режиссёр Глеб Панфилов пригласил меня сняться в фильме «В круге первом». Предстояло сыграть некого писателя Н. Галахова. На самом деле это не кто иной, как Константин Симонов. Я с радостью согласился, но у писателя Галахова в романе совершенно нет текста, и мне самому пришлось написать монолог своего героя. Солженицын очень внимательно следил за съёмочным процессом и не допускал никакой отсебятины, но написанный мною текст утвердил, хотя это и не совпадало с его трактовкой образа Симонова. Я постарался в монологе придать Симонову больше трагизма и благородства, чем было у Солженицына, который явно Симонова не любил. То, что он утвердил мой текст, меня порадовало, и я оценил способность классика слышать другое мнение...

Мне понравился эпизод, который получился в итоге. Говорили, что Солженицыну тоже.

13 августа

...Выработалась у меня такая мантра, которую я часто проговариваю про себя, когда встречаюсь с хамством, пошлостью, когда вижу постыдные действия наших политиков, когда вижу отвратительное поведение моих соотечественников, когда встречаюсь с некомпетентностью и непрофессионализмом, ложью, жадностью, вероломством и прочим, когда здесь читаю бессмысленные и злобные слова, — я проговариваю про себя, спокойно и монотонно: «Они не заставят меня разлюбить Родину, они не заставят меня разлюбить Родину...»

15 августа

Вчера и сегодня усилием воли заставил себя оторваться от новостных каналов. Считаю необходимым успокоиться и разобраться в отношении к произошедшему. Ясно, что восстанавливать прежние отношения бессмысленно. Произошло непоправимое... Помню, больше десяти лет назад, когда жил и работал в городе Кемерово, в театре, которым я руководил, постоянно возникали конфликты, тянулись дразги, прорывалась накопившаяся за семь лет усталость друг от друга (а возраст театра тогда составлял критические семь лет). Я постоянно чувствовал, что назревает скандал. При-

чём вспыхнуть он мог в любую секунду, из-за ерунды. Тогда я обратился к своим друзьям и коллегам с просьбой: «Ребята, пожалуйста, постарайтесь не сделать и не сказать того, после чего прежние отношения будут невозможны». Мои слова не помогли. Много было сказано... Сейчас мы снова друзья, но только я в Калининграде, а мой театр – в Кемерово.

По поводу прошедших событий сейчас много будет сказано – со всех сторон. Кто-то в этой борьбе проиграет, а кто-то победит. Кто-то обязательно наговорит лжи, а кто-то глупостей. Очень важно сейчас погасить в себе гнев. По возможности не ждать и не жаждать того, чтобы виновные были непременно наказаны. Очень важно, чтобы виновные были наказаны, но ещё важнее – не жаждать этого: важнее всего жить дальше.

17 августа

Вспомнилась на днях история, произошедшая в 2002 году. Она не связана напрямую с теми переживаниями и тем более с теми событиями, которые мы все наблюдали в телеэфирах и за которыми следили в последние дни. Но я вспоминаю о ней как о моменте, когда большая часть моих иллюзий по поводу того, что можно быть всегда адекватно понятым и что люди действительно хотят слышать другое мнение, улетучилась. Но именно после того эпизода я с ещё большим усердием стал настаивать на понятности высказывания. Да-

же без надежды, что поймут.

Мне кажется, я где-то уже рассказывал об этом, но расскажу ещё раз и подробнее.

В 2002-м, весной, я приехал на гастроли в Цюрих. У меня должно было пройти пять спектаклей в Ноймарк-театре. Это хороший средних размеров европейский театр. К тому моменту я уже вкусил прелести и трудности европейских гастролей в Финляндии, Англии, Германии, Франции... Перед началом гастролей была назначена пресс-конференция. Мероприятие проходило в красивом зале с видом на Банхоффштрассе и площадь... ну, на которой те самые знаменитые швейцарские банки. Беседа с журналистами шла приятная, со мной был немецкий переводчик, говорили о современной драматургии, спрашивали моё мнение о состоянии русского театра. И вдруг один журналист спросил меня о Чечне – какова моя позиция по чеченскому вопросу. Я сказал, что приехал в Цюрих играть спектакли, а не обсуждать эти темы, и не хотел бы говорить об этом, поскольку чеченская тема тут же перевесит все профессиональные рассуждения о театре и драматургии. Но журналист настаивал, к нему присоединились другие. Я сказал, что по этому вопросу лучше собрать другую конференцию, не посвящённую театральным гастролям. Кто-то сделал предположение, что я, должно быть, активно поддерживаю военный способ решения проблем. Ситуация стала накаляться.

Я никак не ожидал, что швейцарские журналисты, встретив нежелание говорить на эту тему, так резко заведутся. Кто-то из них припомнил, как незадолго до этого в Цюрихе выступали русские писатели и активно осуждали российское правительство. На что я ответил (отлично представляю себе, как отреагируют многие на то, что сейчас скажу, но тем не менее), что не вижу смысла использовать данную пресс-конференцию как трибуну для заявлений, в которых критикуется моя страна. Я это делаю дома и считаю трусливым и недостойным в ситуации совершенно безопасной делать безответственные заявления, которые здесь понравятся. И при этом дома я своего мнения по этому и другим вопросам не скрываю.

Журналист настаивал на том, чтобы я высказался. Мне пришлось ответить ему, что мое мнение весьма непростое и оно не только сильно отличается от официальной российской позиции, но и не совпадает с неким европейским представлением о проблеме. Я попытался как можно спокойнее объяснить им, что они у себя в Цюрихе даже приблизительно не могут представить себе тот уровень ужаса и жестокости, который царит в Чечне. Я также сказал, что и я этого ужаса всецело не понимаю. Но уверен, что там проявляются такие формы сознания и такие представления о жизни, смерти и ценности человеческого существования, что здесь, в тихом Цюрихе, я не смогу найти слов, чтобы это передать. К тому

же, уверен, сказал я, вам как журналистам это и не нужно. Вам нужно от меня другое: чтобы я как человек культуры и искусства однозначно осудил агрессию. А я могу только однозначно осудить войну, но включиться в дискуссию не могу, поскольку подробности мне неизвестны.

Они остались очень недовольны ответом. И тогда ещё один журналист ехидно спросил меня: «И после этого вы считаете себя европейцем?» Я ответил, что не только не говорил ни слова о том, считаю ли я себя европейцем, я даже не думал об этом. Однако из вопроса следует, что вы меня европейцем не считаете. И поэтому, боюсь, вы сами провели между нами границы, которые не позволят нам вести разговор. Ведь вы от меня ждёте определённого, нужного вам ответа, а другой вам не понравится. Тогда одна дама спросила меня: «А как русские отнеслись к трагедии 11 сентября?» Я сказал, что это весьма оскорбительный вопрос. В России есть разные люди, но в большинстве своём они отнеслись к этому с ужасом, состраданием, горем. Почему вы полагаете, что отношение к этому было иным, чем у вас? Я имею в виду лично вас и лично меня... Было ещё что-то сказано журналистами, что-то обидное и высокомерное...

И вот тогда я не выдержал. Для меня та ситуация была неожиданной, а опыта нервных пресс-конференций у меня ещё к тому моменту не было. Я рассердился, встал из-за стола, подошёл к окну, за которым была площадь, и сказал: «Вы-

то что здесь так переживаете? Вам-то здесь чего бояться? У вас вот в этом банке деньги Джорджа Буша, в этом – Бен Ладена, а в этом – наших богатых ребят. Что вы здесь изображаете такое сильное участие в судьбах мира? У вас страна-то на страну не похожа». После этих слов они на какое-то время потеряли дар речи, а затем прозвучал вопрос: «А на что же она похожа?» – на который я очень быстро ответил: «Она похожа на прекрасную театральную декорацию, скрывающую цинично работающую банковскую систему. И этой системе абсолютно безразлично, откуда и какие деньги в неё поступают и сколько на этих деньгах крови...» Кстати, сказав про декорацию, я вернул тему нашей пресс-конференции всё-таки к театру и гастролям. Но, боюсь, про театр вам слушать уже неинтересно».

Мой немецкий переводчик всё очень подробно переводил и был явно доволен. Всё-таки любят они там друг друга, в Европе. Французы немцев, немцы швейцарцев и австрийцев, бельгийцы голландцев, англичане итальянцев... Ох и любят!

Кстати, гастроли тогда прошли прекрасно. И ещё несколько лет я ездил играть в Ноймарк-театре. Журналисты на спектакли не приходили... игнорировали.

20 августа

На Лазурном берегу люди читают на пляже «Асфальт».

Встретился с дамой, доктором и профессором филологии, которая не только читала книжку, но и всю её исчеркала карандашом, делала свои профессиональные пометки. В частности, она выделила все мною употреблённые метафоры, которые я метафорами не ощущал. «Рубашку» и французы читают, на французском языке, но книга так безобразно оформлена, что её даже неприятно брать в руки, и есть вопросы к качеству перевода. Это французское издание убедило меня в том, что европейским издателям доверять ни в коем случае нельзя. То, что у них в книжной культуре лучше вкус и более глубокие традиции, – это устаревший миф.

Позавчера многие французы трясли на пляже газетами, качали головами и обсуждали главную новость дня: покупку Михаилом Прохоровым виллы на Лазурном берегу. Французов понять можно. Прохоров купил, по мнению газет, самую дорогую виллу в мире за 492 млн евро. Местные газеты смакуют, что Прохоров самый высокий (2 метра) из богатых людей мира, что он купил эту виллу, видимо, решив отомстить французам за Куршевель, и что в саду его виллы ежедневно работают 50 французских садовников. Красиво, если это месть!

Обсуждать-то они это обсуждают, но что по этому поводу думают – непонятно. Я как-то разговорился с одним милым пожилым французским профессором, который преподаёт философию в Нанси. Он сказал, что ему грустно видеть,

когда русские, украинские или казахские богатые люди покупают несколько бутылок коллекционного вина ценой дороже полутора тысяч евро за бутылку и выпивают это вино между делом, продолжая активные споры. Он говорил: «Для многих французов это вино совершенно недоступно, а если у них и случался опыт выпивания такого вина, то для французов это событие не только гастрономическое, но и культурное. Посмотрите, Эжен, как этот человек (он мне показал на двух толстяков за соседним столиком, которые говорили с сильным южно-русским выговором) берёт бутылку «Шато ля тур». Он её хватает. Я пил такое вино всего несколько раз в жизни, и это были не просто ужины, я их все помню. Француз такую бутылку берёт бережно, с почтением и к вину, и к тому, кто это вино сделал, и к тем годам, которые Франция потратила на то, чтобы научиться делать такое вино, и к годам, которые бутылка ждала того момента, когда будет выпита. А он, смотрите, пьёт вино, продолжая курить сигарету. Я не завидую этим молодым людям (толстякам было около сорока. – *Е. Г.*), совсем не завидую. Мне просто печально видеть то, что я вижу».

Наши ребята (я имею в виду ребят из Украины, России, Казахстана, которые скупил здесь лучшие виллы, корабли и прочее и которые демонстрируют Лазурному берегу свои дорогие машины, дорогих женщин и безупречно белые брюки) сильно ошибаются, если думают, что к ним здесь относятся с

глубоким почтением... Хотя, надо отдать должное, некоторые всё же научились себя вести, научились быть респектабельными и хоть как-то своим поведением соответствовать своим капиталам.

24 августа

Сегодня вечером в Каннах публика ждёт русский салют. Готовит фейерверк калининградский мастер этого дела. Он действительно классный специалист, и мы у себя в городе привыкли к его чудесам. Что то он придумает на этот раз? Хотелось бы, чтобы это было прекрасно. А вчера в каннском Дворце фестивалей дал концерт ансамбль Балтийского флота. Артисты, одетые в морскую форму, играли, пели и плясали. Пожилые французские аристократы выражали детский восторг. Приятно. Всё-таки матросский танец «Яблочко» приведёт в восторг кого хочешь.

Удалось совершить короткое морское путешествие – от берегов Франции к берегам Италии. Три дня были в море и ночевали на борту. Для меня это самое лучшее, что может быть, – морское путешествие. Кишащее лодками разных размеров Средиземноморье. Не могу без моря. Без моря, которое подо мной.

Два года назад обошли на небольшом кораблике Корси-

ку. Корсика – это что-то совсем особенное, это не скучная Сардиния и не весёлые греческие острова. Корсика – что-то непостижимое. Высадились мы на лодке в маленьком порту Кальви, внешне похожем на многие портовые городки. Мы собирались подняться на машине в горы и вечером поужинать в рекомендованном нам маленьком семейном ресторане. Взяли такси. Таксист, загорелый, крупный мужик, без тени улыбки спросил, не французы ли мы. А когда узнал, что не французы, не обрадовался, не удивился и даже не улыбнулся, просто одобрительно кивнул. За всю дорогу он не проронил ни слова, но зато как только мы сели в машину, он тут же включил корсиканские песни. Справедливости ради надо сказать, что корсиканское мужское многоголосье очень похоже на грузинское, его даже легко спутать с грузинским. Мы ехали довольно долго, прослушали много песен, и во всех песнях чаще всего звучало слово «либерта». Когда мы вышли из машины, предварительно рассчитавшись, водитель с нами не попрощался, а усилил громкость, должно быть, до предела и укатил с гордым и непроницаемым лицом, слушая песни свободы.

Ресторанчик, куда мы приехали, был очень маленький, с прекрасным видом на море и скалы. Мы долго ждали меню, которое нам так и не принесли. В конце концов к нам подошёл здоровенный не улыбочивый парень. Он вполне неприветливо сказал нам что-то по-французски, и его лицо слегка

смягчилось только тогда, когда мы сказали, что по-французски не понимаем. На просьбу принести меню он как-то по-особенному фыркнул и на очень плохом английском сказал, что никакого меню у них нет и он сам скажет, что можно поесть. После чего он произнёс с десяток корсиканских названий корсиканских же блюд. Он перечислял эти названия с кислой физиономией и только на одном как-то всплеснул руками и сверкнул глазами. Я спросил, что из того, что он перечислил, мясо. Он опять скучно сказал, что у них есть баранина, говядина и есть... тут он произнёс опять то же корсиканское название, при котором опять всплеснул руками и сверкнул глазами. Я, конечно, заинтересовался, но всё же спросил у него, что это за животное. Он сказал, совершенно изменившись в лице, что это свободное, очень сильное животное. И дальше продолжил по-корсикански, изображая жестами, насколько это животное свободное, сильное и опасное. Я, естественно, заказал именно это блюдо. И только тогда официант взглянул на меня с лёгкой тенью одобрения.

Мне повезло меньше всех: все ели вкусную рыбу, хорошую баранину, а мне принесли здоровый кусок очень тёмного мяса, весьма жёсткого, залитого густым винным соусом. В мясе было много осколков костей, и в итоге я чуть не сломал зуб о крупную свинцовую картечину. К слову, в моей порции оказалось даже две картечины. Думаю, это был дикий кабан.

Корсика прекрасна! Я никогда не видел якорной стоянки красивее, чем порто Бонифаччо. И как же там давно всё запутано! Как же корсиканцы ненавидят французов! С каким недоверием многие пожилые люди посматривают на приезжих. И какую теплоту и радушие порой можно там встретить! Много завязано в человеческой истории узлов. Кровяные узлы завязываются и прямо сейчас, у нас на глазах. И как же долго и трудно мы будем их развязывать!

27 августа

В воскресенье в Каннах был грандиозный салют в честь годовщины освобождения Канн от немецких войск. (Канны освободили не наши войска. Если быть точным, тут немецких войск было совсем немного, они вообще-то сами ушли, но дата и праздник остались.) Традиционно в этот день во Дворце фестивалей происходит русский приём и фейерверк. В этом году фейерверк устраивали калининградцы. О, как же это было здорово!

Заполненная людьми Круазетт, даже не заполненная, забитая. Все рестораны на всех пляжах были забронированы за несколько дней. Чудесная погода. И стоящий на рейде Канн пришедший из Калининграда парусник «Крузенштерн», весь в огнях. «Крузенштерн» – прекрасный корабль. Он немецкой, довоенной постройки, когда-то назы-

вался «Падуя», а потом был взят как трофей. Теперь он ходит по всему миру с курсантами мореходных училищ. И куда бы ни заходил, вызывает восторг и радость. Вокруг него, как стайки диковинных рыб, снуют яхты и лодки. Все хотят рассмотреть этот удивительный корабль поближе...

Салют в воскресенье вечером не просто удался. Во-первых, он начался вовремя. Канадцы на прошлой неделе затянули с началом на два часа, и дети, которых привели посмотреть фейерверк, уснули. Во-вторых, очень повезло с погодой. Ветра не было практически совсем. Но самое главное – композиция салюта, подобранная музыка и мощь фейерверка повергли людей в полнейший восторг. За несколько лет я посмотрел в Каннах восемь салютов. Этот был безусловно лучшим. Калининградский мастер фейерверков с корейской внешностью и фамилией Хан превзошёл сам себя: салют длился 44 минуты, был невероятно разнообразным и многослойным. Под «Калинку-малинку» вся Круазетт танцевала и свистела. А завершение салюта было настолько ошеломительным и мощным, что пауза перед аплодисментами повисла секунд на тридцать. А потом была овация! Мы смотрели салют с пляжа. И все без исключения французы, услышав русскую речь, подходили и говорили нам спасибо. Это было счастье. Хотелось сказать Хану словами главного героя фильма «Андрей Рублёв»: «Посмотри, какую радость людям сделал!».

Как же сильно я люблю Тбилиси! Трудно будет найти спокойную и взвешенную интонацию, но это обязательно произойдёт. В высказываниях европейских и американских политиков много истерики, причём неискренней: далась им эта Грузия. Люди здесь не знают, где она находится. И уж точно не видели ни одного грузинского фильма и не читали ни одной грузинской книги... А к чему приведёт непримиримая позиция моей страны? Ох, не знаю... Но с уверенностью могу сказать: что бы ни происходило, что бы ни сказал в сердцах любимый мною батона Буба, что бы ни думали о происходящем мои друзья и коллеги в Тбилиси, я буду их любить. И если кто-то завязывает кровавые узлы, развязывать их нам. Спокойно, не торопясь и очень осторожно. Займусь этим... Да, в общем-то, уже занимаюсь – хотя и отдаю себе отчёт в том, что голоса таких, как я, сейчас мало кто услышит. Но кто-то захочет услышать...

30 августа

Отъезжая с Лазурного берега, видел в Ницце и окрестностях Монте-Карло много людей и машин с синими флагами «Зенита». А ещё в море фигурировала футуристическая яхта, которую построил великий и ужасный Филипп Старк для... одного нашего богатого парня. Эта яхта чем-то напоминает фантастическую подводную лодку, и когда её видишь

в море, создаётся ощущение, что ты попал в фильм «Небесный капитан»: корабль буквально выплыл из комикса. Равнодушных нет. Кто-то в восторге, кто-то в недоумении. И по поводу победы «Зенита» равнодушных нет. И хоть я не болельщик, всё-таки ура! Так и надо.

Покидал Францию, ощущая, что оставляю её на многочисленных соотечественников, присутствие которых там заметно как на суше, так и на море.

На днях выпивали в обществе Тины Тернер. Невозможно представить, что ей шестьдесят девять. Сидели, веселились, а когда выяснилось, что в доме, где это происходило, есть DVD концерта, посвящённого её шестидесятилетию, с удовольствием посмотрели почти весь концерт. Причём самое большое удовольствие получила от этого она сама. Вот как надо относиться к собственному творчеству и творчеству вообще.

Про Грузию с ней не говорили, кажется, она не в теме. Зато про кандидата МакКейна она, поморщившись, сказала, что он старый, но поморщилась так выразительно, что в этом было больше, чем она произнесла. А про Обаму сказала забавно: мол, симпатичный парень, но она не уверена, что Америка готова к чёрному президенту. Очень она здоровская... тётка, что ли. Замечательная, весёлая, очень мощная и молодая. Когда уходила, она почему-то решила потрогать воду в бассейне и сообщила, что у неё в бассейне вода теп-

лее. А я сказал, что после того как она потрогала воду в бассейне, эту воду можно пить. Она очень смеялась.

21 сентября

Во время последнего спектакля подвернул ногу. Зрители ничего не заметили, да и я почти ничего не почувствовал. Нога подвернулась, я ощутил короткую, как выстрел, боль, и спектакль пошёл дальше. А наутро нога уже болела... Бывает такое движение, когда раздаётся внутренний хруст, и жизненный опыт подсказывает, что на ближайшие пару-тройку недель ты обеспечен болью, ограничением в движении, медицинскими процедурами и прочими досадными обстоятельствами.

В 2002 году я участвовал в фестивале, и у меня были гастроли во Франции, в Нанси. Я жил в небольшой, приятной гостинице в центре. Возле гостиницы был магазинчик, где продавались всякие красивые и абсолютно ненужные вещи. В частности, разнообразные трости. Мне понравилась одна деревянная изящная трость, покрытая бирюзовым лаком. Я даже зашёл в магазин, попросил её с витрины и долго вертел в руках. Но подумал, что покупать трость – чистый понт и мне это точно не нужно. И потом каждое утро и каждый вечер, уходя из гостиницы и в неё возвращаясь, я видел эту трость в витрине магазинчика и каждый раз боролся с жела-

нием её купить.

Мне тогда нужно было сыграть восемь спектаклей. Я играл «Как я съел собаку». Французы приготовили мне в качестве декораций не бутафорские канаты, которые должны лежать во время спектакля на сцене, а настоящие, пеньковые, с настоящего корабля. Пеньковые канаты твёрдые, как камень, и неприятные на ощупь, как наждачная бумага. А поскольку спектакль я играю босиком, я изрядно оббил об эти канаты пятки. Но во время исполнения седьмого спектакля, в эпизоде, в котором я изображаю бас-гитару, случилась неприятность. В этом эпизоде мой герой падает, как бы сражённый вражеской пулей. Существует определённая техника сценического падения. И вот я технично упал и, падая, угодил коленом, под самую чашечку, на этот пеньковый, твёрдый, как камень, канат. Боль была адская, искры из глаз летели. Я не знал в этот момент, что повредил сумку коленного сустава, просто крепко зажмурился от боли – и первая моя мысль была про бирюзовую трость. И эта мысль звучала так: «Куплю!!! Вот теперь точно куплю».

Трость действительно пришлось купить и долго с ней ходить. Трость не столько помогает передвигаться, сколько диктует осторожное поведение при ходьбе и сигнализирует окружающим, что с тобой надо быть по деликатнее. Теперь мне пришлось её снова достать и снова с ней ходить. Она по-прежнему очень мне нравится и потому несколько примиря-

ет с неудобствами от травмы.

28 сентября

Сегодня исполнилось сто лет со дня рождения Ираклия Андроникова. Какой удивительный человек!

Какое важное явление в русской культуре! И как много он сделал лично для меня! Помню, как в первый раз увидел его по телевизору. Мне было лет двенадцать. В какой-то программе показывали отрывок из его знаменитого «Первый раз на эстраде». Я смотрел в одиночку, многое было непонятно и далеко не всегда смешно в то время, когда зал смеялся. Но что-то меня зацепило. И я потом стал пересказывать родителям то, что видел, чтобы узнать, кто же был этот человек, который так меня удивил. Мама сразу сказала: «Так это же Ираклий Андроников! Тебе понравилось? Я рада».

Его редко показывали по тем двум каналам, которые были в моём детстве. А потом у меня появилась его книжка о Лермонтове. Не помню, чтобы она меня сильно увлекла, но из вступительной статьи я прочёл про самого Андроникова и узнал, что он вовсе не артист театра и кино, а наоборот, учёный-литературовед. Тогда я впервые узнал, что бывают такие учёные.

Мои родители в те времена преподавали в институте, который назывался КемТИПП (Кемеровский технологический институт пищевой промышленности). Отец – экономику, а

мама – теплотехнику и термодинамику. В институт приезжали по распределению из Ленинграда молодые аспиранты, а мой отец учился там в аспирантуре. И у нас дома сложился этакий домашний клуб, куда приходили жившие в общении молодые ленинградские учёные. Папа варил глинтвейн, мама что-то готовила, часто играли в кинга или балду и подолгу беседовали. Меня из-за стола не прогоняли, хотя многое в этих разговорах было мне непонятно. Обсуждались книги, академик Сахаров, Солженицын, звучали стихи. И хоть про Андроникова за столом никогда не говорили, в том отрывке его выступления по телевизору я почувствовал что-то общее с разговорами и атмосферой, которая бывала у нас дома за глинтвейном.

В нём я тогда почувствовал невероятную притягательность и испытал желание быть таким же: умным, интересным и образованным человеком. Мне захотелось уметь рассказывать, а ещё больше – что-то знать.

Потом, увидев много записей его выступлений, я расслышал, с каким мастерством и как вкусно он владеет словом, будто подносит к нему увеличительное стекло и обнаруживает в нём совсем не очевидные смыслы. В нём была отдельная от меня и уже ушедшая или ушедшая эпоха. Но благодаря тому, как жизнерадостно и аппетитно он об этом говорил, эпоха и люди в его рассказах становились невероятно обаятельными и совершенно живыми. Я не являюсь знатоком и любителем симфонической музыки и оперного ис-

кусства, но благодаря рекомендациям и рассказам Андроникова хоть как-то прикоснулся к этим пластам. Он говорил о музыке и музыкантах так, что ощущалось чуть ли не слюноотделение и нестерпимое желание попробовать то, о чём только что услышал.

А ещё крайне важным было то, что образ, который он создавал, не был похож на образ академического учёного, отпугивавшего глобальностью познаний и совсем отдельной от тебя жизнью. Андроников создавал образ человека, живущего страшно увлекательной и притягательной жизнью, в которой много замечательных друзей, интересной работы, впечатлений, путешествий, вкусной еды, вина, спектаклей, музыки, книг. Глядя на него, хотелось читать, слушать, учиться, работать. А то, что он был такого маленького роста и не имел артистического образования, показывало, что в жизни всё возможно.

В нём было много свободы и жизнерадостности. У него было невероятно улыбчивое лицо. Глядя на него, хотелось улыбаться самому. Слушая его, хотелось ему подражать. А ещё в нём были благородство и достоинство. Такие достоинство и благородство, что невозможно себе представить и даже допустить мысль, что, живи Андроников сейчас, его можно было бы соблазнить деньгами на проведение корпоратива.

Пожалуй, самым лестным в начале моей театральной деятельности были изредка звучавшие сравнения того, что я делаю, с тем, что делал Андроников. Эти сравнения всегда

были с оговорками, что это всё не то и не так, как у него. Тем не менее сам факт пусть и отдалённых параллелей сильно согревал и даже обжигал радостью моё сердце. Я никогда не подразумевал сходство, и по сути наши сценические высказывания различны. Но когда я делал «Как я съел собаку», свой первый моноспектакль, и шёл к непростому решению одиночного выхода на сцену, я вспоминал об Андроникове, и он меня успокаивал. Какие-то его обороты и фразы я использую и цитирую. Не откровенно, незаметно, скорее для самого себя. А ещё он использовал слово «скучно» в особом смысле, и у меня оно звучит именно так, как у него. И ещё много других слов. Уверен, что многие годы Ираклий Андроников будет актуален и необходим для русской культуры не столько своими литературоведческими работами, сколько своими эстрадными выступлениями и телепередачами. Необходим будет его образ, содержащий соблазн быть образованным, умным, просвещённым, интересным и свободным. А ещё, мне кажется, его непременно должны были сильно любить женщины.

Сегодня день прошёл под знаком этого прекрасного человека.

11 октября

...Посмотрел фильм «Адмирал». Я потрясён. Мне представляется, что это уже просто культурная провокация. Бо-

лее безразличной по отношению к историческому материалу, циничной и фальшивой по отношению к жизни, культуре и кинематографу картины я, пожалуй, не видел. Правда, в тульском кинотеатре зрители ели попкорн и щёлкали семечки даже во время самых пафосных сцен. Это как-то примиряло меня с действительностью. А во время последней сцены, которая бессовестно и вчистую содрана из фильма «Титаник», несколько культурных молодых людей даже в голос засмеялись, распознав плагиат. Это меня тоже успокоило. Если у вас есть сомнения насчёт того, идти на этот фильм или нет, – не ходите. А если кому-то фильм понравился, постесняйтесь в этом признаваться даже самим себе.

12 октября

Обычно я воздерживался от высказываний о художественных произведениях или говорил только о том, что мне нравится. Лишь иногда приводил примеры, считая их показательными и иллюстрирующими некие тенденции. Вчера я высказался по поводу фильма «Адмирал». Сейчас, не собираясь рецензировать картину, поясню своё высказывание.

Я считаю фильм «Адмирал» крайне показательным явлением. Художественным произведением назвать его не могу, потому что этот фильм таковым не является. Мне довелось принять участие в консультациях по поводу написания сце-

нария об одном историческом персонаже, выдающемся шахматисте Алёхине. Удивительная, трагическая и прекрасная личность с запутанной судьбой, с блистательными победами и таинственной смертью. Ещё его жизнь зацепила несколько эпох. Написание сценария предлагалось несколькими авторам сценариев нашумевших и известных фильмов. Мне же нужно было оценить их работу. Все сценарии получились похожими один на другой. Никому не был интересен Алёхин, никому не была интересна основа его жизни – шахматы. Идеи сценариев сводились к тому, чтобы придумать запутанную любовную линию, берущую начало из детства, или историю мести, которая брала своё начало в юности, а всё остальное прилагалось к высосанным из пальца стандартным любовным или полудетективным схемам. Людям, которые создают в год по пять-шесть сценариев, было решительно всё равно, о чём писать. Причём они охотно предлагали сразу несколько вариантов. Некоторые из тех сценариев были очень похожи на то, что мы увидели в фильме «Адмирал». Только без шахмат, а с кораблями и с Гражданской войной.

Фильм «Адмирал» – это откровенный бизнес-проект, о чём свидетельствует как набор исполнителей, так и избранная тема. Я уж не говорю о способе её подачи. Полное отсутствие подлинных переживаний авторов фильма особенно заметно в том, как фильм смонтирован. Нет ни одной внятной продолжительной и драматургически выстроенной сце-

ны. Рубленный монтаж, псевдомодная клиповая съёмка, постоянно движущаяся камера и постоянно звучащая пафосная музыка. И ни у одного, даже одарённого артиста не было возможности хоть что-то сыграть. В фильме нет ни героя, ни подвига, ни родины, ни любви, а есть лишь картинки, иллюстрирующие и то, и другое, и третье.

Разумеется, от художественного фильма нельзя требовать документальной точности, но откровенной лжи быть не должно. Адмирал Колчак был выдающимся офицером и организатором. Командуя эскадренными миноносцами на Балтийском флоте, он действительно сумел организовать дерзкое и отчаянно смелое минное заграждение, к тому же весьма эффективное. Вот почему так пошло и глупо выглядит адмирал Колчак, который из маленькой пушки расстреливает немецкий линкор и вообще один за весь флот решает все проблемы.

Откровенным издевательством над зрителем выглядит перестрелка у реки, когда пули разбивают ледяные скульптуры. Кто бы это, интересно, мог в девятнадцатом году, в голодном осаждённом Иркутске, наделать ледяных скульптур? Просто создателям фильма захотелось чего-нибудь красивенького, или ещё проще – подумали: и так съедят! Хочется красивенького. Хочется пошалить. И точно так же выглядит Бондарчук-младший, исполняющий роль отца, с плохо наклеенным париком. Фильм буквально не вмещает в себя

то количество штампов, которое в него затолкали. И ни один образ из большого числа эпизодов не складывается в цельную картину.

Что же касается моей фразы о том, что не во всём, что нравится, стоит сознаваться даже самим себе, – я полагаю, что, если вам нравится жёсткое порно, с мерзкими подробностями, в этом вряд ли стоит признаваться. А если вы в этом признались самим себе, с этим лучше бы побороться. Если вам нравится дешёвый и явно бодяжный, но сладкий портвейн, а хорошее вино не нравится, стоит хотя бы подумать о том, что, видимо, вы чего-то не понимаете или пока не доросли. Если спортивная победа наших спортсменов вызывает у вас, помимо радости и гордости, ещё и желание высказаться в том духе, мол, «так им, сукам!», а проигрыш наших спортсменов вызывает желание избить представителей выигравшей стороны, с такими чувствами надо бороться.

Если откровенная манипуляция, сделанная равнодушно и цинично по отношению к прекрасным, а иногда и святым проявлениям человека, а также историческим событиям, вызывает у вас искреннюю слезу и искреннее переживание, нужно по возможности честно признать, что вас обманули, причём обманули так же спокойно и цинично, как делали фильм. И попытаться найти другие поводы для переживаний и впечатлений.

Догадываюсь, что сейчас начнётся. Но поверьте, обладая большей информацией о том, что происходит в культурной жизни страны, я и переживаю по этому поводу сильнее. А фильм «Адмирал» находится на самой верхней и откровенной ступени того ужаса, который творится в кинопроизводстве. Все те, кто был занят телесериалами, кинулись производить так называемые телемуви, то есть недорогие телевизионные фильмы для показа по выходным. И этого добра в производстве несколько сотен. Думаете, творческий порыв? Просто поняли, что можно дёшево снять по дешёвому сценарию с недорогими артистами что-то похожее на кино и выгодно продать телеканалу. Быстро и легко. Дёшево и сердито. Первые образцы уже пошли в народ. Вот я о чём говорю... Не поддавайтесь.

18 октября

Вчера долго разговаривал по телефону со своим товарищем — кстати, он испытывает весьма сильные потрясения, связанные с кризисом... В общем, мы решили, что кризис не так уж плох. Во всяком случае, он вернёт большому числу людей чувство реальности. Это я про тех, кто потерял такое чувство и почувствовал себя если не небожителем, то кумом королю. Они жили так, как жить нельзя. Ну нельзя! А ещё мой товарищ сказал: «Может быть, теперь не так много бу-

дут вбухивать денег в кино. Может быть, приостановится это безумие. Ведь все кому не лень стали кинопроизводителями».

Может быть. Не знаю. Но то, что ощущаю очень остро, — это практически полное отсутствие контекста, хотя сам являюсь частью этого контекста. Я имею в виду культурный контекст. Если в театре ещё наблюдаются прорывы, если в литературе ещё можно на что-то ориентироваться и опереться, хоть с большим трудом, но можно, то в кино совсем беда. А контекст необходим. Контекст сам по себе определяет уровень, ниже которого если и можно — стыдно опускаться. А когда нет контекста, не стыдно ничего.

Поясню. В Великобритании и Америке существует невероятно высокий музыкальный уровень. По этой причине практически каждая группа чуть ли не любого колледжа демонстрирует такой саунд и такой драйв, какой труднодостижим для наших самых прославленных рок-н-рольщиков. Я часто смотрю сейчас отечественные фильмы шестидесятых-семидесятых годов. Многие помню ещё с детства, помню, как они мне не нравились. Многие раздражали. Да и сейчас вижу: так себе кино. Но это кино! В большинстве этих фильмов есть киноязык, есть стиль, видна работа. И очень хорошо виден некий средний уровень. А сейчас этого уровня нет. Пожилые мэтры на контекст не влияют. Они либо находятся в полувменяемом состоянии, либо исходят желчью

по поводу сегодняшнего состояния культуры, либо создают произведения для узкого круга ортодоксальных поклонников и некоего круга специалистов. Есть среди них достойные люди, которые преподают студентам и давно уже не выходят на съёмочную площадку. Ну и ещё всё просвещённое киносообщество ждёт завершения многолетнего труда любимого и прекрасного Германа-старшего. Ждёт с надеждой, сомнениями и раздражением: мол, сколько можно ждать. Но даже если это будет подлинный шедевр, он не может составить контекста. И в хорошем же смысле скромные работы Хлебникова, Попогребского и некоторых других только и дают возможность сказать, что не всё потеряно. Но на самом деле состояние плачевно.

А главное – совершенно не чувствуется поступков. Наоборот, чувствуется их отсутствие. Для произведения искусства поступок художника – часто самое главное. И в этом смысле фильм «Пыль», сделанный на карманные деньги, – гораздо больший поступок, чем вся жизнедеятельность Тимура Бекмамбетова, наибольшие достижения которого приходится на начало творческого пути, когда он снимал замечательную рекламу.

На днях пересмотрел в очередной раз фильм «Бег» Алова и Наумова. Очень рекомендовал бы тем, кто гордится следами, выжатыми из них фильмом «Адмирал», посмотреть

«Бег». Вот где поступок! В голове не укладывается, как можно было снять такое кино тогда. Я даже не буду говорить о художественных достоинствах фильма – у него сплошные достоинства. Но как им тогда удалось в такой тональности сказать о трагедии белого движения?! Какое у всего этого обаяние. Какая любовь! Какое чувство Родины! Да и патриотизм, в конце концов. Поклонники «Адмирала», не считайте за труд, прочтите «Белую гвардию» Булгакова – или посмотрите «Дни Турбиных». Да даже в фильме «Адъютант его превосходительства», при всей его идеологической заданности, гораздо больше благородства и аристократизма.

Не надо гордиться своими слезами во время просмотра таких кинофильмов, как «Адмирал». Ох, не надо! Эти слёзы так же легковесны, как смех, вызванный телевизионным юмором. Лёгкость, с которой сейчас извлекаются смех и слёзы, поражает.

И ведь всё так стремительно меняется. Если полтора года назад я гневался и даже рассуждал о пошлости и бессмысленности Петросяна, то сейчас он вспоминается как что-то чуть ли не милое и ностальгическое. Его место заняло такое!.. Если несколько лет назад мы думали, что Сердючка – это всерьёз и надолго, то сейчас она/он – далёкое воспоминание. Если Ксения Собчак ещё совсем недавно была образцом беспредельной наглости и пошлости, то теперь она

выступает чуть ли не экспертом по вопросам культуры. Во всяком случае, её мнение кем-то востребовано. Если П. Листерман издаёт книгу, и кто-то её покупает, и на эту книгу расходуется бумага, а для того чтобы сделать эту бумагу, рубят деревья... Если Егор Кончаловский продолжает снимать кино, и кто-то потом покупает билеты в кинотеатр... Этот ряд бесконечен. Думаете, мне не больно видеть людей, которых я считаю своими коллегами и даже друзьями и которые вдруг начинают вести отчаянно пошлые программы на НТВ, и в этих программах показываются в обнимку именно с теми образцами пошлости, с которыми ещё совсем недавно пытались бороться?..

Не думайте, я не пытаюсь сгустить краски. Я далёк от кризисного и отчаянного мировосприятия. Просто иногда накачивает.

Хочу сказать тем, кто написал: мол, пусть снимают, пусть делают, вы не лезьте, не критикуйте, не навязывайте никому своего мнения, короче, помалкивайте, мол, когда-нибудь количество перерастёт в качество. Простите, не могу. Полагаю, что заработал право не только иметь своё мнение, не только его высказывать, но и на нём настаивать. И из того количества, которое мы имеем, никакого качества не возникнет. Не может из этого потока выкристаллизироваться что-то настоящее.

Но и сердиться на всё это нельзя, я понимаю. Нельзя начать делать что-то в пику и вопреки тому, что происходит. Ничего не получится. То, что делается вопреки, вырастает из того же корня, что и то, вопреки чему это делается. Настоящее появляется из чистого замысла.

24 октября

Екатеринбург в очередной раз меня поразил. Год не был в городе, а там такого за это время понастроили! Достроить, правда, не успели – по-прежнему неуютно, как в квартире, в которой приходится жить и одновременно делать ремонт, – но размах замыслов поражает. И ещё очень порадовал состав пассажиров, когда летели в Екатеринбург и возвращались в Москву. Всё какие-то нестарые, современные люди, для которых этот маршрут явно привычный, много иностранцев, которые тоже, видно, летают по нему часто и в основном вполне сносно, а то и бегло говорят по-русски. То есть наполнение самолёта гораздо более опрятное, деловое и современное, чем рейсы на Ганновер, Дюссельдорф, Тель-Авив или Америку в целом. (Представляю, какие будут отклики из-за пределов страны.) Разговоров про кризис везде много, не только в самолёте, но и в Екатеринбурге, но уже слышал хорошие анекдоты. А если есть хорошие анекдоты на тему кризиса, значит, точно переживём.

6 ноября

Сегодня водил детей на «Мадагаскар 2». Все остались довольны. Прежде всего друг другом, ну и мультфильмом, конечно. Младшему, Саше, больше всего понравилась акула, которая появляется на экране на несколько секунд. То есть каждый нашёл своё. Я пил джин-тоник, дети ели попкорн. Лучшего времяпрепровождения не придумать.

8 ноября

На днях посмотрели с дочерью дома фильм японского аниматора Макото Синкая «5 сантиметров в секунду». Пожалуй, ничего подобного прежде не видел, это шедевр. Три новеллы о юношеской любви. Причём одна может разорвать сердце чувствительного мужчины, а другая то же самое может сделать с чувствительной женщиной. Это высокохудожественно, вас накрывает эта картина и захватывает с первых кадров так, будто вы сели в автомобиль, а через три секунды уже мчитесь со скоростью 200 км в час. Мультфильм нарисован так, что практически каждый кадр можно напечатать в виде плаката. Очень рекомендую.

Кстати, в комментариях я встретил разные высказывания о втором «Мадагаскаре». Так вот, я не хвалил мультфильм и не рекомендовал его к просмотру. Я хотел только сказать,

что мы с детьми остались довольны этим походом. Чувствуете разницу?

А ещё вчера, практически ночью, посмотрели всем семейством (правда, в ужасном качестве, но терпения не хватило ждать, когда появится в нормальном виде) новый шедевр Хаяо Миядзаки «Рыбка Поньо на утёсе». Есть вариант перевода названия «Поньо с утёса». Это очень миядзаковский фильм, переходящий из вполне логичных, хоть и фантастических событий в какой-то сон. Впервые у него главный герой – маленький мальчик лет пяти. Как точно он его создал! Вообще эта картина – миядзаковский вариант «Русалочки», но только Русалочке тоже лет пять. Совсем нет врагов и всё наполнено счастьем. Вот что нужно смотреть, когда несколько поколений собираются у экрана.

Суббота заканчивается. Сегодня был удивительно солнечный день, и небо было, как в японских мультфильмах.

13 ноября

Сегодня первый спектакль в Париже. Второй день репетирую с переводчиком. Точнее, мы с ним медленно, в который раз, поскольку исполняли этот спектакль уже много, повторяем текст, и я потихоньку начинаю текст ненавидеть.

Сегодня солнышко, но прохладно. Париж зелёно-жёлтый. Здесь много вечнозелёных растений, в частности, плющей, которые цепляются маленькими острыми лапками, похожими на лапки многоножек, за стены и камни. Париж, как всегда, очаровательно замусорен, испачкан собачьими какашками и при этом неизменно величествен, аристократичен и вальяжен.

А сначала Париж мне совсем не понравился. Так случилось, что мне уже довелось поиграть в Лондоне, Берлине, Хельсинки... да где только не довелось! И даже в некоторых французских городах типа Авиньона и Гренобля. Но с Парижем всё не складывалось. Я очень ждал встречи с ним и предвкушал прекрасное впечатление, а он с первого раза не понравился, причём сильно. Приехал я в Париж в августе, была жуткая жара, и весь город был заполнен туристами в шортах. Я вообще этот вид одежды в городском пейзаже не люблю, а тут было невероятное число безумных людей с фотоаппаратами и в шортах. Короче, я тогда ничего не понял...

В следующий раз я приехал в Париж больше чем через год, для участия в осеннем фестивале, и играл восемь спектаклей в театре «Бастий». Только не подумайте, не в «Опера-Бастий», а в небольшом театрике недалеко от площади Бастилии. Меня поселили тогда не в гостинице, а в меблированной квартирке на улице Промонтье. Стояла ужасная погода, конец ноября. Перед серией спектаклей нужно было до-

вольно долго репетировать. В общем, я провёл тогда в Париже три недели и каждый день ходил на работу одним и тем же маршрутом. Погода всё время стояла беспросветная. Через неделю моей жизни в доме, где была квартира, я знал всех, и все знали меня. Я знал всех собак, всех кошек, всех тётушек, которые с этими собаками прогуливались. Знал, во сколько приходит пьяненький сосед, знал, до которого часа они будут ругаться за стенкой с женой. Знал, что на лестничном пролёте между первым и вторым этажом громко скрипят две ступени (там один лестничный пролёт был деревянный).

А ещё на улице, по которой я ходил в театр и по которой возвращался, была овощная лавка, и её держал толстый улыбчивый марокканец. Я у него регулярно покупал маленькую дыньку, пару бананов и одно большое яблоко. День на пятый, когда я зашёл к нему в лавчонку, он сразу протянул мне пакет с моим привычным набором.

Это были не очень весёлые гастроли, можно даже сказать, было скучно. Но я тогда вдруг понял бездонность Парижа. Ощувив жизнь одной улицы, я прочувствовал наполненность жизни всех улиц Парижа. А ещё понял, что могу здесь жить. Пусть не всегда, но довольно долго. А так я могу сказать всего про несколько городов.

29 ноября

Вечером прилетел из Берлина в Калининград. 50 минут полёта – и вдыхаешь прибалтийский воздух. Много чего накопилось рассказать. Последний день в Париже был удивительно насыщенным, и в нём было много открытий. Но об этом потом. После того как в последний раз здесь писал, успел побывать в Вене, Цюрихе и Берлине, столицах трёх немецкоязычных стран, где состоялись презентации недавно вышедшей там книги «Рубашка».

Про книгу тоже скажу позже. Сейчас хочу рассказать про моего давнего товарища и коллегу Штефана Шмидтке, с которым знаком и работаю уже восемь лет. Штефан Шмидтке – природный немец, родившийся недалеко от Дрездена. В своё время он учился театральному искусству в Москве, а потом много и долго работал и работает в разных культурных структурах, таких как фестивали, театральные и прочие. Когда я играю в Германии, именно он меня переводит. Штефан переводил все мои пьесы, именно с его акцентом в романе «Рубашка» говорит француз Паскаль.

Книга «Рубашка» на немецком языке вышла в швейцарском издательстве, поэтому заезд в Цюрих был делом обязательным. Я заранее предупреждал организаторов, что швей-

царской визы у меня нет и времени на её получение тоже. Но швейцарские организаторы уверяли меня, что однодневный визит в Цюрих с обычной шенгенской визой вполне возможен, и многие так делают. Я сомневался, много раз переспрашивал, но меня убедили.

Наутро после выступления в Вене мы со Штефаном, который переводил мне на встрече с читателями, поехали в аэропорт. Штефан выразил сомнение в том, что я смогу без визы лететь в Цюрих, но я показал ему письма из Швейцарии, в которых меня заверяли, что всё в порядке... Короче, пограничники меня не пропустили. Честно говоря, я был к этому готов, но нужно было срочно принимать решение. Вечером, в 8 часов швейцарская столичная публика, раскупившая билеты, ждала моего выступления. Мы стояли в аэропорту Вены, и было несколько вопросов: куда, собственно, податься, что со всем этим делать и как удержаться от желания немедленно позвонить организаторам и сказать: «Ну я же говорил, мать вашу!»

И тогда стал действовать Штефан. Всё-таки немцы – особенные люди... Он очень долго разговаривал с австрийским пограничником, потом с другим, потом с самым главным пограничником. Было ясно, что ему сказали, что в Швейцарию без визы российскому гражданину попасть невозможно. Услышав такой неоднократный и внятный ответ, Ште-

фан раздобыл телефон швейцарского посольства в Вене. В это время наш самолёт улетел. Я категорически не верил, что есть смысл предпринимать какие бы то ни было действия, но не дёргался и наблюдал. А Штефан позвонил в посольство. Я немного понимаю немецкий... Штефан очень спокойно, очень дружелюбно в течение сорока минут раз семь-восемь объяснил швейцарцам суть проблемы. По всей видимости, ему пришлось переговорить со всеми работниками посольства. В итоге нас попросили подождать и пообещали перезвонить. Чего было ждать, непонятно. Но Штефан и не стал ждать. Он пошёл и забронировал места на все возможные рейсы до Цюриха. Как только он это сделал, из посольства перезвонили и сказали, что визу мне дадут в связи с исключительностью ситуации, и дадут очень быстро, но для этого у меня должна быть фотография и медицинская страховка. Как ни странно, медицинская страховка у меня была, но фотографии не было. Штефан умчался, и через 15 минут я стоял перед автоматом, в котором можно было сфотографироваться. У нас была надежда, что мы успеем на самолёт, который улетал так, что мы бы прилетели в Цюрих в начале шестого. В Австрии автоматы очень долго инструктируют вас о том, как следует фотографироваться, и ускорить этот процесс невозможно. Автомат выдавал инструкции по всем пунктам, а их было шесть. Слушая, как надо фотографировать детей, мы уже танцевали рядом с автоматом. Полные надежд, а также с фотографией и медицинским полисом, через

пробки и весь город, мы приехали к швейцарскому посольству. Но минут за пять до нашего появления у швейцарцев начался обед, и нам пришлось час ожидать окончания приёма пищи работниками посольства. Наконец мы ввалились в консульский отдел, где, кроме нас, посетителей не было, и сообщили, что это мы, те самые, из аэропорта, которые звонили, те самые, у кого вышла книжка и кому обязательно нужно в Цюрих. Нам спокойно ответили, что нас тут ждали, взяли мои документы, дали заполнить анкету и куда-то удалились. Их не было около часа. За это время самолёт уже улетел.

Примерно каждые полчаса у меня возникало сильнейшее желание плюнуть, сказать, что я не обязан всем этим заниматься, уехать в какую-нибудь гостиницу и сказать организаторам, чтобы они сами расхлёбывали то, что заварили. Но рядом был Штефан, который обязан был делать то, что делал, ещё меньше, чем я. Он был просто мой переводчик, и не более того... Но он был спокоен и нацелен на победу.

Примерно через час после того, как у нас взяли документы, швейцарцы сообщили, что мой страховой полис не годится. Я был удивлён, потому что он был оформлен, собственно, для всего мира. Ну, то есть для пространства за пределами России. Но швейцарцы сказали, что нужен полис, рассчитанный именно на Швейцарию, а остальной мир – это

остальной мир. При этом они вполне сочувственно сообщили, что с 1 декабря все эти проблемы закончатся, и можно будет въезжать в страну, имея такую визу, какая у меня, и с таким полисом, как у меня. Но до 1 декабря читатели в Цюрихе ждать бы не стали.

В общем, в тот день с таким полисом, как у меня, ехать в Швейцарию было нельзя. И это была очередная непреодолимая проблема, которую Штефан тут же начал решать. Через полчаса выяснилось, что в Австрии меня застраховать невозможно, потому что я не гражданин и не проживаю в этой стране. Потом Штефан выяснил, что меня можно застраховать в Швейцарии, но проблема была в том, что я в этот момент находился в Австрии. В это трудно поверить, но меня-таки застраховали в Швейцарии в то время, когда я сидел в Вене, и по факсу передали страховой полис. Так мною была получена швейцарская виза ровно на одни сутки.

Мы едва успели на тот самолёт, который нам давал шанс попасть на встречу с читателями, правда, самолёт на 20 минут задержался (не верьте в швейцарскую пунктуальность). Лететь недолго, всего час десять. Мы приземлились в Цюрихе за 50 минут до начала мероприятия. На паспортном контроле швейцарский пограничник очень долго изучал визу и даже показывал её коллегам: на визе было указано время выдачи. Он, должно быть, впервые видел визу, которую выдали

два с половиной часа назад.

Но после паспортного контроля я обнаружил, что забыл в самолёте сумку, а в ней были необходимые вещи для грядущего мероприятия. Я сказал об этом Штефану, он улыбнулся и в первый раз за день выматерился.

Не понимаю, каким образом ему удалось ускорить спящих на ходу швейцарцев, но сумку мне через полчаса отдали. И даже формальности, с этим связанные, прошли быстро. Швейцарцы сами удивлялись своей расторопности. От аэропорта до города недалеко, и мы опоздали всего на 11 минут. Штефан два часа переводил вопросы читателей, мои ответы и все мои высказывания. Переводил остроумно, быстро и точно. А потом мы не помнили, как добрались до подушек.

Это большое наслаждение, редкость и счастье – наблюдать такого человека, знать его и дружить... Человека, который не сдаётся. Штефан Шмидтке, чёрт возьми, не сдавался. Зачем ему это было нужно – не понимаю. Я в течение дня сдался несколько раз, а он нет. Крепкий орешек.

3 декабря

Расскажу про последний в этом году день в Париже. Двадцать третьего отыграл последний гастрольный спек-

такль. Был приятный и плотный аншлаг, спектакль прошёл как рок-н-ролл. Потом мы отметили окончание гастролей. Я устал, был счастлив – и напился, потому что до этого в Париже было как у Высоцкого: «...мимо носа носят чачу, мимо рта алычу...» А двадцать четвёртого выдался свободный день, и в первый раз за две недели меня разбудило утром яркое солнце. Я малодушно хотел поваляться, но мне позвонил старинный знакомый, человек не очень понятного возраста, который давным-давно живёт в Париже, которого многие русские в Париже знают и с особой нежностью называют Ароньч... и который давным-давно хотел устроить мне экскурсию по кладбищу Пер-Лашез. Я немножко поныл в трубку, но собрал волю в кулак и решил, что по-быстренькому пройдуся, а потом поваляюсь в постели. Не очень мне хотелось на кладбище в единственный свободный день. Но было солнце, а перед этим две недели, проведённые в театре почти безвылазно. Короче, я пошёл.

Уверен, многие были на этом кладбище, ничего особенно нового я не расскажу. Есть книги про это кладбище, есть путеводители, и это вполне туристическое место. Но с Ароньчем всё вышло особенным образом. Надо сказать, что в Ароньче содержатся какой-то особый ритм и удивительный способ восприятия жизни. В нём нет и тени той эмигрантской тоски, показного веселья или терапевтического желания говорить об ужасах прошлой жизни в России. Он – человек,

сросшийся с Парижем. Кстати говоря, он уже давно работает в некоей социальной службе и занимается тем, что ездит по французским тюрьмам, встречается с заключёнными, выясняет их проблемы и пытается решать. Сам он уже многие годы живёт прямо у кладбища и из своего окна видит только могилы, склепы и трубу кладбищенского крематория.

Самое главное в этой прогулке было то, что у Ароньча не было никакой программы и специального маршрута с некими обязательными точками, хотя кладбище: он знает досконально. Проще говоря, он знает всех на этом кладбище, и живых сотрудников, и покойных обитателей. Первым делом он показал не так давно поставленный памятник русским бойцам французского Сопротивления времён Второй мировой. Памятник представляет собой симпатичного парня с двумя винтовками на плече, в широких брюках, заправленных в короткие сапоги-ботинки, и с лицом, очень похожим на Гагарина. А следом он повёл меня в колумбарий... Это такое место, где в специальных ячейках хранятся урны с прахом. Оказалось, там место вечного упокоения знаменитого батеньки Махно. Я не большой знаток истории, и для меня присутствие Нестора Ивановича в Париже было удивительным.

Совсем недалеко от него покоится Айседора Дункан с детьми. Всё-таки странно: и дети, и она погибли от автомобиля. Причём не под колёсами, а именно самым роковым образом... Только мы это осмотрели, Ароньч достал из карма-

на бутылочку, сообщил, что покупает у одного деда-фермера домашний кальвадос, минимум 56°, и что без этого напитка по кладбищу ходить неправильно и бессмысленно. С собой у него был набор маленьких медных рюмочек. А ещё он скручивал сигаретки с маслянистым трубочным табаком и наполнял кладбищенский воздух запахом чернослива и дальних странствий. Мы много беседовали. Он оказался знатоком истории авиации, а я, соответственно, флота. Мы бродили, беседовали и у каких-то значимых могил пропускали по глотку жёлтого пахучего кальвадоса, который смело можно было назвать хорошим самогоном.

Надо сказать, что на кладбище народу было немного, но добрая половина – русские, и меня активно узнавали. Одна девушка радостно сказала: «Как приятно вас здесь увидеть!» Наверное, мои брови вздёрнулись. Я спросил: «Почему именно здесь так приятно?» Она смутилась, сказала, что это ей вообще приятно, но она уже давно живёт в Париже и немного «позабывает родной язык». Ароныч ей тут же налил кальвадоса, и её французскому парню тоже. (У Ароныча оказалось с собой шесть рюмочек.) Французский парень ничего не понимал и насупился, но от кальвадоса не отказался. А потом мы пошли в разные стороны. Ароныч посмеивался, слушая удаляющееся щебетание барышни и сообщив мне, что она пытается ему объяснить, с кем только что повстречалась. Мне тоже это было забавно, потому что мы были ак-

курат рядом с могилой Виктора Гюго. И вообще там писательское окружение довольно плотное.

А потом мы пришли к могиле Оскара Уайльда. Странный памятник. Хотя, надо отдать должное Оскару, не без странностей был человек.

Весь постамент его памятника и часть фигуры зацелованы. При нас пришла довольно взрослая мужская пара, между собой они говорили, думаю, по-датски (хотя могу ошибиться). Один из них извлёк из кармана губную помаду, накрашил губы и оставил свой отпечаток. Ароныч сказал, что эти следы периодически стирают, но они быстро появляются вновь. Больше всего его порадовала надпись, оставленная однажды – на русском языке и тоже губной помадой «Нина + Вова = Любовь». На памятнике всегда лежат синие розы, и причинное место монументу всё время обламывают. Ароныч сообщил, что его несколько раз восстанавливали и даже приставляли дежурного, но ничего не помогает – слишком велика любовь людей к творчеству чудесного писателя.

У могилы Модильяни мы встретили очень весёлых русских дизайнеров, которые приехали на какую-то выставку, а сами проживают в Берлине. Они получили от Ароныча свою порцию в виде короткой истории и кальвадоса, и мы двинулись дальше.

Очень мне понравилось надгробие мсье Пармантье. Это скромное надгробие с сельскохозяйственными зарисовками, выполненными на мраморе. У него на могиле всегда лежат клубни картошки, а не цветы. Их приносят благодарные французы. Дело в том, что этот господин когда-то привёз картошку во Францию. Но французские крестьяне не хотели употреблять её в пищу и выращивать. Тогда он договорился с королевским агрономом и огородником о том, чтобы картошку высадили в самом главном огороде страны и приставили охрану, а в случае попыток воровства солдатам было приказано не препятствовать. Крестьяне, разумеется, воровали тщательно охраняемую культуру, так и пошло по Франции распространение картофеля.

Мы задержались у надгробия в виде лежащей медной фигуры. Могила принадлежит некоему еврейскому юноше, который писал при жизни в газеты и журналы статьи и рассказы под псевдонимом Виктор Нуар, то есть Виктор Чёрный. Он погиб в возрасте двадцати двух лет. Вышла какая-то запутанная романтическая история, суть которой я из-за калывадоса запомнил нечётко. Он согласился быть секундантом в одной благородной дуэли, но сам пал жертвой, был сражён пулей наповал. Похоронили его, памятник поставили... А потом прошёл слух, что если женщина сядет верхом на металлическое изображение бедного юноши, причём сядет на определённое место и слегка потрётся об него, то к ней мо-

жет вернуться утраченная или прежде неведомая чувственность, или она может исцелиться от бесплодия, или наконец-то выйти замуж. Место натёрто до блеска. Ароныч заверил, что это не работники кладбища натирают... (Странное дело, но у Виктора натёрты до блеска также нос и один ботинок. Комментировать не буду.)

Лафонтен и Мольер лежат рядышком, и умерли они задолго до того, как было разбито кладбище Пер-Лашез. Надо сказать, что останки Лафонтена весьма условны. Кто-то там лежит, но не факт, что Лафонтен. А вот Мольер – точно Мольер. Оба были похоронены в братских могилах, но поскольку Мольер был артистом, а стало быть, презренным человеком, его закопали первым и глубже остальных. Поэтому при эксгумации смогли точно установить его персону. А перенесли их на кладбище Пер-Лашез из-за того, что оно было новым и непрестижным. Тогда мэр Парижа распорядился поместить их прах в качестве селебритис, чем подстегнул моду и усилил престиж Пер-Лашез.

Мы бродили долго. Вечерело. В бутылке осталось буквально по последней капле. Я хотел посетить могилу Джима Моррисона, зная, что он тоже там. Но Ароныч не то чтобы сопротивлялся, но явно оттягивал этот момент. Я это почувствовал и задал прямой вопрос. И тогда Ароныч поведал мне удивительную историю. Оказалось, что многие годы

он дружил с человеком, который работал на этом кладбище в должности... культурного атташе. Ароныч с ним дружит давно и даже какое-то время работал его помощником, вот откуда его познания и глубина проникновения в вопрос.

Он рассказал, что после того как мэрия Парижа опростоволупов похоронила здесь Джима Моррисона в семьдесят первом году, Пер-Лашез из респектабельного последнего приюта многих, многих и многих превратилось в чёрт знает что. Особенно шумно на кладбище в годовщину смерти. Это сейчас, сказал Ароныч, поутихло, а раньше-то постоянно из близлежащих к могиле Моррисона склепов выносили кучи бутылок, шприцов и презервативов. Здесь пришлось установить даже колючую проволоку на стенах, потому что его поклонникам важнее всего было проникнуть на кладбище ночью и проделать там то, что любил сам Джим. Никакого сладу с этим не было. А самое обидное для властей Парижа было то, что они похоронили Моррисона за свой счёт. Ароныч показывал мне копию полицейского свидетельства о смерти и копию счёта за похороны. Поразительно, Джиму Моррисону нашли маленький кусочек земли между величественными могилами и склепами и похоронили за муниципальные пятьсот с небольшим франков (то есть чуть больше, чем за сто долларов). Его могила заброшенная, неухоженная, и на ней чаще оставляют сигареты, чем цветы.

А ещё Ароныч рассказал, как однажды утром ему позво-

нил друг, тот самый атташе, и попросил помочь, поскольку Ароныч свободно говорит по-английски. Ароныч никогда не был поклонником «Doors» и Джима Моррисона и до того дня не знал, кто его отец. Он не смог точно вспомнить, какой это был год. Вторая половина восьмидесятых. В общем, Ароныч в тот день работал переводчиком отца Джима Моррисона, который впервые приехал на могилу сына. Отца можно понять, всё-таки сын в песне «The End» поёт: «Father, I want to kill you». А отец Джима Моррисона – настоящий адмирал, заслуженный и достойный человек. Ароныч сказал, что увидел печального, тихого, аристократического вида человека, который молча и грустно бродил по кладбищу, а потом долго стоял у могилы сына. И вот, выждав, как ему показалось, подходящий момент, атташе обратился через Ароныча к Моррисону-старшему со следующим предложением. Он сказал: «Уважаемый господин Моррисон, мэрия Парижа в моём лице делает вам следующее предложение... Не сочтёте ли вы возможным и не будете ли вы столь любезны... Вам это ничего не будет стоить, все расходы возьмёт на себя мэрия Парижа и Франция... Не позволите ли вы перезахоронить вашего сына у него на родине, то есть у вас, в вашем штате? Всю организацию, все хлопоты и формальности мэрия Парижа возьмёт на себя...» Ароныч сказал, что тихий и печальный адмирал даже не дослушал перевод, он изменился в лице, вскинул руки и неожиданно громко выкрикнул: «No way!»

Мы допили остатки кальвадоса у могилы любимого мною ещё с восьмого класса Джима Моррисона, я прокрутил в голове «Riders on the storm». Как раз начал накрапывать дождик, и, исполненный тихого счастья, я расстался с Аронычем, который пешочком побрёл к своему дому, что стоит у кладбищенской стены. Потом я вернулся в гостиницу, чтобы наутро улететь из Парижа – с ощущением умиротворения и воспоминаниями о ещё одной странице, прочитанной мне в этот раз Аронычем об этом великом городе.

20 декабря

Долетел до Москвы, а уже пора вылетать в Минск. Прекрасный был тур, хоть и очень напряжённый. Люблю я матушку-Сибирь, угостила она морозами и снегом, которых в Калининграде... и хотел бы сказать, что мне их не хватает, да не могу. Но морозы в этот раз были хорошие, сухие, не лютые, но ощутимые. Много свежего снега. Насмотрелся на знакомые с детства пейзажи: переезды между городами были на машине или поездом.

Дорога из Новосибирска в Томск была особенно чувствительной. Во-первых, был сильный снегопад, ехали долго и медленно, во-вторых, новосибирская трасса вообще очень значительна для меня. Для кемеровчанина конца восьмиде-

сятых — девяностых годов Новосибирск был настоящей и недалёкой столицей, мы с друзьями ездили туда даже поесть «настоящей» пиццы — там уже появились пиццерии, а у нас ещё нет. Потом в Новосибирске открылся первый ирландский паб, где был настоящий «Гиннесс», а у нас не было. А ещё там проходили всякие концерты, которые до нас не доезжали. Так что сесть в автобус, проехать триста километров, съесть пиццу, выпить пива, побывать на концерте, где-то промыкаться до утра и утром добраться до Кемерово — это было нормально и даже весело. Дорога в Новосибирск была наполнена радостью и предвкушением, а обратная проходила в состоянии глубокого и тяжёлого сна. Каждый населённый пункт знаком и никогда не забудется.

По этой дороге я ехал в морской форме после службы домой. Я вылетел двадцать седьмого апреля 1988 года из Совгавани в Хабаровск, долго ошивался там в аэропорту, среди таких же возвращающихся домой матросов, морпехов и солдат, потом долетел до Благовещенска, чудом попал на самолёт до Новосибирска и утром двадцать девятого туда прилетел. В новосибирском аэропорту «Толмачёво» я как мог побрился и умылся. Привёл в надлежащий вид форму и, наслаждаясь любопытными взглядами, добрался до автовокзала. Денег у меня в кармане оставалось аккуратно на билет до Кемерово. Автобусы уходили каждый час, но были забиты, и мне пришлось ждать больше двух часов. Мне казалось тогда,

что я в центре всеобщего внимания. Периодически подходили какие-то мужики, которые когда-то служили на флоте, предлагали выпить, я отказывался. В общем, я чувствовал себя прекрасно. Вдруг рядом со мной остановилось такси, из него вышел водитель и громко, на всю привокзальную площадь спросил: «Морячок, куда едешь?» Я сказал. Тогда он своим громким голосом на всю площадь предложил мне за тридцатку доехать до места с ветерком. А у меня в кармане был только билет на автобус и какие-то копейки, не хватало даже на беляш, которого очень хотелось. Я таксисту шёпотом сказал, что столько у меня нету. Тогда он, опять же на всю площадь, проорал: «Ну, слушай! Моряк на суше не дешёвка! Давай шас ещё кого-нибудь возьмём, и за червонец я тебя доставлю в лучшем виде». На это я ему процедил сквозь зубы, чтобы он ехал подальше... А он, сволочь, обращаясь уже не ко мне, а ко всем тем, кто от нечего делать наблюдал эту сцену, заявил: «Да-а! Измельчал нынче народишко!» – сел в машину и уехал. И ещё минут сорок мне пришлось страдать среди тех людей, которые, казалось мне, смотрели на меня с презрением. Как я ненавидел тогда этого таксиста!

А между Новосибирском и Кемеровом, перед развилкой дороги (если ехать из Новосибирска на восток, на трассе есть развилка: одна дорога уходит севернее на Томск, а другая идёт на восток на Кемерово, Красноярск и далее) есть деревня Болотное. Здесь всегда останавливаются междугород-

ные автобусы и много других машин. Когда я возвращался со службы домой, возле Болотного была просто поляна, автобус останавливался, и водитель предлагал пассажирам сходить в кусты: девочки налево, мальчики направо. Теперь здесь целый комплекс развлечений. Оборотистые и предприимчивые армяне построили что-то вроде мотеля и несколько еда-лен, где стабильно обильно и на удивление вкусно. Остановка в этом месте – особый ритуал для путников, которые знают дорогу и часто по ней ездят. Практически сразу за Болотной меняется часовой пояс. Странное место это Болотное, но главное в этой деревне или селе то, что там родилась Жанна Агузарова. Так что, если поверить утверждению Жанны, что она с других планет, то на другую планету попасть легко – другие планеты расположены между Кемеровом, Новосибирском и Томском. Рекомендую.

В Кемерове перед глазами прошла череда родных повзрослевших и даже постаревших лиц, был спектакль, который прошёл как-то особенно чувственно и для меня на грани слёз... Чувства и переживания ещё свежие, трудно говорить. Люблю свой город. Всё самое главное было и есть там. К деду на кладбище заехать не удалось: снега выпало так много, что до могил нереально было добраться...

29 декабря

Десять дней назад был в Кемерове, встретился со своим старинным другом Игорем Мизгирёвым, он был директором нашего студклуба. Тогда я не понимал, как сильно он мне в жизни помог, и таких, как я, много. В этом его невероятный дар. В то время он играл в театре «Встреча» кемеровского университета. Там же тогда играл в будущем знаменитый Андрей Панин. И неизвестно, на кого больше ходили: на Панина или на Мизгирёва. Играл Игорь всегда блестяще, но никогда не считал себя актёром. В этом весь он. И вот мы встретились и поняли, что в наступающем году сможем отметить двадцатипятилетие нашей дружбы.

Мы решили отметить его церемонией «серебряная дружба». Я специально прилечу в Кемерово. Мы заранее всё организуем, обязательно будут свидетели дружбы, а такие и с его, и с моей стороны есть. Будем ездить на красивой машине по городу, сфотографируемся возле нашего университета, возле 6-го корпуса, потому что и он, и я закончили филфак; возле когда-то мною созданного театра «Ложа», в котором Игорь тоже немного поиграл. Ну и ещё найдётся несколько важных мест, где два старых друга могут сфотографироваться. А потом будет застолье, мы будем сидеть во главе стола, а гости периодически будут кричать: «Крепко, крепко!» Мы

будем вставать и крепко пожимать друг другу руки. Вот такую весёлую шалость мы задумали осуществить.

2009 год

2 января

Когда я служил, у нас была поговорка: «Матрос без мата что солдат без автомата». И именно со службы помню верные интонации, удивительные формы и сочетания тех самых слов. Я помню выдающихся мастеров и виртуозов, которые употребляли мат так самобытно и изобретательно, что возникала гордость за то, что я таких людей знаю. И ещё я совершенно уверен, что пришвартовать большой противолодочный корабль к стенке (пирсу) в конце октября, когда от холодного ветра не гнутся пальцы, а холодные и мокрые швартовы кажутся неподъёмными... Без мата такое действие совершить невозможно. И много таких тяжёлых мужских дел, которые без мата неосуществимы. В этом мате нет злобы, в нём есть необходимость. Я знаю, как часто мат необходим в терапевтических целях. Выругался тихонечко себе под нос или громко, в одиночку, – и полегчало, отпустило... Но интернет, совсем другое дело. Во-первых, слышать мат и читать его – это разные вещи. Во-вторых, в присутствии женщин и детей материться нельзя. И те самые люди, которые изопрённо матерятся на палубе, на стройке, в шахте или на нефтяной вышке, не позволяют себе мата в присутственных

местах, потому что знают вес и силу этих слов. А те мальчики и девочки, которые беспрерывно набирают пальчиками матерные слова на клавиатуре, очевидно не знают ни веса, ни силы, ни меры, ни вкуса. А главное – они не умеют материться. Мальчиками и девочками я называю и вполне взрослых и известных в интернете персонажей. Просто, как только начинают изъясняться при помощи мата, они превращаются в мальчиков и девочек, которые вдруг почувствовали, что «ой, рядом нет мамы и папы» и можно не изображать из себя благовоспитанных детей.

Помню отчётливо, как в первый раз услышал так называемое непечатное слово с экрана. Это случилось в 1987 году, я тогда ещё служил. В воскресенье в Доме офицеров мы смотрели фильм Швейцера «Крейцеров соната». Подавляющее большинство зрителей-матросов спали, а я смотрел. И вдруг герой, которого играл Янковский, сказал: «Ты ведёшь себя как б...» Я сначала не поверил своим ушам. Всё-таки это был Советский Союз, фильм снимал знаменитый режиссёр, да и материал был классический. Это слово прозвучало, как выстрел.

Потом его заменили в этом фильме на слово «кокотка». Но губы актёра произносят короткое слово. Помню, я долго думал над тем, что услышал. И понял, что для Швейцера такое высказывание – серьёзный поступок, очень серьёзный, смелый и наверняка продуманный. Ему нужно было разбу-

дить зрителей, вернуть давно привычному тексту остроту и жизнь. Ему нужно было передать невыносимый гнев и отвращение, которые испытывал герой. И после этого слова зритель воспринимал весь оставшийся фильм иначе. Я думал тогда, будучи матросом, многие дни. Хотя вокруг меня был практически сплошной мат. Вот что значит точное и, можно сказать, выстраданное высказывание.

Когда кто-то в компании или даже в телевизоре и уж тем более в интернете беспрерывно сорит матом, когда экран телевизора воспроизводит движение губами, а динамик пищит – это всё мусор, неряшливость, а самое главное – признание неспособности внятно высказаться и обозначить смысл своего высказывания. В этом даже не наглость и не смелость, но пренебрежение к окружающим, к самому себе, к языку, на котором мы говорим, и к смыслу в целом.

В моих текстах есть те самые слова. Их совсем немного. Для меня это непростое решение, но всегда взвешенное. Кто-то с этим не согласен, и я могу этих людей понять. Но я уже испытал всю ту сложность, которая сопровождает момент написания этих слов на бумаге, потому что написать – это не то же самое, что сказать. А кто-то это делает совсем легко. Таков же вес всего, что они говорят.

Может быть, кто-то считает, что это здорово и даже мод-

но – материться в просвещённом обществе. Полагаю, что не модно и не здорово. По-моему, это выглядит весьма нарочито, иногда истерично, а чаще всего просто глупо. Свинство это. Эх, послушали бы они нашего боцмана Хамовского!

14 января

Побывал за десять дней в четырёх городах Вьетнама и посетил знаменитый Ангкор и город Сим Рип в Камбодже. Есть сильное ощущение, будто побывал на другой планете. Поездка была не курортная, а очень активная, с погружением в настоящую вьетнамскую жизнь. Туристических маршрутов избежать не удалось – зато удалось перешагнуть барьер и окунуться в ту атмосферу и те глубины, которые подавляющее большинство туристов преодолеть не решаются из-за незнания, как себя вести, брезгливости и самого обычного страха.

15 января

Поездку во Вьетнам организовал мой товарищ, отчаянный путешественник. Я не могу соответствовать его энергии и азарту. За последние два года он успел побывать на Северном и Южном полюсах. Но во Вьетнам я не мог с ним не полететь. Должен признаться, мне пришлось преодолеть серьёзный скепсис и недоверие. Я знаю Китай и китайцев, хорошо знаю Южную Корею. В Японии не был, но знаю и

японцев. Я опасался встретить что-то мне известное, просто с некоторой спецификой. Вьетнам же оказался совершенно иным явлением.

Как было гениально сказано в фильме Тарковского «Солярис» (не настаиваю на точности цитаты): «Нам не нужен космос, мы хотим расширить Землю до его пределов. Человеку нужен человек».

Именно человеческий контакт и встреча с людьми произвели самое сильное впечатление. Такие встречи были у меня только в Африке, Индии и вот теперь Вьетнам. Больше всего меня поразило во Вьетнаме буйство жизни. Как я уже говорил, я поехал абсолютно информационно неготовым. Я не ожидал, что город Сайгон (Хо Ши Мин) – это 10 миллионов человек. Я не ожидал увидеть такие красивые парки, такую архитектуру, столь внятных и не перегруженных восточными ритуалами людей. А главное, не ожидал такого отчётливого интереса в себе к тому устройству жизни, которое там встретил.

Должен сказать, что после Сайгона я побывал в городе Хуэ (370 тыс. человек), где сосредоточено семь разного уровня университетов. Так много молодых активно учащих людей на душу населения я не видел нигде. А в городе Нья Чанге (470 тыс. населения) есть четыре книжных магазина площа-

дью более 1500 кв. метров. Такого уровня магазинов нет в Киеве ни одного (чтобы украинские друзья не обижались, в Калининграде тоже такого нет). Это современные магазины, а главное – они заполнены людьми... Но про Вьетнам я ещё расскажу.

Сегодня посмотрел фильм «Обитаемый остров». Должен сразу сказать, что книгу Стругацких не читал, не являюсь их большим поклонником и меня нельзя обвинить в том, что я блюститель ревностного отношения к авторскому тексту... Я почтительно отношусь к этим авторам. Они были важными для тех, кому лет на десять больше, чем мне. Они многое сообщили предыдущим поколениям, да и продолжают сообщать уже давно написанными текстами, просто я не отношусь к числу их почитателей.

Никого не хочется огорчать. Многие успели написать, что им фильм понравился... Что же вам понравилось?! Какое безответственное по отношению к какому-либо смыслу, современности и художественному содержанию кино! Безобразие! Но главное, что для меня определяет суть того, что я видел, – это чудовищно даже не провинциальное, а периферийное сознание создателей фильма. В этом фильме всё вторично, безадресно и внационально. Я привык к тому, что американское кино – это американское кино, французское – французское, немецкое – немецкое, а японское – япон-

ское. То, что я сегодня увидел, – никакое кино. Попытка заявить о том, что в России могут снимать технически сложное кино, уже сделана Бекмамбетовым... Да, те, кто снял этот фильм, сильно потрудились. Деталей и какой-то мелкой видеоинформации много. Видно, что авторам фильма много раз пришлось изобретать собственный велосипед. Наверное, это достойно уважения. Но за всем этим мельканием и желанием показать, «как мы можем», ничего нет: ни истории, ни героя, ни смысла. Совершенно ничего не понятно. А главное главного то, что и не возникает никакого желания что-либо понимать... Нет возможности проникнуться сочувствием и следить за приключениями героя, похожего на инструктора из американского фитнес-центра. А в монтаже, который предложен авторами фильма, ни у одного актёра нет никакой возможности что-либо сыграть. Всё остальное, то есть пространство, техника, костюмы, компьютерная графика, грим и прочее – это то, что называется в простонародье «вторяк». Фальшивка.

Те же, кто пытается в этом фильме усмотреть некое высказывание о том, что творится у нас в стране и в современном мире, те, кто пытается что-то в этом фильме прочесть между строк, видимо, верят, что журналист В. Соловьёв действительно свободный и самостоятельный человек.

И всё-таки доминирующим во всём этом кошмаре явля-

ется полное равнодушие и безразличие к смыслу. Главное, чего нет у автора фильма, – это внутреннего высказывания, темы. Даже тему самолюбования он не может поднять на достойный уровень. Страсти нет, душевных мускулов нет. Нет азарта, нет любви к жизни. Равнодушие порождает «проекты». Вот некий проект мы и наблюдаем как главное государственное кинопроизведение.

После Вьетнама это особенно заметно. Благо новостные программы сейчас наполнены гораздо более сложными, запутанными и страстными сюжетами. Тема газа гораздо более витиевата, чем самая сложная джазовая импровизация. Этаким газовый джаз. Так что создателям фильма «Обитаемый остров» нужно винить не в том успехе, на который рассчитывали, не нас, сырых и убогих, в своём большинстве не пожелавших проглотить эту фальшивку... Им нужно обвинять выпуски новостей, где всё гораздо более напряжённо и запутанно. И тоже, как фильм «Обитаемый остров», имеет своё продолжение, но только куда более непредсказуемое.

16 января

Собственно, что я знал про Вьетнам до того, как там побывал? Какие у меня были о нём представления? В общем-то, жутковатые. Вьетнамцев я видел довольно много, с детства, они жили в двух больших общежитиях недалеко от того дома

на окраине Кемерово, в котором проживала наша семья. В большинстве своём это были вьетнамки, парней было немного. Все они работали на текстильном производстве. Жили они довольно закрыто. По городу не шастали. Отвозили и увозили их на автобусах. Про них ходили слухи, что они переловили всех кошек и собак в округе, что едят тухлую рыбу и что с ними лучше не связываться. Все, кого мы видели, были маленькие, щупленькие, одеты были одинаково и убого. Местные авантюрно настроенные пацаны пытались с вьетнамцами разобраться и выяснить, что они собой представляют на самом деле, но получили жёсткий отпор. Сам видел одну драку. Маленькие вьетнамцы дрались отчаянно, очень технично и жестоко. Они дрались бесстрашно – не боялись пропустить удар и не боялись нанести тяжёлые увечья противнику. Короче, они победили и укрылись в общежитии.

В 1977 году мой дядя, который работал инженером на авторемонтном заводе, ездил во Вьетнам в командировку. Оттуда он привёз несколько раскрашенных циновок, серебряные украшения, конические шляпы, мне он подарил вьетнамский солдатский шлем, похожий на пробковый колониальный, хотя был сделан из бамбуковых листьев. Я был в этом шлеме героем двора, и до самого отъезда в Калининград он болтался у нас дома. Ещё дядя привёз рассказы о нищете, грязи, поедании змей и лягушачьих лапок. Он ещё что-то рассказывал удивительное, но я не помню. Что-то я знал

про вьетнамо-американскую войну. А на службе было много интересных историй от тех, кто побывал во Вьетнаме, кто стоял на базе в Кам Ране. Кто-то прослужил там все три года, работая на заводах и обслуживая нашу базу. Все они говорили о тяжёлых климатических и бытовых условиях. Потом были американские фильмы про вьетнамскую войну: «Апокалипсис», «Охотник на оленей», «Взвод» и другие.

В 1990 году я встретил множество вьетнамцев в Берлине. Они очень быстро организовали рынки и лихо зарабатывали в то время, когда границы между ГДР и ФРГ были уже открыты, но действовали и гэдээровские, и дойчмарки.

Такой вот скудный набор фактов и ощущений... Я летел во Вьетнам самолётом вьетнамских авиалиний. Большой «Боинг 777» был забит до отказа. Вьетнамцев было две трети, многие семьями, с маленькими детьми. Мужчины в большинстве своём в нелепо сидевших на них чёрных и серых костюмах и плохих рыночных кожаных куртках. Женщины были одеты с тех же рынков и в то, что обычно сами продают. Мы летели в Ханой. Как только самолёт взлетел, многие родители уложили детей на сиденьях, а сами уселись на пол, и вообще разместились как хотели. Перелёт был утомительным. Вьетнамцы беспрерывно что-то делали, дети кричали, кто-то громко разговаривал. А голоса у них пронзительные... В общем, предчувствие было не из многообеща-

ющих.

В Ханое мы были совсем коротко. Усталые, пробежали по аэропорту и сели на самолёт до Хо Ши Мина – Сайгона (буду так его называть). Меня поразило, что из Ханоя в Сайгон и обратно рейсы были каждый час. Причём самолёты огромные, то есть авиадвижение между этими городами плотнее, чем между Питером и Москвой. Этот самолёт был тоже забит, но люди здесь были совершенно другие. Много молодых, в хороших очках и одежде, с ноутбуками или книгами. Полёт был недолгим. В Сайгоне сели, когда стемнело. И Вьетнам всем многообразием жизни, тёплым, влажным воздухом и бесчисленными запахами обрушился на нас как праздник. Ничего подобного я увидеть не ожидал...

Мы сели в машину и, как только отъехали от аэропорта, влились в реку мотоциклистов. Не в поток, а именно в реку. Мы медленно поплыли по этой реке, и тут уже я не мог оторваться от окна. Как они ездят! Во-первых, медленно, скорость на самых свободных участках не превышает 60 км в час. Правил уличного движения, если они там и есть, я не понял. Главное правило, которое они чётко соблюдают: нужно беспрерывно давить на клаксон. Я так и не разобрался, зачем они подают сигналы: клаксонят все и постоянно. Но это не ругань, не проявление грубости, не уличная перебранка, это такой способ вождения, общения и жизни.

У них совершенно особая культура использования мотоцикла, мотороллера, мопеда. В первую очередь шлем. Почти все шлемы маленькие, без стеклянного забрала, и невероятно разнообразные. Я видел шлемы всех возможных цветов и раскрасок. Видел шлемы в виде жокейских шапок, обтянутых кожей, видел шлемы, имитирующие немецкие каски, но при этом обшитые тканью в цветочек, многие барышни и дамы надевают на шлемы поля из плотной ткани, так что шлем превращается в почти элегантную шляпку. Чего только у них на шлемах не нарисовано! Поодиночке ездит немного людей, чаще вдвоём. Но на обычный мотороллер также вполне помещается и целая семья. Маленький ребёнок впереди, за рулём мама или папа, следом более старший ребёнок, и замыкает всё это ещё один родитель.

Как мне понравились у многих барышень длинные, до плеч, перчатки из блестящей ткани... Бежевые, розовые, белые, голубые. Раньше я думал, что все вьетнамки ходят только в брюках. Ничего подобного. Многие в платьях, юбках, сарафанах. Юбки не короткие. На ногах красивые, блестящие туфли на высоком каблуке. У мотоциклистов на лицах тканевые маски, потому что дышать в таком мотоциклетном потоке практически нечем. Эти маски тоже разнообразны. Форма одинаковая, а расцветки могут быть самые разные.

Как же мне понравилось, как барышни ездят со своими парнями! Это выглядит так элегантно и красиво, в этом даже есть какой-то высокий стиль! Многие, сидя позади парня, едут на мотороллере в позе амазонки, то есть как когда-то дамы ездили на лошадях. Они сидят, изящно положив ножка на ножку, или просто плотно их сжав, небрежно держатся одной рукой за плечо или пояс спутника, а другой придерживают юбку. Я неоднократно видел тех, что умудрялись даже не держаться ни за парня, ни за мотоцикл. Они едут с прямой спиной, сложив руки на коленях. Как они при этом сохраняют осанку и не падают, совершенно непонятно. Зрелище завораживающее.

Мы ехали до гостиницы около часа, и я не мог оторваться от этого зрелища за окном. Лица, лица, глаза, шлемы, гул клаксонов. Я ехал и понимал, что в эту ночь уснуть не смогу, несмотря на тяжёлый перелёт. Я сразу понял, что Сайгон – это мой город, что здесь меня ждёт много сильных впечатлений. И я не ошибся. Мне так и не удалось сделать ни одной фотографии, которая бы передавала суть этого потока. Да и просто не хотелось фотографировать. Хотелось жить.

17 января

С вьетнамской темой сделаю перерыв...

Вчера посмотрел фильм «Стиляги». Пошёл на последний

сеанс, в зале было мало народа: посленовогодний ажиотаж и основная волна схлынули, так что билет купил спокойно. Думал, что не стану писать про «Стиляг» в любом случае, понравится мне или не понравится. Я ведь не рецензент, а потому стараюсь редко делиться впечатлениями о прочитанном или просмотренном. Но чувствую внутреннюю необходимость высказаться. Наверное, по той причине, что практически одновременно в прокат вышли два столь громко заявленных фильма: «Обитаемый остров» и «Стиляги». И оба эти фильма рядом, видимо, не случайно. С них начался год.

В первом своём высказывании об «Обитаемом острове» я написал, что это кино, не имеющее национальных признаков, что оно вторично по отношению к американским аналогам. Я ошибся. Это очень сегодняшнее и очень наше кино. В фильме собраны все комплексы неполноценности, какими страдает наш кинематограф. В нём нет никакой художественной свободы и абсолютно никакого отношения к исходному литературному материалу: ни любви, ни нелюбви к тому, что написали Стругацкие. А то, что поклонники Стругацких заявляют о близости фильма к литературной основе, – сомнительный комплимент писателям. И уж точно это говорит о том, что авторы фильма роман не осмыслили.

Очень хорошо помню выход в свет фильма «Сталкер». Помню ажиотаж вокруг премьеры и как через двадцать ми-

нут после начала люди толпами покидали кинотеатр. Люди, пришедшие посмотреть фантастический фильм, с громкой руганью и хлопаньем дверей выходили в Кемерово из зала кинотеатра «Москва». Многие матерились. Те, кто читал и любил Стругацких, в большинстве своём на дух не приняли картину. Я в свои тринадцать лет тоже не принял фильм. Да, наверное, и не мог принять. Что я мог понять тогда в этом сложнейшем гениальном фильме? Но я досмотрел его до конца. Был возмущён, ругался, что тягомотина, но фильм встревожил и не отпускал. А главное – он вызвал серьёзные сомнения. Может, это были первые в моей жизни и важнейшие сомнения, связанные с искусством. Фантастику я тогда очень любил, и поскольку с книгами вообще было трудно, а с фантастическими особенно, я записался в клуб любителей фантастики под названием «Альтаир» в библиотеке имени Гайдара. Членство в клубе давало некоторые льготы – можно было вне очереди получить желаемую книжку, но, правда, только в читальном зале. Самому сейчас не верится, но каждое воскресенье в 9 утра я выезжал со своей окраины в центр, чтобы в числе первых прийти в читальный зал и взять особо ценную книгу, с которой и просиживал там до вечера.

Это я к тому, что период увлечения и любви к фантастике у меня был. И очень преданной любви. Про фильм «Сталкер» я знаю многое. Я знаю, что Стругацкие несколько раз переписывали сценарий, а Тарковский его не принимал. Я

читал два варианта сценария, они публиковались. Оба были плохие и с большим количеством фантастических элементов. Знаю, что Тарковский в итоге сам написал окончательный вариант. На сегодняшний день я знаю фильм почти наизусть. Какие там тонкие диалоги, какие они смешные! Монолог писателя о читателях из этого фильма только недавно стал мне понятен. Это монолог про меня. Когда бывает плохо, я сам могу произнести такой монолог. Фильм Тарковского очень далёк от романа «Пикник на обочине». Но при этом в фильме много любви, так что чувствуется, почему именно этот роман заставил одного из крупнейших мастеров мирового кинематографа так долго над ним трудиться и в итоге сделать шедевр. Любовь и очень мощное внутреннее высказывание чувствуются в каждом кадре. В фильме «Обитаемый остров» в каждом кадре чувствуется полное безразличие. Я думаю, что равнодушие и отсутствие собственной темы – это то, что не даст Бондарчуку-младшему сделать хоть что-нибудь значительное. Бондарчук не даёт надежды на то, что в нём появится хоть какое-то художественное содержание. И очень символично, что именно он практически назначен главным кинематографистом нового поколения страны. Так что фильм «Обитаемый остров» отражает общее состояние дел. Но это не страшно, такое кино долго не проживёт. Ещё немного, совсем немного – и все кинотрюки будут смотреться так же нелепо, как сейчас выглядят циклопы в старом фильме про Синдбада-морехода. А когда-то, маленький, я

их боялся.

На «Стиляг» шёл исполненный скепсиса и недоверия. Точнее, был уверен, что разрекламированный, имеющий такую кассу и так радостно принятый массами фильм не может быть хорошим. К тому же я знал, что у этого фильма есть все признаки мюзикла. Русский мюзикл – что может быть страшнее?!

И как же мне понравилась картина! Какой Валера молодец! И как хорошо, что именно этот фильм стал рекордсменом продаж и победил! Это хорошо говорит о нас, зрителях. Мы, очень разные, разных возрастов, вкусов, достатка и образования, приняли этот фильм, а «Обитаемый остров» не приняли. Мы молодцы.

В «Стилягах» много остроумных, художественных и очень кинематографичных решений. Такую Москву, какой, в общем-то, никогда не было, но которая есть на открытках, а главное – в каком-то мифическом ощущении ушедших эпох, было создать наверняка гораздо труднее и интереснее, чем ту вторичную, простите, хрень, которую мы наблюдали в «Обитаемом острове». Москва в «Стилягах» будто бы нарисована американскими художниками пятидесятих годов, которые рисовали девушек «пин ап». А ещё атмосфера фильма напоминает «Книгу о вкусной и здоровой пище» 1953 года

с раскрашенными фотографиями. Это очень верное решение автора – сделать Москву такой, какой он не видел, но нафантазировал. Точно так же Масленников создавал из Риги Лондон для своего гениального Шерлока Холмса, правда, не компьютером, а фантазиями и своим представлением о том, каким мог быть Лондон той прекрасной эпохи.

Музыкальное решение фильма меня потрясло: так просто и так верно. Валерий Тодоровский чуть старше меня, но, в общем-то, мы сверстники. И он использовал в фильме песни нашей юности. Те песни, под которые мы проходили наши первые сильные переживания. Это были наши песни, и в них была наша свобода. Аранжировать их под пятидесятые – это замечательно, это мощное художественное решение. Если бы там прозвучали американские песни пятидесятых, наверное, ничего бы не произошло, не случилось бы того чуда, какое есть в этом фильме. Я слышал о нелепых претензиях к фильму с точки зрения подлинности воспроизведения эпохи. Чушь! Автор воспроизвёл свою любовь к юности родителей, к мифам того времени и той Москвы, но главное – к своей собственной юности. Весь фильм пропитан любовью. В нём нет плохих – есть счастливые и несчастные, а мерзавцев нет.

И как же чудесно играет актёр, занятый в главной роли! Символична разница между главным героем «Стиляг» и

«Обитаемого острова».

Не знаю, какая судьба ждёт этого актёра, но он настоящий. Есть надежда, что ему хватит сил и вкуса не затеряться в сериалах и бессмысленных проектах. Как он сыграл! В нём такое сильное внутреннее напряжение, настоящее понимание того, что он делал, и очень высокая степень точности. Он мне напомнил молодого Шона Пенна – пожалуй, моего самого любимого актёра современности. Они оба маленькие, некрасивые, какие-то жилистые, беспородные, что ли. И при этом – не понимаю, как они делают то, что делают. Об Антоне Шагине ещё, конечно, рано говорить как о большом артисте, но дай ему бог!

Очень рекомендую всем посмотреть фильм Вуди Алена «Сладкий и гадкий», где молодой Шон Пенн играет джазового гитариста. Как он это сыграл – не понимаю! Между фильмами «Стиляги» и «Сладкий и гадкий» нет практически ничего общего. Но страсти в исполнителях главных ролей буквально через край.

А ещё, когда смотрел «Стиляг», вспомнился мне фильм «Плакса» («Crybaby») с юным Джонни Деппом. Этот фильм я давно люблю, здесь впервые увидел Джонни Деппа, и я уверен, что Тодоровский его смотрел. Это очень близкие по сути фильмы, но при этом «Стиляги» ничуть не вторичны, они скорее развивают тему, чем её повторяют.

Я совсем не боюсь упрёков и ругани в свой адрес за то, что мне понравились «Стиляги»: в этом фильме есть любовь к тому, что дорого мне. А в фильме «Обитаемый остров» любви нет. И я догадываюсь, как сейчас хреново Бондарчуку. Какой бы он ни был заласканный и захваленный, защищённый государством и мощной пропагандистской машиной, всё же он человек и не дурак. И я думаю, наедине с собой, внутри себя, он понимает, что сделал фальшивку и дрянь, и, наверное, догадывается, что на большее не способен. Без любви жить страшно. А Валера молодец! И все мы, кто способен радоваться и чувствовать, тоже молодцы.

20 января

Очень скучаю по вьетнамской еде, не хватает мне их еды. Когда пробыл в Южной Корее почти месяц, участвуя в двух фестивалях, сильно скучал по картошке и борщу, ну или, не знаю, по колбасе и котлете. Во Вьетнаме этого не произошло, наоборот.

Больше всего меня там поразило буйство жизни. Пульс невероятно ускорен, почти одиннадцатимиллионный Сайгон весь шевелится и пульсирует. Там же приближается Новый год, а под Новый год у них сезон свадеб. Свадьбы кругом, в каждой забегаловке. В больших помещениях или ре-

сторанах может гулять сразу три свадьбы. Едешь по трассе между городами, и вдоль дороги свадьбы, свадьбы. Пыль, копоть, рёв грузовиков, гудки клаксонов, жарыща, а вдоль дороги под навесами нарядные люди, невесты то в национальных, то в привычных нам платьях. Свадьбы играютя чуть ли не в магазинах и на заправках.

В каждой луже выращивают карпов или других рыб. На каждом клочке земли что-то растёт, везде копошатся люди. На каждом сантиметре что-нибудь продают или покупают. И везде сидят, едят или пьют. И самое главное во время путешествия по Вьетнаму – нужно снять с себя скафандр. Я имею в виду шагнуть в эту жизнь. Иначе найдётся достаточно привычных отелей и вполне туристических ресторанов, где местной специфики будет ровно столько, сколько можно найти во вьетнамском ресторане в Москве, Париже или Лондоне. «Снятие скафандра» со мной случилось уже на второй день. Мы попали по рекомендации давно живущего во Вьетнаме француза в о-о-очень вьетнамское место. Нашему появлению хозяева удивились. Похоже всё это было на большую столовку, только ещё выгорожено маленькое интернет-кафе. Довольно поздно вечером было много людей. Полно детей, пьяных мужиков, на пластмассовых столах с железными ножками стояли батареи банок пива, бутылки с рисовой водкой, совсем немного закуски. Помимо всего этого вдоль стен стояли аквариумы с рыбами, террариумы со

змеями, клетки с какими-то ондатрами и неизвестными мне грызунами. И всё это можно было есть. Меню на английском или человека, говорящего по-английски, не было. И тут, хочешь не хочешь, надо было снять с себя скафандр.

Мой друг – отчаянный в смысле еды экспериментатор. Он взял всё в свои руки, и в итоге мы ели королевскую кобру. Для вьетнамцев это очень дорогое блюдо. Я возмущался. Мне было категорически жаль несчастное животное, но... если бы вы видели, что происходило! Откуда-то за хвост (если, конечно, у змеи есть хвост) выволокли огромную кобру, прямо в центр столовки. Все пьяные посетители, все дети и весь персонал тут же сгрудились вокруг, начался даже не шум, а гвалт. Смех, визг, свист. Кобра шипела, распускала капюшон, все страшно радовались, никто её не боялся, хотя вели себя осторожно. Это всё очень напоминало мне кадры из фильма «Охотник на оленей», и, наверное, как-то так проходила в Средневековье казнь ведьмы на площади. У меня закружилась голова, и я не смог наблюдать дальнейшее, отошёл в сторонку. А мой друг, сильно возвышаясь над вьетнамцами, был центром и внимания и веселья и каких-то беззлобных насмешек. Когда змея была обезглавлена... я этого не видел, но зато услышал громкий всеобщий одобрительный и восторженный вой, из неё была выдавлена кровь и вырезано сердце. Это сердце, которое ещё пульсировало, было брошено в рюмку, залито рисовой водкой, и мой друг выпил

это, с чем толпа радостно его поздравила. Дети скакали вокруг, пьяные мужики одобрительно похлопывали его по разным частям тела. И было ясно, что в этой культуре и в этом мире не произошло ничего предосудительного. Так они живут. Если бы всё происходило в каком-нибудь закрытом и нелегальном ресторане Лондона, это было бы отвратительно. А здесь – вот так.

Потом эта змея была нам приготовлена. И общее буйство жизни, и круговерть в голове, а ещё рисовая водка и радостные лица вокруг позволили мне выпить змеиной крови вместе с водкой, а потом отведать супа из той самой змеи, хотя за два дня до этого я говорил своему товарищу, что ни при каких обстоятельствах этого не сделаю, я люблю животных и вообще... Сейчас я тоже уверен, что никогда этого не сделаю. А то, что происходило там, был какой-то удивительный сон или кино, но очень жизнерадостное.

22 января

...Я очень быстро понял, где надо во Вьетнаме есть. А еда – это важная составляющая впечатлений. Есть надо там, где едят вьетнамцы. Вьетнамские места от туристических отличаются прежде всего высотой стульев и столов. Если стулья и столы привычного размера, значит, это туристическое место. Столы и стулья должны быть низенькие и маленькие. А хорошее место определить несложно: если в заведении мно-

го людей, значит, туда надо заходить и есть, там вкусно. Не следует опасаться языкового барьера, а знание английского не поможет, в известной мере даже помешает, потому что вы будете пытаться говорить по-английски, подбирать слова, а вас всё равно не поймут. Когда вьетнамцы говорят по-английски, их тоже сложно понять, даже практически невозможно, так что о языке общения можно не думать. Язык жестов у вьетнамцев не очень развит, и активная жестикуляция поставит их в тупик, они вам не итальянцы. Зато вьетнамцы действительно хотят вас понять, и это является решающим обстоятельством.

Во многих сугубо вьетнамских едальнях нет никакого меню. Или есть какой-то листочек, где написано что-то по-вьетнамски. Я быстро понял, как надо в такой ситуации действовать. Нужно посмотреть на то, что едят за соседними столиками, понять, что тебе из этого нравится, подойти к столику и попросить, чтобы в меню указали то самое блюдо, которое они едят. Или попытаться объяснить людям, чтобы они попросили хозяев принести такое же блюдо. Сам процесс таких объяснений посетителей радует, и они охотно помогают не только в выборе, но если увидят, что вы что-то делаете не так или у вас возникли затруднения с употреблением еды – подойдут, покажут, какой нужен соус, как и что нужно делать, в какой последовательности, а если вы не очень понятливый, сделают за вас и чуть ли не положат вам в рот. При этом для

них это весело, приятно и забавно. И за соседними столиками все будут одобрительно радоваться.

Надо сказать, что вьетнамцы, в отличие от известных мне японцев и корейцев, совсем... как бы это сказать... не ритуализованы. Они не кланяются, не улыбаются дежурными улыбками, не кивают, ведут себя естественно, смотрят в глаза и очень смешливы. При этом в случае хамского или грубого поведения можно вполне схлопотать по роже, но, правда, для этого нужно себя вести действительно грубо и хамски.

Не следует пугаться внешнего вида вьетнамских ресторанчиков. Я сформулировал для себя их внешний вид следующим образом: там намусорено, но не грязно. Для посетителей в порядке вещей бросать использованные салфетки или что-то несъедобное под стол. К тому же большая часть столов находится под открытым небом на улицах или вдоль дорог. Со стороны это выглядит дико, но неприятных запахов нет, пахнет аппетитно и вкусно. Я ожидал во Вьетнаме отовсюду улавливать запах протухшей рыбы, так как многие слышали о том, что вьетнамцы едят рыбу с душком. Может быть, но я не встречал, а вот рыбный соус использовал, и это очень вкусно.

Рыбный соус – отдельная тема, он есть только во Вьетнаме, как гордо заявляют они сами. Вьетнамцы используют его

очень часто, с любой едой. Мне нужно было приложить серьёзные внутренние усилия, чтобы его отведать. Если бы я не знал, как его готовят, я сделал бы это легко, но мне успели рассказать. А готовится он следующим образом: в бочки или глиняные сосуды укладывается слой рыбы, небольшие такие рыбки типа сардин, потом этот слой пересыпается солью и специями, кладётся ещё слой рыбы и снова слой соли и специй. И так до верха. Потом ёмкость задраивается и выставляется на солнце на целый год. В результате жутких процессов, которые происходят внутри этой ёмкости, получается густая однородная масса желтоватого цвета. Это и есть рыбный соус, он обладает зверски сильным запахом, но пахнет не тухлятиной, просто запах очень сильный. И психологически, особенно зная, в результате чего этот запах получился, трудно себя преодолеть... короче, страшновато употребить соус внутрь. Но он очень вкусный.

А попробовал я его в первый раз вообще на улице. Во всех вьетнамских городах на улице готовят много лепёшек-блинчиков, это такой вьетнамский фаст-фуд. Вьетнамцы их едят в течение всего дня, на ходу или даже за рулём мотороллера, точно так же, как у нас едят хот-доги и прочую уличную снедь. В эти маленькие блинчики заворачивают какие-то ростки или траву, макают в рыбный соус и едят. Можно присесть и поесть, что, собственно, я и сделал. Ничего со мной не случилось. Не могу сказать про свой желудок, что он пе-

реваривает камни, скорее наоборот, у меня, к сожалению, чувствительный организм. Но во Вьетнаме никаких неприятных последствий от гастрономических приключений у меня не было.

У вьетнамцев много ресторанов одного блюда. Это может быть ресторан одного супа, или какой-нибудь лапши, или морепродуктов. Они много едят неизвестной нам зелени. Мне очень понравилась трава, которую по-вьетнамски я не могу выговорить, а по-английски она называется «монинг глори». Она у них плавает в реке. Они её употребляют разнообразно, готовят даже в кляре и во фритюре. Да и сырая она вкусна, только не стоит забывать про соус.

2 февраля

Меня пригласили в посёлок Янтарный, сказать несколько слов на митинге, посвящённом трагедии 31 января 1945 года. Тогда в живописнейшем месте, на берегу городка Пальменикен (теперь посёлок Янтарный) жестоко казнили и замучили около семи тысяч узников концлагерей, по большей части евреев. В прошлом году я тоже был на таком митинге, и снег валил огромными хлопьями. А в этот раз над головой было безоблачное небо, вдоль моря по мёрзлому песку бродило много людей, а само море было зеркально-штилевым. Красота, торжественность и печаль.

Было так далеко видно, что, казалось, взгляд может по дуге заглянуть за линию горизонта, и если чуть-чуть подождать и напрячь зрение, можно увидеть Швецию. За время митинга промёрз до костей, и мы с мэром Янтарного, хорошим мужем, Сашей (Александр Блинов), когда всё закончилось, помчались в маленький ресторанчик. Саша оказался моим ровесником. Он родился в Янтарном. Тогда ещё в этом посёлке был роддом, сейчас нету. Он ужасно любит свой посёлок и азартно рассказывает про то, что делается, что уже сделано и что планируется. Когда показывает своё хозяйство, он размахивает руками, и сквозь посёлок Янтарный начинают проступать, а кое-где чётко прорисовываться, очертания некогда красивого приморского городка Пальмникен.

Мы, замёрзшие, ели горячий фасолевый суп в ресторанчике маленькой, но очень симпатичной гостиницы, которая когда-то, до войны, гостиницей и была. Всё в этом ресторанчике немецкое, да и хозяин немец. Выпили по рюмке водки – с мороза водка пришлась не в голову, а в красноту щёк. А потом пошли к морю. В Янтарном удивительный парк, который спускается к пляжу. По берегу бегали пацаны. Они радостно сообщили, что утром выбросило много янтаря, и тут же продемонстрировали битком набитые мелким янтарём карманы курток... Знаете, если будете уверены, что погода в Калининградской области хорошая... О-о-очень при-

ятно зимой прилететь на выходные к морю. Остановиться в Светлогорске или Янтарном, побродить вдоль моря, посидеть в прибрежном ресторанчике. Еда здесь незамысловатая, но вкусная. Зимняя Балтика потом долго будет вспоминаться вспышками удивительно ярких картинок. Почему-то именно Балтика у меня воспроизводится в воспоминаниях так чётко, что если бы можно было подсоединить к мозгу цифровой провод, вполне получилось бы скачать отчётливую картинку. Думаю, мегапикселей на пять бы потянул... А что, из Москвы и Питера постоянно летают самолёты. Из Москвы лететь час сорок, из Питера час двадцать. Морской воздух встретит прямо на трапе. А если ещё вспомнить, что это западнее Варшавы, что до Швеции рукой подать, что Рига и Таллин остаются где-то на северо-востоке, и при этом не нужно никакой визы... Короче, приятно. После того как я переехал в Калининград, меня часто настигало ощущение, что вот-вот некий отпуск закончится и нужно будет уезжать.

5 февраля

Мои приятели или друзья, которые побывали в Калининграде, влюбляются в этот город. Многие регулярно или периодически стараются приезжать, причём в любое время года. Некоторые даже говорят: «Ты сильно-то город не расхваливай, а то понаедут и всё здесь испортят!» Есть у меня товарищ, который, как только выдаются свободные деньки, при-

лется в Калининград. Он даже не сообщает теперь о своём приезде – у него здесь уже свои знакомые, свои маршруты. Особенно любит приезжать зимой или весной, когда разница в воздухе, температуре, в запахах, даже в освещении по сравнению с Москвой разительна. А полюбил он Калининград сразу, но при очень забавных обстоятельствах.

Впервые он прилетел ко мне в сентябре 2004 года – поработать над сценарием, посоветоваться... Было очень тепло, солнечно и как-то здорово. Он прилетел, тут же явился ко мне домой, сказал, что пока не понял, что тут, в Калининграде, хорошего. Мы только присели выпить кофе, как почувствовали какую-то вибрацию во всём доме, гул и даже стук, будто возле дома проходил гигантский трамвай, но даже не по рельсам, а просто по шпалам. А потом сильный толчок... и тишина. В полуподвале дома, в котором я живу, проходили ремонтные работы. Я помчался вниз и сразу начал орать на рабочих: мол, чё вы тут творите, дом хотите развалить? А они удивлённо развели руками – мол, ничего такого мы не делали.

Район, в котором я живу, двухэтажный, укладистый, тихий, все друг друга знают. И вот люди повыходили из домов, чтобы выяснить, все ли чувствовали то, что почувствовали мы с приятелем. Оказывается, почувствовали все. Предположений было несколько: либо где-то на военных складах что-то взорвалось, либо взорвалось не на военных скла-

дах. Но что-то, очевидно, взорвалось. И сильно! Все звонили друг другу, но никто ничего не знал и понять не мог. Потихоньку все вернулись в дома, мы с приятелем решили всё-таки выпить кофе. И тут случился толчок намного сильнее первого, то есть очень сильный. Из буфета выплеснулась посуда, всё закачалось, попадали подсвечники, вазы, на улице слышался звон стекла. Мы сами чуть не попадали, и практически у меня на глазах в соседнем доме треснула и осыпалась печная труба.

Мой товарищ побледнел и первым подал сигнал к спасению. А все уже выбегали из домов, улицы заполнялись испуганными и удивлёнными людьми в домашних халатах и вообще в домашней одежде. Дозвониться никуда было невозможно – видимо, все стали звонить, и сеть мгновенно перегрузилась. Все были растеряны, версия взрыва отпала, и говорили уже о землетрясении. Говорили и сами себе не верили. Ну какое может быть землетрясение в Калининградской области, в центре старой Европы! Никто не знал, что делать, все просто стояли, смотрели на свои дома, видимо, рисуя в воображении картины их обрушения. Через порог маленького магазинчика, что напротив моего дома, вытекали струйки пива, водки и других напитков из рухнувших с полок разбитых бутылок.

Только моя тёща не растерялась. Она недавно приехала в

Калининград из Сибири, где много лет проработала на шахте медсестрой. Она выскочила из дома с сумкой, в сумке было всё самое ценное: деньги, документы всех членов семьи, медикаменты, детское питание для ребёнка (сын Саша был совсем маленький), бутылка воды и (это поразило моё воображение) туалетная бумага.

Часа через полтора был ещё один толчок, но уже слабый. К вечеру люди стали возвращаться в дома. Ни по радио, ни по телевизору ничего про нас не сказали. Только на следующий день сообщили о землетрясении в Калининградской области. Тектонический сдвиг. Сейсмологической станции у нас в области нет, ближайшая находится то ли в Польше, то ли в Литве, потому что наша территория никогда не была сейсмоопасной. Мы с моим товарищем весь день дотемна бродили, разговаривали, видели много людей, которые уже начали веселиться и воспринимать случившееся как неожиданный выходной. Семейство моё переживало всё в машине. Никто сильно не паниковал, жертв не случилось. Разрушения были, но это коснулось в основном ветхих построек. Хорошо немцы построили город. Многие дома не то что не ремонтировались с довоенных времён – даже не перекрашивались. А вот устояли.

Друг мой сильно тогда испугался. Но как раз с этого момента полюбил Калининград и теперь часто сюда приезжает.

14 февраля

Меня пригласили для участия в съёмках новой программы Первого канала, которая называется «Общее дело». Я всё время отказываюсь от участия в ток-шоу и прочих бессмысленных, но нервных программах. С радостью прихожу по приглашению канала «Культура» в программы про книги, был пару раз у Архангельского, три раза был у Познера во «Временах», а в основном отказываюсь. Но тут согласился, потому что сказали, что в программе будет всего четыре гостя, и одним из них будет великий и ужасный Онищенко, и речь пойдёт о культуре питания. Поскольку у меня есть личные вопросы к Онищенко, а герои моих книжек довольно много выпивают, я согласился...

И попал в совершенно чуждую среду. Во-первых, гостей там было полным-полно. Это был не круглый стол, а скорее круглая арена с амфитеатром... К тому же тема программы формулировалась иначе. Всё это было посвящено вопросу «Алкоголь – гибель для России или нет?» Практически сразу было заявлено одним из гостей, что нас целенаправленно спаивают, и так далее в том же духе. Моментально перешли на крикливый спор, никто никого не слушал... Интересно говорил Гордон и говорил то, с чем я во многом согласен. Он чертовски ловко умеет реагировать на любые выпады, ост-

роумно, зло и обезоруживающе отвечать. Я так не умею, но главное – не умею общаться в таком тоне. А ещё там, как во всех этих передачах, сидело безмолвное число людей, которые по команде аплодировали. В общем, я посидел-посидел, и у меня разболелась голова. И потом я понял, что так или иначе какой-нибудь вопрос зададут мне и кто-нибудь наверняка с тем, что я скажу, не согласится. А спорить я не умею и главное – не хочу, короче, не дожидаясь окончания программы, я встал и ушёл. Я постарался это сделать не демонстративно, потому что чего там демонстрировать, сам вяпался... Приятно: зовут на Первый канал, в новую программу, всего четыре гостя, зовут поговорить на такую не чуждую многим тему... Исплевался вчера, после того как выехал из Останкина.

На ближайший год или более ни в какой такой программе участвовать не буду, ни в коем случае. Плохо мне там, бессмысленно, фальшиво. И как же много людей рвутся туда и готовы говорить на любую тему, лишь бы только напомнить о себе. Стыд мне и позор, что согласился. Только канал «Культура» и только по какому-то конкретному и понятному поводу.

Сегодня весь день с восьми утра провёл на съёмочной площадке фильма. Что за фильм и кто его снимает, говорить не буду, не уполномочен. Съёмочная площадка была в высшей

степени колоритной – обычный московский рынок стройматериалов, какой есть в любом городе: павильончики со всякой строительной всячиной, соответствующие мужики. Играю я умного таджика, этакого местного мудреца и дервиша в масштабах рынка. Таджикский акцент у меня идёт не очень, но от меня этого и не требуют. Никогда во время съёмки непонятно, какое получится кино, но сниматься было весело.

Местные таджики и другие восточные люди, которых на рынке много, моему появлению обрадовались. Часть времени между дублями отогревался в рыночной кафешке, где пьют и едят в основном продавцы. Ох, там жизнь! Там, конечно, свои интриги, своя политика, своё полноценное государство. К закрытию рынка я уже мог подсказать посетителям, куда идти за шпатлёвкой и где продаются электроинструменты. Завтра весь день проведу там же. Вот в кино я сниматься люблю, а на наше телевидение не пойду.

16 февраля

Все последние дни наполнены сильной непреходящей грустью. В какие-то моменты она обостряется до невозможности и с ней сложно справиться. Дело в том, что двадцать девятого января трагически умер любезный мой пёс Макс. Это случилось так неожиданно и в такой, казалось бы, безопасной ситуации... Ветеринар порекомендовал почистить Мак-

су зубы от зубного камня. Это делается с наркозом, видимо, переборщили с анестезией. Короче, здоровая весёлая собака мучительно умерла от отёка лёгких.

Я был в это время в Москве, выпускал спектакль с Игорем Золотовицким... Макса мне подарили ровно пять лет назад на день рождения. И это был самый бесценный подарок, какой я получал в жизни. Когда вернулся домой, я ощутил зияющую пустоту, которую ничем невозможно заполнить. Ощутить с порога, потому что в ритуал возвращения домой входила та невероятная радость, с какой Макс меня встречал. Без него дома тихо. Никто не цокает когтями по полу, никто не кряхтит, не сопит, не храпит... При этом везде остались следы. Следы его когтей на всех дверях, которые он открывал лапой, на каждом углу на одинаковой высоте потёртые и почерневшие обои – он постоянно тёрся носом о все углы, чесал нос.

И ещё осталось чувство вины – за то, что не уберегли, чего-то не сделали, за то, что решили почистить собаке зубы, за то, что не прислушались к нему, потому что он в клинику ехать категорически не хотел. У меня особое чувство вины. Я когда-то написал рассказ «Погребение ангела», и есть ощущение, что накаркал. И за то, что не похоронил. Похоронили его в коробке для бумаг под старой красивой яблоней в саду рядом с домом.

Последние две недели работал ночами над текстом нового спектакля, и в спящем доме постоянно мерещились звуки, будто он ходит, пьёт воду или храпит (Макс храпел во сне очень громко). Пожалуй, последние пять лет ни одно живое существо не провело со мной так много времени. Практически все мои книги написаны при его участии, он не уходил на своё место, пока я не ложился спать. Либо сидел под моим рабочим столом, либо спал под стулом, либо слонялся по квартире, дожидаясь, когда закончу и угомонюсь.

Он был единственной собакой из тех, что я знаю, которая научилась самостоятельно открывать воду в биде, поднимал рычаг крана мордой и пил – пить из миски ему было неинтересно. Так что даже среди ночи можно было услышать, что включилась вода. Приходилось вставать, идти и закрывать: догадаться закрыть он не смог. Всё хотел заснять на видео, как он это делает...

Писал новый спектакль и понимал, что текст получается грустным. Не тоскливым, не страшным, не тяжёлым, а именно во многом грустным и печальным. Задуманная мной интонация изменилась. И даже те смешные фрагменты, которые и будут смешными... Как-то они стали лиричнее... А Макс никогда не лаял, вообще никогда. Ни на улице, ни дома, ни когда кто-то звонил в дверь, ни когда играл с другими

собаками. Он только иногда мог тявкать во сне. В этом смысле он был не совсем собака. А ещё он всех любил и всем доверял, но никогда не попрошайничал и не скулил, выпрашивая еду. Он мог, конечно, смотреть своими печальными глазами, посылая флюиды, но никогда не опускался до попрошайничества. Ещё он мог по многу часов сидеть на подоконнике и смотреть в окно. Причём смотрел с интересом, что-то бурчал... В общем, его место опустело, в доме нет сейчас под ногами шерсти и нет собачьего запаха. А как выясняется, без этого невозможно. Никому в нашем доме невозможно.

Очень волнуемся: завтра нам передадут Максова племянника. Щенок родился 18 декабря, день в день с нашим Максом, и встретимся мы с ним 17 февраля, как и с Максом. Сначала было сильнейшее желание назвать его так же, но мы передумали. Имя ему будет Лев. Всё-таки мопсы похожи на маленьких львов. Это было моё решение – немедленно завести собаку той же породы и от тех же заводчиков. Тем самым я не ищу замену моему любезному другу, а хочу сказать, что мы без него не можем. Твёрдо намерен даже не пытаться искать какие-то сравнения с тем, кто от нас ушёл. Но в доме нужен тот, кого мы будем сильно любить, кто будет беззаветно любить всех нас, кто будет создавать беспорядок, шум, сыпать шерстью и пахнуть. Пахнуть собакой.

20 февраля

Некоторое время не мог выйти на связь. Мне нужно было отпраздновать день рождения, вернуться в Калининград и прийти в себя. Первое и главное событие, которое случилось, – это встреча с маленьким мопсом Львом, которая прошла на высшем уровне. Никакой саммит не может сравниться с этой встречей. Я очень волновался, а он просто был в растерянности. Его оторвали от мамы, выдернули из привычного мира, и ему были представлены люди, с которыми предстоит прожить всю жизнь. Он принял эту встречу мужественно. Мы обнюхали друг друга и вот уже почти три дня прожили вместе.

Он принял не только меня, но сначала всех моих друзей и знакомых, которые пришли на день рождения... Принял, как и положено отпрыску древнего рода: достойно и благородно. Он вполне стоически выслушивал все восторги, охи, ахи и даже визги по поводу того, какой он прекрасный. На следующий день он спокойно перенёс перелёт, а главное – адекватно встретился с моими детьми. Как только он с ними встретился, всё достоинство и сдержанность, свойственные отпрыску древнего рода, с него слетели, и он превратился в собачьего ребёнка. Уже два дня он всех нас кусает своими острыми, как шило, зубами, невероятно активен и жиз-

нерадостен. Наше жилище моментально превратилось в саванну, а наша жизнь – в непрерывное сафари. Или даже в игру «Джуманджи»: то есть в любой момент и в любом месте все члены нашего семейства могут быть атакованы Львом и моментально загрызены.

Все мысли и настроения связаны с этим крошечным существом. Мы не можем удержаться от того, чтобы понюхать его, сквозь щенячий запах улавливая родной и необходимый запах нашей любимой собаки. При том, что сразу видно: у Льва совсем другой характер и темперамент...

А день рождения прошёл прекрасно. В совсем маленьком московском клубе, недалеко от Патриарших, собрались люди, которые смогли оперативно отреагировать на моё приглашение. Дело в том, что последние семь лет в свой день рождения я собираю важных для меня людей и читаю им что-то, что должно быть опубликовано в ближайшее время. Не все эти люди мои друзья, не всех я могу назвать даже приятелями. Но это обязательно те, к кому я испытываю сильную симпатию, а главное – доверие. Мне очень важно ещё до публикации показать то, что я уединённо писал, и почувствовать реакцию на мною сделанное.

Все, кто собрался во вторник вечером, были люди друг другу мало или совсем не знакомы. Кто-то прилетел из Кали-

нинграда, кто-то из Кемерова, Омска, Ростова-на-Дону, Питера, кто-то живёт в Москве. А один мой товарищ живёт в Сингапуре, оттуда и прилетел. Я не устраивал застолья. Были какие-то закуски, напитки, звучала любимая мною музыка. Я всех друг другу представил... А потом почитал отрывки из нового спектакля, премьеры которого состоится в начале мая.

Среди приглашённых был Михаил Михайлович Жванецкий. Четыре года назад, зимой, я приехал в его подмосковный дом с рукописью повести «Реки». Мы договорились, что я приеду и прочту пару отрывков. Я приехал в назначенное время. Михаил Михайлович чувствовал себя не очень хорошо и сказал, что послушает немножко. Я же деликатно готов был ничего не читать и уехать. Но он предложил чаю и настоял на чтении небольшого кусочка. Я стал читать и в итоге, с перерывами, прочёл всю повесть. Он не останавливал меня, а когда я сам останавливался, просил читать ещё. Большого профессионального счастья я не испытывал никогда.

После того как я закончил чтение, Жванецкий сказал, задумавшись и отведя взгляд куда-то в окно. Не помню дословно, приведу только смысл. Он сказал: мол, он читал о том, что когда-то, в XIX веке, писатели встречались друг с другом, и воспоминаниями об этом наполнены многие литературные мемуары. Мол, Тютчев заехал к кому-то и читал све-

жие стихи, или кто-то заехал к Тургеневу, а тот ему прочёл отрывок из нового романа, или встретился Гончаров с кем-то... А вот теперь, сказал Михаил Михайлович, ко мне приехал юный литератор (под юным литератором он подразумевал меня) и прочёл мне свою новую повесть. В этом ММ нашёл что-то старорежимное и красивое. Но главное, что повесть ему понравилась. Помню, я от него ехал и всю дорогу улыбался.

А в этот раз, послушав мои новые тексты, он сказал маленькую речь. Я смутно помню его слова, был слишком счастлив от того, что слышал... Но ещё, по-человечески, мне было радостно, что эти слова слышали мои друзья. Это был очень хороший праздник.

27 февраля

...Вспомнил сегодня забавный эпизод. Может, у кого-то день не задался, и это воспоминание вызовет улыбку и поможет прожить его нормально. Сидел однажды с приятелем, выпивали. Он был очень грустный, выпивал целенаправленно и намного меня опередил. Но опьянение радости ему не приносило. Он говорил печальные пьяные тексты, мы сидели на воздухе, он пил виски, и вдруг к нему в стакан спикировала муха. Мой товарищ прервал свой монолог, изумлённо заглянул в стакан, мутными глазами рассмотрел упавшее в

стакан насекомое, в первый раз радостно за вечер улыбнулся, поднял глаза, не сразу меня нашёл, а когда нашёл, сказал: «Женя! Мне муха упала в виски. Это какие-то надежды!»

2 марта

Случаются неожиданные встряски. И хорошо, когда эти встряски забавные, милые и касаются тебя одного. Например, сегодня... В ноябре во время гастролей в Париже купил себе зубную щётку. Выбрал её по внешним данным, не ориентируясь на рекламные рекомендации. Вот она и стала моей дорожной зубной щёткой. А сегодня утром чистил зубы... причём проснулся разбитый, невыспавшийся, было бы на кого поворчать – поворчал бы... и вот, чистил зубы и, видимо, чуть сильнее нажал на неё пальцем, а она вдруг зажужжала и завибрировала. Я её отбросил от себя, как ядовитую змею, и отскочил в сторону. Испугался ужасно! С ноября месяца ею пользовался и не подозревал, что в ней, оказывается, есть тоненькая батарейка и вибрирующий механизм. Сонливость как рукой сняло. Теперь хожу, похохатываю над собой. Во время она сработала!

Когда я учился классе в десятом, в Кемерове стояли сильные морозы, а я оказался в воскресенье на центральном проспекте. Я долго стоял на остановке и ждал троллейбуса или автобуса. Машин было очень мало, а автобусы по воскресе-

ням ходили совсем редко. Было градусов тридцать, я замёрз и пританцовывал, один на остановке. И чтобы себя развлечь, выпинавал на дорогу комья слежавшегося снега и наблюдал за тем, как машина наедет на комок и его раздавит. Ничего веселее придумать не мог. Три или четыре комка были раздавлены, автобус всё не шёл, и я выпнул на дорогу небольшую ледышку. Она так неудачно оказалась посреди дороги, что никакие машины на неё не наезжали: либо проезжали мимо, либо она оставалась между колёс. А машин было мало... Короче, я вышел и подпнул ледышку на то место, где чаще оказывались колёса, на нечто вроде колеи. Вернулся на свой наблюдательный пункт и ждал, пританцовывая от холода. Несколько машин проехало мимо, а потом появился «ЗИЛ» с прицепом. Сам-то грузовик проехал рядом с моей ледышкой, зато колесо прицепа её задело. Объект моего наблюдения пулей вылетел из-под колеса и угодил мне прямо в коленную чашечку правой ноги.

Это было так неожиданно и так больно, что я упал как подстреленный. В глазах потемнело, я сразу понял, что травма серьёзная (травма действительно была серьёзная, я потом некоторое время не ходил в школу и долго хромал – повреждена была сумка коленного сустава. Когда меня наконец довезли в тот день до дома, нога едва помещалась в штанину). Я лежал на остановке один, плакал и смеялся. Обидно было ужасно и больно очень. Но всё это было так нелепо и смешно... и я думал: как жаль, что этого никто не видел, ведь не

поверят же!

Тогда я понял, что гораздо проще переживать какую-то фигню, когда решительно некого обвинять и обижаться можно только на самого себя. На свою нелепость, глупость... короче, на себя. Так гораздо проще и, что самое важное, эффективнее в смысле серьёзных жизненных выводов.

12 марта

Съездил в Петрозаводск и отыграл большие гастроли в Питере. Про Петрозаводск напишу отдельно, впечатлений много, и они разные. В Питере было тяжело. Во-первых, пять вечеров подряд, а это физически сложно. Во-вторых, гастроли пришлись на праздничные дни, а в праздники у людей особое настроение. Короче, было много пьяных. Когда ощущаю, или вижу, или слышу пьяного зрителя в зале, всегда напрягаюсь. Пьяный зритель — источник неожиданного. И даже если за весь спектакль он ничего плохого не сделает, устаю я от него довольно сильно. А в Питере их было много. Надо отдать должное, ничего особенного они не вытворили... Разве что седьмого пришли три дамы, сильно балзаковского возраста, очень пьяные, сели в первый ряд, сказали мне несколько непонятых мною слов. Они сели уже после того, как спектакль начался, минут десять посидели, потом встали, одна послала мне воздушный поцелуй, и они ушли.

Им явно было важнее продолжить, чем смотреть и слушать какого-то приезжего. Ушли они весело. Думаю, кто-то подарил им билеты на Восьмое марта.

Но самым тяжёлым зрителем за последние несколько лет была бабушка, которая пришла на спектакль «По По» 6 марта. Бабушка сидела в третьем ряду на приставном стуле строго посередине зала, и я её увидел во время первого же монолога. Точнее, даже не увидел, а услышал. Я услышал отчаянно громкий шелест. Она шелестела чуть ли не громче, чем я говорил. Я быстро нашёл источник шелеста и увидел старушку, которая сидела, прижимая к груди пакет. Она тербила его пальцами, будто специально создавая шум. На неё смотрели и оглядывались. Надо сказать, что сама бабушка ни на кого не смотрела. Она не смотрела даже на сцену. Она смотрела куда-то вбок и вверх. То есть, в темноту. Я прервал действие и попросил её не шелестеть. Но она... меня не слышала. Она вообще не слышала – или слышала очень плохо. Я понял, что попал в дурацкую ситуацию, но что-то надо было делать. Я пытался со сцены, стоя от неё метрах в пяти, привлечь её внимание. Мне это не удавалось. Благо помогли зрители, которые сидели рядом. Они всё-таки настроили её внимание на меня. Я попросил бабушку опустить пакет на пол и никому не мешать, но она категорически отказалась. Зал в это время несколько раз начинал смеяться, потом замолкал, опять смеялся...

Было ясно, что спектакль под этот шелест пройти не может. И что делать со старухой, непонятно. В общем, я был в тупике. Благо соседи что-то ей сказали и она положила пакет за спину. Шелест стал тише и перестал быть постоянным. В общем, можно было играть, что мы с Игорем Золотовицким и сделали. Бабка же весь спектакль то засыпала, то смотрела себе под ноги, то брала этот проклятый пакет, доставала из него какие-то бумажки и перебирала их. А в самом финале, видимо, почувствовав кульминацию, засобиравлась уходить. Она дала такого шелеста, что его слышали даже на балконе и галёрке. Это позволило нам остроумно симпровизировать, но остановить её было невозможно. Как только зазвучала финальная музыка, бабка вскочила и ломанулась к выходу. Многим зрителям её до того не было видно, а тут стало видно, и я на неё указал. Зал проводил её аплодисментами.

Потом выяснилось, что эта старуха пришла в театр с бигуди на голове. Администратор театра подумала, что бабушка забыла их снять, и тихонечко сообщила ей о бигуди в волосах, на что получила резкий и весьма недвусмысленный ответ: мол, не следует лезть в чужие дела. Бигуди она, видимо, перед спектаклем спрятала в свой пакет. Билета у старухи не было. Её не пускали, но она каким-то образом просочилась. Эта бабка из тех сумасшедших, которых почти все театральные администраторы Питера знают, стараются не пускать, но

они всё равно просачиваются.

В каждом городе есть такие, но в Питере и Москве их много больше, чем где-либо, по вполне понятным причинам. Это в основном старухи, но есть и старики. Они ходят на всё подряд. Им не важно: это вечер юмора, опера, современный балет или драма. Они ничего не понимают и вообще не соображают, но каким-то образом проникают на спектакли, на которые билеты стоят очень дорого и их не достать. Они даже пробираются на торжественные мероприятия и фуршеты, посвящённые премьерам, а также на юбилеи, бенефисы и творческие вечера с фуршетными. Они часто ведут себя весьма агрессивно или так же безумно, как бабушка с пакетом. Но чаще всего они проникают на предпремьерные прогоны. Откуда они узнают об этом, из каких источников черпают информацию – для меня загадка. Во МХТ имени Чехова их называют «плюшевый десант». Эти люди намного страшнее самых пьяных и неуравновешенных зрителей, от них исходят флюиды безумия, непонимания и старикинской злобы. Очень их боюсь. Всегда прошу администраторов особенно внимательно отнестись к этим десантникам. К тому же они всегда занимают чьё-то место. Место человека, который купил билет, но опоздал, или который хотел, но не смог прийти. А они проникают. Я думаю, что когда-то они были связаны с театром и вот сошли с ума... Мне кажется, через какое-то время сложится плеяда сумасшедших, связанных с

космосом, и они будут проникать на космические корабли и шелестеть там пакетиками в невесомости.

14 марта

Если кто-то не помнит, герой «Асфальта» занимается изготовлением дорожных знаков и разметкой дорог. В Петрозаводске у него и его фирмы возникают проблемы с местными дорожниками... Я ехал в Петрозаводск и думал: «А вдруг там с дорогами всё прекрасно, всё идеально размечено и то, что описывается в романе, совершенно не соответствует действительности? Вдруг я ошибся с выбором города?»

Когда приехал, сразу убедился, что не ошибся: дороги в Петрозаводске – это кошмар. Но, пожалуй, единственный кошмар, который я там увидел.

Поездка получилась настоящим путешествием. Когда проезжаешь за гастроли несколько волжских городов, или весь Урал, или из Новосибирска через Кемерово доезжаешь до Красноярска, ощущения путешествия не возникает. А тут возникло... Выехали из Питера около часа дня. В Питере накрапывал дождик, лежал вдоль дороги прибитый и грязный снег. Мы ехали на северо-запад, ехали-ехали, проехали речку Сясь и населённый пункт с чудовищным названием Сясьстрой, ехали-ехали – и вдруг началось путешествие.

Во-первых, названия населённых пунктов стали такими, что я не смогу их ни вспомнить, ни произнести. Это были слова явно не из русского языка. Во-вторых, снег вдоль дороги побелел и его стало много. Серое небо перешло в синее, и большие облака были красиво пронизаны солнцем. В-третьих, мы ехали, окружённые лесом, хвойным и берёзовым зимним лесом. Ехали долго. Было много грузовиков, которые медленно плелись, и их было трудно обгонять. Дорога в целом плохая. А когда въехали в Карелию, на ней появились лесовозы... В Петрозаводске мы были, когда стемнело...

Сразу скажу, что никакой природной красоты я не увидел, да и местные сказали, что сейчас ничего увидеть невозможно, нужно приезжать летом, тогда всё и откроется. Гостиница стояла на берегу Онежского озера, которое лежало подо льдом, а лёд — под снегом. Да, собственно, я не за видами приехал. Я хотел как можно скорее почувствовать атмосферу города. Всё-таки хоть и маленький город, меньше трёхсот тысяч, но всё же столица Карелии. Ничего столичного в Петрозаводске нет. Центральная улица, идущая от вокзала к Онежскому озеру в основном сталинской застройки, есть дома и постарше, но в целом нормальный, чистый провинциальный город. Зато есть деревянные дома, которые отличаются от деревянных строений на юге, в Сибири или на Урале. Многие вывески написаны на русском и карельском языках.

Какие же шикарные в Петрозаводске сосульки! Они у меня вызвали буквально детский восторг. С крыш невысоких построек свисали сосульки такой длины, что до них можно было легко дотянуться, и я это, конечно, сделал. Старался тянуть их медленно, чтобы отломить у самого основания. Много я попортил сосулук. Они были настолько чистые, что я не удержался и вспомнил детство – похрустел ледком. А ещё покидал сосульки, как копья, ножи, поразмахивал некоторыми, как шпагой...

Главный карельский театр представляет собой красивое здание с колоннами, но он, к сожалению, давно на ремонте – пришлось играть в неказистом, приземистом Доме культуры. Я редко так делаю, но это лучшее, что есть в Петрозаводске на сегодняшний день. К тому же публика давно ждала, и спектакль прошёл прекрасно.

За два вечера, проведённых в столице Карелии, постарался побывать в разных заведениях. Народу везде немного, начало недели, зато персонажей насмотрелся. В одном кафе было две компании за разными столами: группа спортивного вида тинейджеров и группа дам от тридцати до пятидесяти. Когда заиграла музыка восьмидесятых, в пляс пустились самый маленький тинейджер и самая высокорослая дама лет пятидесяти. Они затанцевали, потом у них начался какой-то

затяжной медленный танец, и они явно завелись друг от друга. Такой разницы в росте и возрасте и при этом такой страсти я не видел никогда в жизни. В другом заведении молодые мужчина и женщина заказали бутылку водки и литр сока. Они пили водку не морщась и оживлённо беседовали. Было видно, что для них это вполне привычный заказ. Приняв грамм по двести, достали гитару и блок-флейту. Женщина очень плохо дважды исполнила песню Высоцкого про бабье лето, а мужчина, не попадая никуда, пытался ей подыграть на флейте. Охрана заведения позволила им это сделать, а потом вежливо попросила перестать. Они не спорили, допили водку и ушли.

Почти во всех заведениях попадались пьяненькие финны. В одном кафе рядом с нами оказался пьяный мужик, который целый час без умолку говорил на каком-то совсем непонятном наречии, и явно не по-фински. Мы уже хотели уйти, но я подождал, пока он закончит разговор, подошёл к нему и спросил, на каком языке он говорил. Он оказался датчанином из Копенгагена. По внешнему виду законченный алкоголик...

А ещё довелось в Петрозаводске о-о-очень вкусно поесть. Я всегда испытываю самые сильные гастрономические впечатления от совсем простой народной еды. В Петрозаводске есть место, где можно такую отведать. Этот ресторан называ-

ется «Карельская горница». Нам сказали, что здесь воспроизведён интерьер типичного карельского дома. Если это так, то карельский дом очень похож внутри на украинскую хату. Но повар там финн! И он готовит... не помню названия этих блюд, но уха из копчёной форели с тонко порезанной картошкой, которая готовится на молоке, – это нечто. Причём картошка порезана так тонко, что я подумал сначала, что это лапша или лук. Почему она не разваривается, но при этом мягкая, не понимаю. Ещё у них есть такие как бы ватрушки из тонкого, твёрдого пресного теста, которые делаются с картошкой и пшёнкой. Это очень красиво, просто и вкусно. В других народных кухнях я этого не встречал. Пироги с сигом, ряпушка, судак, печёная картошка, очень вкусные морсы и травяные настойки. Исключительно хорошо. Вспоминаю сейчас о том, что было недоедено, с досадой... С досадой, что не доел.

Все красоты Карелии: Кижы, разные острова, места, где снимали фильм «А зори здесь тихие» и многие другие фильмы, – всё это осталось не увиденным, и всего этого в Карелии много, и всё это рисуется в воображении. Но пока появилось сильное желание вернуться осенью в Петрозаводск, сыграть спектакль в отремонтированном театре и продолжить знакомство с маленькой столицей.

18 марта

Сегодня перебирал вещи в ящике, в котором лежат ручки, часы, опустевшие футляры из-под чего-то, визитные карточки людей, которых уже невозможно вспомнить. Там же лежат купюры из разных стран, где когда-то побывал. Стал их рассматривать и нашёл две бумажки из страны, в которой никогда не был. Эти бумажки связаны с одной очень дорогой мне историей.

Зимой 2002 года мой товарищ Алекс Дубас, который сейчас работает на «Серебряном дожде», а тогда ещё жил в Риге, сделал мне удивительный подарок. Он знал, что я люблю Цезарию Эвора и стараюсь всячески её пропагандировать. К тому времени она ещё не объездила по несколько раз практически все города России, ещё не стала практически народной артисткой России, а была таинственной, недостижимой и дала всего несколько концертов в Москве и Питере. Но многие песни уже были на слуху, любимы, и кто-то их знал наизусть. Одну песню к тому моменту я использовал в «Дредноутах».

Короче, Алекс организовывал её концерт в Риге. Она должна была прилететь из Питера в Москву и через три часа улететь в Ригу. Алекс снабдил меня лимузином и просто

попросил встретить и проводить Цезарию. Это был прекрасный подарок, и я ночь перед этим не спал. В Москве было холодно, а поклонникам Цезарии было известно, что она всегда ходит босиком. Я не знал, говорит ли она хоть немного по-английски, но был уверен, что мне предстоит встреча с богиней.

Не буду рассказывать о своих волнениях и ожиданиях. Всё получилось очень просто. Я стоял в «Шереметьево-1», среди таксистов и встречающих, и смотрел на дверь, откуда выходят прилетающие. Из двери появлялись люди, люди, люди... И вдруг вышли какие-то чудесные существа. Маленькие, смуглые, в невероятных нарядах и с музыкальными инструментами. А потом вышла она... Очень маленького роста... на неё было накинуто какое-то дурацкое пальто, на голове шапки не было, да и волос почти не было. Точнее, были, но очень-очень короткие. Пальто не было застёгнуто, на шее висел добрый килограмм золота в виде самых разных цепочек и других украшений. А в руке у неё была сумка, такая же, как у моей бабушки в семидесятые. Она шла с трудом, хромя, шлёпая по полу клетчатыми тапочками-шлёпанцами, такими нашими-нашими тапочками. Таксисты обрадовались, кто-то сказал: «Смотрите, какая тётка! Тётка, давай к нам, мы довезём!» Никакой охраны с ней не было. Цезария посмотрела на окруживших её таксистов, ничуть не смутилась и сразу стала танцевать. А те выкрикивали: «Во тётка даёт! Откуда такая, интересно?»

Я не сразу смог привлечь к себе внимание, но потом появилась строго одетая, смуглая женщина и какой-то совсем чёрненький маленький мужичок с чемоданом. Они растолкали таксистов, я понял, что они с Цезарией, и представился. Женщина оказалась племянницей Цезарии и её директором, а мужичок младшим братом. Таксисты ворчали: «Куда от нас тётку забираете! Мы довезём! – а когда увидели лимузин, сказали: – А тётка, видать, не простая! Ладно, езжай с ним (это было про меня). Он тебя лучше довезёт».

Племянница оказалась неприветливой и жёсткой. По-английски она говорила. Цезария же говорила только на том языке, на котором поёт. Ехать из «Шереметьево-1» в «Шереметьево-2» недалеко, минут десять, но за эти десять минут весь мой пиетет и недоумение, как себя вести с волшебной певицей, исчезли. Сев в лимузин, Цезария тут же включила телевизор и была возмущена, что он не работает. Все десять минут она ворчала, и явно уставшая от неё племянница объяснила мне, что та недовольна всем: тем, что холодно, тем, что темно, тем, что снег. Со мной они обращались весьма пренебрежительно, и мне пришлось объяснить племяннице, что я вообще-то не на службе, просто помогаю. То, что они являются мне подарком, я говорить не стал.

Из лимузина Цезария выходить отказалась, и мне при-

шлось долго искать коляску, в которой было мало толку. Я прокатил её всего метров 25, до лестницы в VIP-зал, а потом долго помогал подняться по этой лестнице. Она попросила кофе. Кофе был плохой, молоко к кофе холодное. Когда его подогрели, оно стало слишком горячим. Ещё она одну за одной курила «Кэмел кинг сайз». Должен сказать, что ворчала она не как наши псевдозвёзды, а как немного уставшая, не очень здоровая тётка из соседнего дома. За час она меня извела. Я сидел и думал: «Господи, скорее бы она улетела, я теперь с полгода не смогу слушать её песни».

И тут она обратила внимание на мою бейсболку. А на голове у меня была отличная чёрная бейсболка с маленьким серебряным значком. Я купил её в Брюсселе, и это была любимая вещь. Цезария попросила её посмотреть, посмотрела и надела себе на голову. Мне оставалось только изобразить большую радость от того, что ей моя кепка так подошла. Ещё она спросила, где ей взять такой шарф, как у меня. Спросила очень просто: взяла мой шарф и попросила племянницу перевести вопрос. Шарф был в оранжевую полоску, тоже любимый. Но я тут же сказал, что она может его взять. Тогда Цезария подумала и сказала, что ей нужен такой же, но чёрный. Тут я уже искренне обрадовался и сказал, что в Риге очень много чёрных шарфов и что там её ждут... А потом случилось то, после чего я многое понял и перестал сердиться.

Я пошёл в туалет, а когда возвращался, увидел, что Цезария сидит, сняв мою кепку с головы, на носу у неё очки, причём такие, какие носят тётки с рынка или из столовой, и она внимательно рассматривает лейбл. Увидев, что я подхожу, она тут же надела кепку и отвернулась, мол, ничего я не рассматривала. Мне стало так смешно! Я понял, что она настоящая, неподдельная тётка. Для кого-то она ворчливая, но любимая тётя Цезария. Тётя, которая даже не пытается понять, что вокруг происходит, а живёт, как привыкла. Но вскоре сообщили, что рейс задерживается на час, и мне довелось увидеть тех, для кого она является ворчливой тётей Цезарией.

Когда объявили о задержке рейса, она поворчала, а потом попросила о чём-то своего брата, который был при ней камердинером. Он достал ноутбук, поковырялся, и Цезария стала показывать мне фотографии каких-то людей на празднике в убогом посёлке. Она объяснила через племянницу, что это её последний день рождения, было очень весело, собрались все её внуки, племянники, и она хотела, чтобы её в тот день окружали только молодые парни и мужчины. Я смотрел фотографии, кивал. Наконец она остановилась на групповом снимке, где было человек тридцать пять, разновозрастных, разноцветных, от почти чёрных до совсем белых парней и мужчин, и среди них стояла Цезария. Дирек-

тор-племянница отошла говорить по телефону, а Цезария показывала мне родственников. Она тыкала пальцем в экран и говорила: «Витторио, Еухенио, Педро, Хулио, Андреас...» – и так далее. Показала всех. Я изобразил полный восторг и радость...

Мои восторги иссякли, а Цезария уставилась на меня и чего-то ждала. Я не понял, пожал плечами, мол, что? Она молча ткнула в какого-то парня на экране. Я не понял. Она ткнула в другого, я опять пожал плечами. Она нахмурилась и снова ткнула в того, которого показала первым. Тут я догадался и робко сказал: «Хулио?» Она всплеснула руками и с досадой сказала: «Андреас!» ... Больше часа я запоминал всех поимённо. Это было очень непросто. Потом мне был устроен экзамен, который с первого раза я не сдал. Но наконец назвал всех, в какой бы последовательности она их ни показывала, чем вызвал восторг брата, одобрительную ухмылку племянницы и благосклонный взгляд Цезарии.

Когда мы расстались и её повели на паспортный контроль, я был самым счастливым человеком в аэропорту, я с трудом скрывал радость, и мне срочно хотелось выпить грамм сто коньяку. Цезарию увели за красную линию, но она вдруг вырвалась и вернулась. Достала из своей сумки большой шелестящий полиэтиленовый пакет, в котором, как оказалось, было очень много монет разных стран и мятых купюр со все-

го мира. Она долго в нём копалась. К нам подошла племянница, которая пыталась её поторопить. Но Цезария и не думала спешить. Наконец она достала яркую цветную бумажку, протянула её мне и сказала через племянницу: «Когда прилетишь на Кабо Верде, скажешь таксисту, чтобы отвёз к дому Цезарии. Они знают. Этого как раз хватит на такси до моего дома». И пошла. А потом снова остановилась, достала пакет, снова пошелестела, и племянница принесла мне ещё одну купюру, только поменьше размером и совсем-совсем потёртую. Когда я её взял, Цезария крикнула: «А это дашь таксисту на чай!»

Вот эти две бумажки передо мной, две тысячи и двести эскудо банка Кабо Верде. На двух тысячах – цветок, стихи и портрет усатого мужчины, под которым написано *Eugenio Tavares*. Видимо, поэт. А на двухстах эскудо – парусный корабль. Бумажка совсем потёртая, почти лохмотья.

21 марта

Вчера всем семейством ходили смотреть очередной американский мультфильм. Фильм так себе, не о чем говорить. Главное – ходили всем семейством, в этом суть удовольствия. Больше всех был доволен Саша (которому скоро пять). Он в кинотеатре взял флаер мультфильма и до начала сеанса его разглядывал. А во время фильма, при появле-

нии новых персонажей, искал их на флаере. Все полтора часа просмотра он не выпускал эту бумажку из рук. А руки от волнения то потели, то высыхали, листочек сильно помялся, но был донесён до дома и показан собаке и бабушке. Ночью эта цветная бумажка лежала рядом с кроватью.

Сегодня он полдня таскался с ней, рассматривал, вздыхал, явно вспоминая вчерашние переживания. То есть почти на сутки этот листок бумаги стал для маленького человека очень важной и прекрасной вещью.

Я подумал сегодня: как же повезло именно этому флаеру! Большая часть его собратьев проживает две-три минуты и отправляется в мусорку, какие-то так и остаются лежать в стопке, а некоторые так и умирают нераспакованными...

2 апреля

...Хочу рассказать несколько эпизодов, которые не иллюстрируют хамство – просто это те моменты, из которых складываются взаимоотношения с миром.

В прошедшем туре сидели с организаторами гастролей в ресторанчике. Несколько раз подошли люди взять автограф или просто сказать «здравствуйте». За соседним столом сидели три барышни. Такие себе барышни лет двадцати-двадцати трёх, явно узнали, что-то ещё сказали в том смысле,

что билетов на спектакль давно нет. Я сказал: вы первые, с кем я заговорил в этом городе (а я только-только приехал), и у меня есть возможность пригласить вас завтра на спектакль. Они вежливо сказали «большое спасибо, но мы не можем, у нас на завтра баня заказана». И спокойненько ушли. Я потом весь вечер улыбался. Ну а что? Всё правильно, намеченный план надо выполнять. Гордая, честная позиция.

В Оренбурге нас повезли после спектакля поужинать в ресторан «Жигули». Вечер пятницы, в заведении играл живой ансамбль. Когда мы зашли, звучала песня про траву у дома. Кроме музыкантов на сцене, в ресторане мужчин не было, за всеми столиками сидели женские коллективы. Причём было видно, что вот это собралась бухгалтерия, а это – парикмахерская. Дамы пили исключительно водочку, и к нашему появлению все уже были в хорошем подпитии. Так получилось, что мы сели рядом со столиком, за которым звучали поздравительные тосты. Компания представляла собой шесть дам от тридцати до сорока. Сухонькая дама с весьма сложной, но уже слегка обвисшей причёской отмечала день рождения. Она была самая пьяненькая... Нам предстоял ночной переезд, и я вспомнил, что в машине много цветов, подаренных зрителями, которые до другого города мы в нормальном виде не довезём. Я решил подарить их юбиляшке. А там были шикарные розы, лилии. Я взял почти охапку прекрасных цветов, подошёл к весёлой дамской компании и сказал: мы

тут слышали, что у вас день рождения, и я хотел бы от нашего коллектива и всех немногочисленных в этом заведении мужчин подарить вам цветы. Она совершенно спокойно, похозяйски, их приняла со словами «давай-давай», тут же передала кому-то из подруг, прищурилась, внимательно рассмотрела меня, покачала головой и весьма независимо сказала: «А я тебя видела по телевизору. Полное говно! – и тут же величественно отвернулась от меня: – Девчонки, ну чё никто не наливает-то?!» А я подумал: есть всё-таки женщины в русских селеньях! Прекрасно!.. Её подруги потом подходили ко мне, говорили: мол, она очень хорошая, завтра проспится, будет переживать. А я им говорил: да бросьте вы, из-за чего переживать, она же королева, и у неё день рождения! До сих пор мы с моим тур-менеджером Сергеем вспоминаем и смеёмся.

Не так давно шёл вечером по старинному русскому городу который весь в церквях и старине. Впереди шли два совсем молодых парня и две девушки. Они пили пиво из большого баллона, а парни отчаянно матерились, буквально на всю улицу. Я их обогнал, но они никак не отставали, и мат за спиной приобрёл какой-то сплошной характер. Я не выдержал, оглянулся и сказал: «Ре-бя-а-ата, ну не надо материться, вы же с девушками идёте». На что одна девушка, выпустив сигаретный дым, тут же сказала: «А тебя е... т?!» Я ускорил шаг и слышал за спиной: «А ты узнала?» Ответ был: «Узнала, да и ... с ним!» Вот здесь я сильно переживал. Долго меня

не отпускало, и даже не то, что что-то там со мной, а то, что среди таких прекрасных церквей такие юные создания так ушло матерятся. Я почувствовал себя старым и неуместным.

И последний. Не буду говорить, в каком городе, но поздно вечером, можно сказать ночью, мы с тем же тур-менеджером Сергеем заглянули, как нам сказали, в самое модное заведение города. Несмотря на вечер пятницы, народу было немного. Заведение было отделано явно столичными дизайнерами, и отделано неплохо. За столиками сидели в основном барышни и пили пиво через соломинки. Танцпола не было, но музыка звучала так громко, что, казалось, стёкла вот-вот вылетят: её было слышно ещё на подступах, даже припаркованные рядом автомобили подрагивали. А внутри это был звуковой ад. Причём музыка была жёсткая, какую не всегда решаются поставить даже диджеи бельгийских и голландских клубов. А на большом видеоэкране демонстрировалось, как крокодил жрёт антилопу и вытягивает у неё кишки, а вслед за крокодилом лев терзал ещё живую зебру. За диджейским пультом стояла очень красивая девушка. Я подошёл и, напрыгая связки, прокричал: «Скажите пожалуйста, а почему такая музыка?» И она ответила: «А меня муж ждёт в машине». Я сказал: «Это очень хорошо, но музыка-то почему такая и видео?» Она наклонилась к моему уху и прокричала: «А я ненавижу этот город!» Мы очень скоро покинули заведение, я вглядывался в дома и улицы тихого городка и думал:

«Господи, что должно было произойти в жизни этой очаровательной молодой женщины, чтобы в ней поселилась такая ненависть?!»

5 апреля

На прошедшей неделе было несколько хороших событий. Побывал на презентации книги, которая называется «Книга, ради которой... (и дальше продолжается длинное название) объединились писатели, которых невозможно объединить». Книга эта выпущена фондом «Вера», занимающимся помощью хосписам. В этой книжке есть и мой рассказ «Спокойствие». Мне понравилось мероприятие – даже не тем, как оно было организовано, а тем, что я там услышал.

Когда ко мне обратились из фонда с просьбой принять участие в этой книге, а ещё сказали, какие достойные люди согласились дать свои произведения, я, конечно же, ответил согласием. Меня попросили написать что-то специально для этой книги или сказать что-нибудь о том, как я понимаю задачи и проблемы хосписов. Я долго над этим думал. Понимал, что не получается, делал паузу, опять возвращался. Так и не смог ничего специально написать, понимая, что нет слов, нет интонации, нет знания, чтобы говорить на такую сложную и страшную тему. А на презентации книги выступила В. В. Миллионщикова, которая, собственно, и являет-

ся объединяющей силой этого фонда, уже много лет в этом направлении трудится и знает по этой теме всё. Она так просто, точно и внятно говорила, что из этой темы ушёл страх, а остались благородство и жизнерадостность. Прекрасно говорил Эдуард Лимонов, прекрасно говорила Татьяна Друбич. И теперь я знаю, что сказать, и понимаю, что эта книга – не последнее наше совместное дело.

В пятницу из-за плохой погоды сорвалась намеченная съёмка. Всё валилось из рук, ничего не получалось, да и предыдущие две недели были такие же. Кроме спектаклей, всё шло шиворот-навыворот и с большим трудом. И вот в пятницу сидели мы с Ириной Юткиной, пытались подвести промежуточные итоги и конкретизировать планы. Сидели оба усталые, за окном шёл мокрый снег, итоги получались неутешительные, а планы трудные. И Ира сказала замечательную фразу: «Знаешь, в такие дни есть ощущение, что я та самая лягушка, которая попала в молоко, решила не сдаваться и взбивала, взбивала это молоко в масло... А потом выяснилось, что молоко обезжиренное».

В таком настроении и в отвратительную погоду поехали мы в Манеж, где фонд, которым занимаются Чулпан Хаматова и Дина Корзун, проводил благотворительный концерт. И из-под мерзкого дождя, с холодного ветра, после таких унылых разговоров, я попал в прекрасную атмосферу. В гримёр-

ных встретил много друзей и знакомых, у всех было хорошее настроение. Все отчётливо понимали, что принимают участие в бесспорном и прекрасном деле. В зале у людей были такие лица, что трудно было удержаться от слёз, от таких редких радостных слёз. А какие люди принимали участие в концерте! Всё было здорово организовано, и все всё делали с удовольствием. Я выступил практически в самом начале, и нужно было спешить в театр – спектакль даже пришлось задержать на десять минут. Потом спектакль, и снова радость... А после спектакля выяснилось, что у нашего администратора украли сумку, в которой были деньги, гонорары операторов, техников, участников спектакля. Но хорошей волны было уже не остановить. Мы с Ирой решили не вешать всю тяжесть утраты на администратора и разделить её поровну.

Пятница закончилась, утром мне нужно было лететь домой, впереди месяц без спектаклей, и только подготовка к премьере... Мы сидели с Ирой поздно вечером и ощущали, что наступило какое-то облегчение. И это облегчение возникло оттого, что после кражи денег стало ясно, что ничего плохого в ближайшее время больше не случится. Не знаю, почему, но это было ясно. И я сказал: «Знаешь, когда берут деньгами – это нормально», а Ира добавила: «Да, по-божески!»

16 апреля

Второй день пребываю на берегах Боденского озера в городе Констанце. Сегодня вечером сыграю спектакль в крошечном театре. Здесь совсем лето. Сейчас в Германии время школьных каникул, поэтому в курортном Констанце полно празднующихся. Тихо, спокойно, озеро прекрасно, горы, окружающие его, тоже. Некогда в городе Констанце родился граф Цеппелин, поэтому над ним постоянно летает дирижабль. Констанц – городок маленький, тихий и старинный. Ехали мы в него из Мюнхена четыре часа, хотя расстояние сравнительно небольшое – километров двести пятьдесят, потому что в него нет прямоезжих дорог. Небольшой участок скоростного автобана, а дальше нужно было ехать через какие-то деревни, поля, мимо сплошных виноградников, то есть через немецкую глубинку.

Юг Германии прекрасен. Без роскоши, как везде здесь, толково, продуманно и без излишеств. Спектакль я играю в рамках программы местного театра, которая называется «Русские идут». Программа очень странная, собранная явно спонтанно. На буклете написано: «Россия»... А ещё на нём фигурирует, разумеется, матрёшка, но не просто матрёшка, а нераскрашенная. Представьте себе матрёшку, ещё не покрытую ни краской, ни лаком. Но при этом у неё из голо-

вы течёт кровь. И весь буклет оформлен матрёшками либо с этикеткой московской водки, либо с глазами Путина, либо ещё с какой-нибудь подобной глупостью.

Не надоест же им последние двадцать лет всё, что связано с российским кино, литературой или театром, оформлять подобными сюжетами. Как же это глупо! В программке, кстати, фигурируют спектакль «Планета», поставленный по моей пьесе местным театром, а также спектакль «ОдновреМенно», который я сегодня исполню. При чём здесь окровавленная матрёшка – я не понимаю. Правда, в программе есть ещё и «Терроризм» братьев Пресняковых, и ещё что-то из той же серии.

Неужели наши авторы не догадываются о том, что те страшилки, которые они стряпают, воспринимаются в Европе, куда они рвутся, чуть ли не как документ нашей жизни. Интересно, что они испытывают, показывая свои не бог весть какие из пальца высосанные истории тихим и мирным бюргерам? Нравится ли им их пугать? Наверное, нравится, потому что именно такие деятели, как братья Пресняковы, Клавдиев, поддерживают у европейской публики образ окровавленной матрёшки. Видимо, это приятно: на берегах Боденского озера, в маленьком курортном городке, посмотреть что-то страшное про далёкую Россию и подумать: «Слава богу, у нас всё хорошо, и к нам это не имеет никакого отноше-

ния».

А здесь действительно прекрасно. Скалистый берег, и скалы такие, словно их вытёсывали гномы. Снуют по озеру яхты и белые кораблики, лебеди, утки и другие водоплавающие. Всё в цвету. Приятная южная немецкая речь, намного мягче звучащая, чем северная. Вкусное баденское вино, которое можно попробовать и выпить только здесь, – оно не экспортируется по той причине, что здесь же и выпивается. За два дня русской речи почти не слышали... И конечно же, кровавой матрёшкой можно несколько расшевелить местную публику. Сегодня вечером буду убеждать пришедших на спектакль немцев в том, что наш театр не только про кровь и матрёшек.

18 апреля

В Констанце спектакль прошёл очень хорошо. Я постарался исполнить самый лирический вариант. Зрителей было человек сто двадцать. Зальчик рассчитан на сто, поставили дополнительные стулья. К счастью, исконных немцев было всё-таки больше, чем наших бывших граждан... Сразу же прошу не передёргивать! Это моё высказывание – не камень в огород эмигрантов. Просто последние годы я по большей части отказываюсь от поездок в Германию, даже на фестивали, по той причине, что сыграть для немцев не получается. Билеты раскупаются нашими бывшими соотечественни-

ками, и исполнение спектакля с переводом становится тяжёлым испытанием, прежде всего для переводчика. А для меня это тяжело по причине ощущения бессмысленности происходящего, потому что за границей мы всегда будем исполнять спектакль с переводом, если в зале будет присутствовать хотя бы один не понимающий по-русски человек.

Приблизительно так пришлось играть в Ганновере, где в зале на пятьсот семьдесят мест было от силы человек тридцать немцев. А хочется же сделать такой вариант спектакля, который будет максимально понятен жителю другой страны и носителю другой культуры. Это интересная, азартная профессионально и человечески задача. Но в последнее время в Германии так не получается.

Забавный разговор случился у меня в первый день пребывания в Констанце. Там оказался мой старинный приятель, пишущий о театре и литературе человек. Он в первый раз был в Германии, да к тому же сразу оказался в таком красивом, игрушечном, ухоженном и невероятно умиротворяющем месте. Мы сидели на веранде у самого озера, выпивали прекрасное местное вино, в первый раз в этом году оставшись в одних футболках, потому что солнце было совершенно летнее... А вокруг цветы, бегают дети, бродят отдыхающие, мимо провезли целую вереницу счастливых людей в инвалидных колясках. Ну и прочие признаки благополучия и цветущего спокойствия. Мой товарищ сидел, задумавшись,

и вдруг сказал: «Жень, ты хорошо помнишь «Незнайку на Луне» Носова?» Я ответил: «Прекрасно помню и до сих пор понимаю, что именно из этой книги узнал про сущность капитализма, денег, про рынок ценных бумаг, акции, финансовые пирамиды и полицию...» А ещё я ему сказал, что те подружки Незнайки, которые у него были в Цветочном и Солнечном городе, – они были... ну, подружки, девчонки. А те, которые на Луне, были уже женщины. Причём такие... активные, и даже секси. Одна журналистка там чего стоила! Мой приятель выслушал меня и сказал приблизительно следующее: «Знаешь, у меня же было ощущение в детстве, когда я это читал, что мы-то как раз из Цветочного города и что хоть у нас и скучновато, но мирно, доброжелательно, честно, предсказуемо и у всех нежные друг с другом отношения. А на Луне мир чистогана. Так вот, у меня сейчас сильное ощущение, что именно здесь Цветочный город, вот тут ходят Пончики, Сиропчики, Знайки... Вон доктор Пилюлькин пошёл. А также художники Тюбики и музыканты Гусли – все они тут. А у нас теперь та самая Луна в самом махровом своём состоянии». Я подумал и очень посмеялся точности того, что он сказал. И хоть, вообще-то, он впервые сидел в таком райском месте и всё совсем не так просто... Но у нас-то точно теперь та самая Луна, с полицейскими Биглями, Пшиглями, Жриглями, со Спрутсами и Скуперфильдами, очень много разнообразных Миг и Жулио и прочих прохвостов. Именно у нас повсюду акционерные общества Ги-

гантских Растений, а уж про Остров Дураков я умолчу, а то кто-нибудь тут же подумает, что я опять говорю про фильм «Обитаемый остров».

23 апреля

...У меня вдруг нашлись точные слова, которые я стал говорить сам себе, и очень помогает. Это очень полезные слова для любой дорожной, уличной или другой напряжённой ситуации. Последние дни в Москве, перед возвращением домой, выдались очень напряжёнными. К тому же всё время шёл снег, а снег в конце апреля уже само по себе усугубляющее нервозность обстоятельство. Из-за снега и весеннего гололёда эти дни были ужасно пробочные и тяжёлые, особенно вчера. Чуть не опоздал на самолёт: Ленинградка стояла наглухо. Если бы не мастерство водителя и не знание им козых троп, опоздал бы непременно. А когда опаздываешь, хочешь попасть на самолёт ещё сильнее, будто других не будет. Всё же успел, но стюардессы сказали, что процентов сорок пассажиров опоздали, такой был затык на Ленинградском шоссе.

Так вот, когда случаются такие пробки, или когда в час пик весь город сжат, как пружина, или в такое время в метро, да и просто на улице, в толчее, есть люди, которые толкаются, раздвигают других локтями, идут напролом... А на дороге подрезают, давят, вытесняют, пересекают две сплош-

ные, едут на красный свет, сигналият так, что в звуке клаксона слышится трёхэтажный мат, – всё это, конечно, усугубляет раздражение, сердцебиение, тревогу и даже злость. А я нашёл нужные для такой ситуации слова.

Я говорю себе, встречаясь с хамством, грубостью: «Видимо, человеку нужнее, чем мне. Наверное, человек спешит сильнее, чем я. Видимо, у человека серьёзные проблемы. Я же не очень спешу, мне не очень нужно, у меня, если разобраться, таких, как у этого человека, проблем нету. Надо бы ему посочувствовать. Надо бы его пожалеть. А то вон у него какие проблемы в жизни. Вон как ему нужно быстрее, чем мне». Сразу становится проще и даже спокойнее.

27 апреля

Совсем летние стоят денёчки. В субботу даже удалось съездить к морю и, раздевшись по пояс, подставиться солнцу, босиком походить по тёплому песку. Много людей загорали в купальниках, а две дамы, приняв горячительного, окунулись в море, правда, не намочив причёсок. Они без визгов и суеты зашли в воду, ну и практически сразу из неё вышли, почти сохранив грацию. Люди провожали их уважительными взглядами.

Из своих зимних убежищ и берлог повылезали бомжики

и даже успели за последние тёплые солнечные дни загореть и слегка подзапылиться уже летней пылью. В калининградских бомжиках есть прибалтийский шарм: они могут весьма витиевато выражаться, они неторопливы, даже вальяжны. На них хорошо и органично смотрятся старые твидовые пиджаки или очень поношенные брюки, но из очевидно хорошей ткани. Даёт о себе знать большое число магазинов секонд-хенда.

Весь город в цвету и проклюнувшейся юной листве. На клумбах вовсю анютины глазки, тюльпаны. Слива даже начинает сбрасывать белые лепестки. На подходе сирень, боярышник, яблони, груши.

В соседнем доме живёт довольно много мужичков и парней в возрасте от двадцати пяти до сорока, и они уже открыли сезон ежевечерних посиделок во дворе. Кем они работают, не понимаю, но у них много свободного времени. Им нравится завести музыку в автомобиле, открыть нараспашку двери, сидеть за круглым столом в дальнем конце двора, жарить на ржавом мангале шашлыки или куриные окорочка, выпивать и петь какие-нибудь очень мужские песни. В воскресенье они раз десять спели песню «Белым, белым полем дым». На словах «волос был чернее смоли, стал седым» один из них брал громче всех, в голосе звучала слеза, и он крепко обнимал рядом с ним сидевшего парня. В этих поси-

делках чувствуется много героизма, патриотизма, и по всему видно, поднимают они в процессе очень серьёзные темы: периодически некоторые тосты пьют стоя – «за тех, кого нет с нами, за Родину, за тех, кто в море, и за женщин, которые нас ждут». Хотя женщины ждут их в десяти метрах, в доме, рядом с которым они и пьют.

Есть среди них мужик, который обычно ходит в камуфляже и тельнике, но уверен, что ни в армии, ни в силовых структурах не служит, так как двор не покидает никогда. Он периодически отзывает кого-то из молодых парней в сторонку и громким пьяным шёпотом, на весь двор, говорит что-нибудь типа: «Ты меня держись, не пропадёшь» – или: «Ты меня послушай, я тебе плохого не посоветую» – или: «Да знаю я его, ты его не слушай, я тебе всё про него расскажу»...

Сколько их, таких, сидит по городам, городишкам, посёлкам городского типа, деревням... Так вот сидят и сидят, обсуждают глобальные вопросы у гаражей или же во дворах... В них много пафоса, всезнания, чувства справедливости; они полагают, что лучше всех знают о том, что такое истинная дружба, что такое честь и достоинство; они совершенно уверены, что они труженики, работяги, прекрасные отцы семейств, настоящие мужики... Но им всё время мешают жить, их постоянно кто-то обманывает, обворовывает... Если б не все эти козлы и уроды (к которым относятся практически все, кроме них самих), не только они бы жили

прекрасно, но и Расея-матушка встала бы с колен. Так они и будут до конца октября заседать в соседнем дворе, пока холодные ветра не разгонят их по домам и квартирам, где заседания продолжатся, но с меньшим размахом.

29 апреля

Меня часто спрашивают: мол, есть ли у вас какой-нибудь обязательный ритуал перед выходом на сцену?

Есть. Каждый раз, выходя на сцену, я обязательно проверяю, застёгнута ли у меня ширинка, даже если исполняю спектакль «Как я съел собаку», который играю в матросских штанах, а у них нет ширинки – пуговицы по бокам, я всё равно делаю условное движение, как будто застёгивая ширинку.

Однажды в Питере, в начале 2002 года, я сыграл спектакль «Дредноуты» с расстёгнутой ширинкой. И обнаружил это только в самом конце. На меня обрушилось осознание того, что я рассказывал про героев-моряков, говорил о благородстве и подвигах... о любви... И всё это с расстёгнутой ширинкой. Сначала чуть не провалился сквозь сцену, а после спектакля сгорал от стыда.

Я думал, что никогда уже не забуду застегнуть ширинку, но это повторилось буквально через месяц, уже в Москве, тоже в спектакле «Дредноуты»... Я вышел на сцену и стал го-

ворить вступительное слово, как вдруг из первого ряда встал смуглый, красивый, черноволосый молодой мужчина, подошёл ко мне и жестом предложил к нему наклониться, чтобы что-то сказать мне на ухо. Все это было при полном зале. Я извинился, зал недоумевал и посмеивался, а он сказал мне на ухо, что у меня расстёгнута ширинка. Сказал и вернулся на место. Я сбегал за кулисы, исправил ситуацию и весь спектакль испытывал к нему глубочайшую благодарность. После спектакля я нашёл его, и мы подружились. Он оказался сербом из Югославии, с удивительной фамилией – Дуракович. Но он объяснил, что по-сербски его фамилия ничего плохого не означает. Давненько его не видел, но мы приятельствуем.

С тех пор я неукоснительно соблюдаю перед выходом на сцену свой ритуал.

Сегодня ходил в детский сад к своему сыну – там был концерт, посвящённый приходу весны. Саша три дня пел дома песни, которые их группа готовила к концерту (имеется в виду детсадовская группа, не рок– и не поп-). Он спел все песни, прочитал стихи, исполнил роли других детей и даже станцевал странный танец, сказав, что это танец морковки.

Сегодня мы были на этом концерте. Для начала дети под пианино походили по кругу с какой-то невнятной песней, потом нам исполнили сказку про мальчика и девочку, которые

вырастили урожай гороха, моркови и капусты, и хотя хитрый заяц пробрался в огород и чуть не испортил урожай, дети прибежали с прутиками и его прогнали. По ходу сказки исполнили танец три горошины, три морковки и три капусты. Хореография была неожиданная. Замысел мы смогли оценить и понять, так как в дальнем углу детсадовский хореограф, юная барышня, все эти танцы танцевала, чтобы дети видели и старались повторить. Дети кое-что повторили.

Наш сын танцевал партию морковки. На голове у него была шапочка свекольного цвета, с пучком зелёных ленточек. Как выяснилось, это сделала, ничего нам не сказав, наша старшая (младшему четыре, старшей тринадцать). На вопрос, почему шапочка морковки была свекольного цвета, ответ был предельно прост: «Колготок нужного цвета не нашлось».

Потом дети ещё что-то делали. Пришла воспитательница, одетая, по мнению детей, очень красиво и с необычно ярким макияжем. Она представилась Весной. Дети были рады. Саша прочёл, почти без запинки, с явным воодушевлением, радуясь, что мы, родители, пришли, сольное стихотворение про одуванчик. Одуванчик в этом стихотворении очень быстро поседел, а потом и облысел. Ему особенно нравилось слово «облысел».

Одет Саша был очень аккуратно: в коричневые бархатные бриджики, белую рубашечку и бордовый галстучек. На ногах – голубые носочки и сандалики. Он сам оделся после сна и был этим горд. И весь концерт Саша выступал... Вы думаете, он выступал с расстёгнутой ширинкой? Нет! Ширинка была застёгнута! Но... она была сзади. Как он умудрился надеть эти бриджи задом наперёд, для меня загадка. И как ему удалось при этом застегнуть штаны? Тайну он не раскрыл. Ему стало неудобно, он расстроился из-за наших вопросов. Но то, что он меня в свои четыре года переплюнул, могу сказать с отцовской гордостью.

13 мая

...У нас в семье не сохранилось ни одной фотографии деда в военной форме. Помню, была его фотография в госпитале, в госпитальной пижаме и на костылях, но куда-то запропастилась. Когда дед воевал, людям было не до фотографий. Ему достались 1941-й и 1942 годы. Зато есть довоенные и послевоенные фотографии, хотя и мало. Например, фотография 1935-го или 1936 года.

Это детско-юношеский духовой оркестр Рудничного района города Кемерово, который тогда называли просто Рудник. Здесь ребята в основном 1917–1922 годов рождения. Про эту фотографию я писал в книге «Реки». До сорок пяти того из всех, кто на ней изображён, дожили трое, в том числе

мой дед. Он во втором ряду, второй справа от руководителя оркестра, со значком «Ворошиловский стрелок». Руководитель до победы тоже не дожил, был репрессирован в 1937-м. Дед играл на трубе и говорил, что у него был хороший звук, но при этом он был ленив и не очень техничен, поэтому первой трубой в оркестре был Колька Богомолов, который сидит между дедом и руководителем. Богомолов тоже до Победы дожил. Все остальные, кроме крайнего справа внизу, погибли в самом начале войны, так как все они были в составе тех сибирских дивизий, что полегли под Москвой.

Я не много знаю про то, как воевал дед. Знаю только, что летом 1941-го, перед самой войной, он окончил третий курс Томского университета – он учился на биолого-почвенном факультете и специализировался по ихтиологии. Как только началась война, срок обучения в университетах был сокращён до трёх лет, и дед неожиданно оказался выпускником. И как выпускник должен был пройти офицерские курсы и отправиться в действующую армию. Но он рвался на фронт: скрыл, что у него диплом, и очень скоро ушёл добровольцем, так что уже в июле в звании рядового принял первый бой, и в первом же бою был тяжело ранен. Про это он мало рассказывал, говорил только, что была полная неразбериха и касок, к примеру, не было даже у офицеров.

После тяжёлого ранения, уже в госпитале, выяснилось,

что у деда высшее образование, и, ещё не окончательно долеченного, его отправили на офицерские курсы в Казахстан. Через три месяца это был готовый лейтенант. Поскольку в университете он изучал биологию, его направили в войска командиром роты химической защиты. Он говорил, что в начале войны были большие опасения, что немцы будут применять отравляющий газ. Какое-то время дед пребывал в резерве, а потом уже было не до резервов. Достоверно знаю, что его рота, усиленная взводом пулемётчиков, была оставлена в качестве заслона для отступления остатков нескольких полков на Старорусском (город Старая Руса) направлении. Из трёхсот человек, которые находились в его подчинении, ему удалось вывести из окружения всего шестнадцать. Сам он был снова ранен и попал в госпиталь. Потом был Ржев – снова тяжёлое ранение и контузия, потом снова Ржев. Несколько месяцев боёв, тяжёлое ранение и вторая контузия, после чего инвалидность второй группы и демобилизация. Так что погоны мой дед поносить не успел, потому что погоны были введены только в сорок третьем. Из боевых наград у него два ордена Красной Звезды, за сорок первый и сорок второй годы, медаль «За отвагу» сорок первого года и медаль «За оборону Москвы». Последнюю он очень ценил и говорил, что мало у кого такая есть, так как мало кто дожил до Победы из тех, кто мог такую медаль носить. Юбилейные награды и то, что давали потом каждые пять лет всем участникам войны, он не любил и называл «ёлочными игрушка-

ми».

Дед очень мало говорил про войну, зато здорово рассказывал про довоенное время. Мне жаль, что я невнимательно слушал, не ценил и тяготился его рассказами. Про свой оркестр он очень любил рассказывать. Говорил, что на шахтах часто гибли горняки, духовому оркестру приходилось играть на похоронах, и несмотря на то, что музыкантам было по 12–15 лет, им щедро наливали. Так что водку он научился пить довольно рано. Дед вообще-то здорово зашибал. У меня остались об этом смутные воспоминания. Но в 1970 году он в один день бросил пить и до самой смерти в 1993-м ни разу даже не пригубил, хотя очень любил застолье, компании, любил петь под гитару. Играл и пел он громко и плохо, мне не нравилось. Правая рука у него была сильно исковеркана ранением, и пальцы на ней скрючены, поэтому он отчаянно цеплял ими струны своей семиструнки. Любимые его песни – «Снегопад», «Берёзовый сок» и «Ты ехала домой». Я очень страдал от его пения, всегда просил перестать, и сейчас мне за это стыдно.

Вернувшись в сорок третьем с фронта на костылях, дед не удовлетворился своим неполным дипломом и решил закончить университет по-настоящему. Там он встретил бабушку, на которой немедленно женился. Её он любил так, как я никогда не видел. В сорок шестом родился отец. Дед по разным причинам не сделал научной карьеры, бабушка тоже (она то-

же была ихтиологом). Многие их сокурсники потом стали педагогами – профессорами университетов, с некоторыми я был знаком. Все они утверждали, что Боря Гришковец сильно талантлив во всём. Несмотря на инвалидность, он поддерживал хорошую спортивную форму. Даже я помню, что он мог спокойно держать «уголок» и подтягиваться с «уголком» на турнике, когда ему было за шестьдесят. Дед проработал много лет директором разных школ в нескольких городах. А бабушка при нём всегда работала учительницей биологии.

Борис Васильевич Гришковец отличался порывистым характером. Может быть, даже вспыльчивым. Он не любил глубоко разбираться в ситуации, принимал отчаянно скорые решения, для него практически не существовало авторитетов, и он всегда прямолинейно, а порой и нахраписто боролся за справедливость. Ему было неважно, где добиваться справедливости: в ЖЭКе, собесе или горкоме партии. Выслушать себя он заставлял любого. Чего это ему стоило? Серьёзных физических мук. Две контузии не прошли даром: он страдал головными болями и даже приступами судорог и обмороками. Он весь был страшно изранен. Когда я был совсем маленьким, я любил находить у него под кожей рук и плеча маленькие осколки, которые когда-то не удалили. Правая его нога была изувечена, короче левой сантиметров на пять (деду повезло: он случайно попал в кремлёвский госпиталь, ему сделали сложную операцию и ногу спасли). Она плохо

гнулась, но дед постоянно её разрабатывал. С палочкой ходил редко, стеснялся. Любил соломенные шляпы, хорошую обувь, которая была ему неудобна, но ради красоты терпел. Обувь ему приходилось часто менять, она очень быстро снашивалась.

Насколько я помню, дед не очень понимал отца: ни в его профессии, ни в жизненных поисках. В своё время отец решил закончить аспирантуру в Ленинграде, из-за этого ему пришлось бросить работу и ехать в неизвестность. А отец-то был женат, и уже был я. Дед не понимал этого, не одобрял, но регулярно присылал деньги из своей пенсии, на которую ему пришлось довольно рано уйти по здоровью, из-за головных болей и судорог.

Дед страшно любил кофе – его запах. Хотя тогда и кофе-то хорошего было не найти, да к тому же он ему был категорически запрещён. И отец раздобывал для него растворимый кофейный напиток «Летний», в котором кофе не было, но был похожий запах. Дед насыпал в стакан три-четыре ложки порошка и с удовольствием пил. По поводу каждой сигареты у них с бабушкой шли долгие ритуальные обсуждения. А потом он сидел под форточкой и с наслаждением курил.

Дед был очень жизнелюбив. Сейчас-то я понимаю, что он так никогда и не попробовал хорошего кофе, не покурил хо-

роших сигарет, ни разу не выпил по-настоящему хорошего вина. Он видел много сибирских городков, городишек, в которых работал. Сам вырос в крошечном городке Щегловске, который потом стал называться Кемеровом. Никогда не был за границей, и в Москве практически не был – он её только защищал. Свои поездки на курорты и в госпитали, к Чёрному морю, он вспоминал как чуть ли не путешествия в райские пущи.

Меня он любил до дрожи. Тем самым мне сильно досаждал, особенно когда я был маленький. Я старался не попадаться к нему в руки, иначе он меня затискивал. Ему явно было меня мало. Сейчас я жалею о безвозвратном.

Дед умер летом 1993 года, во сне. Мне не довелось его похоронить. Тогда я впервые выехал на большой театральный фестиваль в город Лазаревское (рядом с Сочи). Мы показывали спектакль «Титаник», и у меня тогда случился первый в моей жизни успех. Я был счастлив, звонил домой, сообщал о том, какой у меня праздник, а отцу хватило мужества не говорить мне о смерти деда, потому что он знал, что я всё брошу и помчусь на похороны.

Чем дальше живу, тем больше понимаю, насколько важным человеком был для меня мой дед. Может быть, потому, что я даже не знаю, какое отчество было у моего прадеда Ва-

силия Гришковца. У меня нет ни одной его фотографии, я не знаю, где он похоронен. Дед про него не рассказывал, а прадед умер в 1918 году, ещё до его рождения. Он оказался единственным мальчиком и носителем фамилии. Три его старшие сестры фамилии со временем сменили. Каким образом эта украинская фамилия добралась до сибирской глубинки, я не знаю и уже вряд ли узнаю, а дед этому никогда не придавал значения.

Дед совсем не понял того, что произошло в конце 80-х. Он не принял перестройки, не смог найти в себе сил понять происходящее... Да что там, я могу много говорить про деда, то находя его в себе, то не находя. Внешне я на него совершенно не похож. И отец, и я пошли в бабушку. Но его характер я в себе чувствую. И если так можно сказать, нежно с ним борюсь. И эту борьбу ощущаю как бесконечный диалог с моим любимым дедом. Он один остался в Сибири, все мы уехали. Его любимая женщина (моя бабушка) Соня похоронена здесь, уже в Прусской – Калининградской земле. Каждый год я стараюсь побывать на его могиле. Это я делаю для самого себя, чтобы самому себе сказать, что нашёл время приехать и постоять у его могилы...

Вспоминая деда, я понимаю, что он точно был хорошим солдатом. А когда мы с отцом принесли его фотографию, чтобы её отобразили на чёрном могильном камне, доволь-

но безразличный мастер, который изготавливал надгробия, посмотрел на карточку и сказал: «Да-а-а, серьёзный был мужик!»

15 мая

Посмотрел сегодня в интернете раскрашенные «Семнадцать мгновений весны». Смотрел минуты три. Потом почитал материалы по поводу этого раскрашивания и объяснения тех, кто это сотворил... Ну, то есть их попытки прокомментировать своё деяние.

Я знаю, что раскрашивали и раскрашивают многое: и «Касабланку» раскрасили в своё время, и какую-то хронику... Но тут у нас в стране раскрасили столь важный именно для нас большой культовый фильм. Сразу скажу: долго я смотреть не смог.

Не все помнят, в силу возраста, но кто-то должен помнить... Когда-то во всех учреждениях, на фабриках, заводах висели Доски почёта. Там были вывешены фотографии передовиков производства и просто лучших людей. Цветной печати тогда у нас не было, их раскрашивали анилиновыми красителями вручную. Это были очень страшные фотографии. Мой отец оказался на такой доске как один из лучших преподавателей университета, и когда увидел эту фотогра-

фию, я на миг ужаснулся, потому что мне показалось, что папа умер: любимое лицо важнейшего в моей жизни человека было как у покойника... Те, кто раскрашивал «Семнадцать мгновений», сделали практически то же самое.

Я читал объяснения разных людей из тех, кто продюсировал это великое раскрашивание... Они говорили: мол, чёрно-белый старый фильм неинтересен, неприятен юным людям, и, раскрасив, мы тем самым придадим ему современное звучание и привлечём молодых, подарим наше любимое кино детям и внукам. Чушь собачья!

Так могут начать рассуждать и египтяне: «А не сделать ли нам евроремонт пирамид! Тогда они больше понравятся молодым!» или греки скажут: «А давайте Парфенон восстановим! Будет аккуратнее!» Или какая-нибудь дама подумает: «Как-то надо привлечь молодое поколение. Не сделать ли мне что-нибудь из силикона?»

В материалах об этом акте творчества написано, что над ним трудились много лет много людей. У меня в голове не укладывается! Это как надо любить деньги, чтобы много лет и сил потратить на такое бессмысленное и бездарное дело. Чего только не выдумают, чтобы освоить бюджет...

В этом раскрашивании любимого фильма и в производстве огромного числа многосерийных фильмов на тему Ве-

ликой Отечественной войны, которые вышли за последнее время, – про юных диверсантов, про мифических снайперов, про создание немцами летающей тарелки, про суперразведчиков... Во всём этом мусоре главным образом видно одно – всеобъемлющее РАВНОДУШИЕ. Тем людям, которые это делают, безразлично, по какому поводу осваивать бюджеты. Им не важно, что делать: снимать ли фильмы про Смутное время, про Первую мировую войну или про подвиги защитников Сталинграда. Поступит заказ сделать прямо противоположное – сделают. Закажут «Семнадцать мгновений» в трёхмерном изображении – изобразят.

Абсолютное равнодушие. И из этого равнодушия ничего не может вырасти, выползают только вернувшиеся мушкетёры, реинкарнация «Иронии судьбы», бесконечные песни о чём угодно, только не о главном, и экранизации великой литературы в виде многосерийных пособий для тех, кто не любит читать...

Что я увидел в этом раскрашивании? Я увидел, что люди, которые это делали, не любят того, что есть. А есть прекрасный фильм, любимый многими поколениями, миллионами зрителей... Любить можно то, что есть и как оно есть. А если не любишь, можно пытаться менять, переделывать, перекрашивать. То есть те, кто покрасил Штирлица, Штирлица не любят и никогда не любили.

Трагедии большой не случилось. Кто-то денег дал, кто-то за эти деньги покрасил любимых героев. Благо у нас есть возможность смотреть и видеть этот фильм таким, каким мы его любим. Сам этот факт обнаруживает присутствие в нашем мире огромного, циничного, бессмысленного, лишённого всякого вкуса и чувства жизни РАВНОДУШИЯ.

Когда-то Майкл Джексон из цветного стал белым. Шаг сильный и странный. Цветным он мне нравился больше, чем мумифицированным. Но это его дело, он сам себя перекрашивал. Чувствуете разницу?

18 мая

Вчера ездил к родителям на дачу, чудесно и долго чаёвничали. Мама прочла то, что я написал про раскрашенные «Семнадцать мгновений весны». Меня заинтересовало, что она по этому поводу думает, и мама сказала так точно, верно и тонко, что я вижу необходимость её процитировать, потому что для меня мама своим высказыванием объяснила всё окончательно и практически закрыла тему. Для меня закрыла. Мама же моя.

Она сказала приблизительно следующее: «Я помню прекрасно, как смотрела этот фильм в первый раз, когда он только вышел, то есть когда фильм был свежий и ещё не был ни

культовым, ни классическим, ни неприкосновенным. А просто вышел на экраны телевизоров многосерийный фильм. (Кстати, я тоже это хорошо помню. Мне было шесть лет. Мне не нравилось это кино, потому что на время его показа со мной никто не играл, мне не разрешали задавать вопросы и требовали от меня тишины.) Мы стали его смотреть и, конечно же, сразу полюбили. И я помню, какое от фильма исходило таинственное ощущение чего-то значительного, глубокого и умного. Такими мы никогда не видели немцев, никогда не видели любимых артистов в такой обстановке и такой одежде. Голос Капеляна звучал завораживающе... А сейчас, в майские праздники, делать было нечего, и я посмотрела весь фильм в цвете. Мне совершенно неважно, хорошо его раскрасили, плохо – просто я поняла, что впервые его смотрю как обычный телевизионный детективчик. Вся значительность и таинственность исчезли. Обычный сериал, ничего особенного. То-то, наверное, юные, кто смотрел в первый раз, удивлялись придыханию, с которым мы говорим об этом фильме. Хорошо сделанная работа. Научились у нас на телевидении из всего сделать обычный детективчик».

Приблизительно так мама сказала, очень спокойно, с улыбкой...

22 мая

Последние два дня живу с сильным ощущением большой утраты. Узнал позавчера о смерти Олега Ивановича Янковского. Не очень знал, с каким настроением и какой краской играть вечером спектакль. К тому же не так давно Олег Иванович был на той самой сцене Уфимского драматического театра... Не удержался, сказал перед спектаклем о беде, которая буквально накрыла русский театр и русский кинематограф. Зрители долго аплодировали. Как вы понимаете, не мне.

Мне посчастливилось быть знакомым с Олегом Ивановичем. Четыре года назад у меня было к нему предложение... В итоге ничего не вышло, но около трёх месяцев мы довольно много общались. Не буду говорить о нём как о человеке, потому что у меня нет никаких прав и оснований это делать. Мы не были ни приятелями, ни друзьями. У нас был только небольшой эпизод... и симпатия, надеюсь, взаимная. Могу сказать, что он не очень был похож на своих персонажей... но это всё неважно. Сильнейшее горе я испытываю из-за того, что не стало великого русского артиста.

Когда уходит из жизни пожилая, в прошлом великая балерина, или некогда великий оперный певец, или отошед-

ший от дел писатель, или ушедший на покой и переехавший куда-нибудь далеко режиссёр... или тихо, скромно, умирает забытая публикой пожилая певица... Это всегда беда и горе, но это беда и горе скорее для тех, кто знал этих людей раньше, для близких, для друзей, детей. Семейная трагедия. Смерть Олега Ивановича Янковского совершенно другого уровня событие – это беда национальная.

Феномен Янковского в том, что он безупречно прожил в кино все свои возрасты. Он появился совсем юным и сразу не в эпизоде, а в большой роли. Мы знаем много примеров того, как, появившись юным на экране, актёр не переживал перехода в другой возраст, то есть публика полюбила его молодым и другим увидеть не захотела. Янковский блестяще справился с возрастом тридцатилетнего, потом сорокалетнего героя. Когда у него возникали паузы, мы с волнением ждали, каким он будет на новом этапе жизни. И он был всегда безупречен. Участие Янковского всегда вызывало как минимум доверие к фильму, потому что в плохом и бессмысленном он не участвовал. А туда, где смысла было не очень много, привносил дополнительные смыслы.

Я очень боялся того, как Янковский войдёт в зрелый возраст. Потому что в наш новый кинематограф мэтры вошли с трудом, а то и не смогли войти вовсе. И вот я вижу Янковского в фильме «Любовник» и с восторгом понимаю, что он

опять на такой высоте и опять такой новый, каким прежде мы его не видели. Он вошёл в своё шестидесятилетие в прекрасной, кристальной форме... и вот его не стало. Я знал, что он давно болен, и болен даже не тяжело – безнадёжно. Но всё равно его не стало вдруг. И горе, которое я переживаю последние два дня, – исключительно зрительское: мы не увидим на экране и в театре Янковского семидесятилетним, семидесятипятилетним и далее. Мы не узнаем, как он мог сыграть героев в тех возрастах. Этих ролей не случится. А так, как он, этого не сделает никто – актёров с такой интонацией, таким звучанием нет и не будет...

28 мая

В Екатеринбурге спектакли прошли радостно, здесь я два раза сыграл премьеру «+1». Очень волновался, поскольку екатеринбургский театр – самая большая театральная площадка, на которой мне приходилось и приходится выступать. Волновался потому, что не знал, как смогу держать внимание в таком большом зале, волновался за техническую сторону... Но спектакли прошли так!

Вчерашний получился лучшим из премьерных, и могу с полной ответственностью сказать, что тот успех, который я ощутил, та овация, которая случилась в конце, и та атмосфера, которая накопилась к финалу... такого я не испытывал за

все десять лет театральной работы. Вчера у меня было ощущение абсолютного счастья. Всё было каким-то особенным, таким, какого прежде не было. Сейчас ощущаю только усталость, опустошение и при этом полное удовлетворение. Как же здорово! Все билеты были раскуплены за две недели, причём без всякой рекламы. Люди ждали. После спектакля многие говорили, что тоже очень волновались, опасались разочароваться, опасались повторений ранее разработанных тем, боялись не увидеть и не услышать ничего нового. А я, в свою очередь, волновался, что то новое, что есть в спектакле, может быть не услышано или окажется ненужным.

Еду в Тюмень, улыбаюсь и понимаю, что начинается определённо новый этап, новый спектакль «+1» уже начал свою жизнь... погода прекрасная. И, в общем-то, в данный момент больше ничего не нужно.

1 июня

В начале гастролей прибыл в Уфу, отыграл спектакль, ду-мал, отдохну, выплусь и поеду в Магнитогорск. Выспался. Как бы не так! После спектакля подошли ко мне двое моего возраста: один моего роста, другой существенно выше. Стоят, улыбаются, смотрят пристально. Тот, который высокий, очень аккуратно одет, идеально наглажен, и весь какой-то... в общем идеальный. Совершенно седые волосы на голове

идеально уложены, и причёска идеальная. Представьте себе, по этой причёске я его и узнал. Я не видел этого человека 21 год – ровно полжизни, а причёска у него не изменилась, только волосы стали седые. Это оказались два моих сослуживца: Артур и Фаниз.

Фаниз был идеальный матрос, а потом старшина. Он даже робу умудрялся наглаживать до такого состояния, что можно было порезаться о стрелку на брюках. Именно по причине своей аккуратности он стал корабельным почтальоном, то есть ежедневно отправлялся на почту в посёлок. А Артур... он сильнее изменился. Но по-прежнему остался весёлым татарин с огромными блестящими глазами. Фаниз приехал в Уфу из Набережных Челнов, только чтобы меня увидеть. А Артур в Уфе и живёт. Оба они страшно далеки от театра (улыбка), но им нужно было со мной повстречаться, нужно было всё вспомнить, а ещё им было важно, узнаю ли я их. Узнал! Разумеется, выспаться не удалось. Фаниз из Набережных Челнов привёз, как он сказал, особо хорошей татарской водки... Ночью мы звонили в Хабаровск Джамалу Беридзе, выдёргивали друг у друга телефон, смеялись и плакали. Как я доехал до Магнитогорска, не очень помню.

В Магнитогорске тоже очень хотелось после спектакля отдохнуть. Но 23 мая у нескольких магнитогорских друзей случился день рождения, который совпал ещё и с днём рожде-

ния моего сына Саши. К тому же спектакль именно в Магнитогорске прошёл так остро и здорово, что спал я уже по дороге из Магнитки в Челябинск и все красивые виды уральской природы пропустил.

В Челябинске у нас был первый с Игорем Золотовицким по-настоящему гастрольный спектакль «По По». Игорю так понравилось выступление в Челябинске, к тому же его самолёт был в шесть утра, что он категорически не захотел ложиться спать и решил дожидаться самолёта. Всё это, разумеется, переросло в стихийный праздник, на котором Игорь Яковлевич Золотовицкий был и именинником, и тамадой, и Дедом Морозом в одном лице. Он блистал, рассказывал анекдоты, говорил тосты – в общем, Игорь улетел, а я оказался в Екатеринбурге, опять же не заметив дороги.

В Екатеринбурге случился тот самый триумф, о котором я уже писал, к тому же на спектакль пришли дорогие моему сердцу «Чайфы»... Я очень рассчитывал на отдых в Тюмени. Добравшись до Тюмени к вечеру, думал: сейчас отосплюсь, а отоспаться было необходимо, потому что на следующий день должен был прилететь Игорь Яковлевич Золотовицкий... И вот вечером захожу в гостиницу, а в фойе ко мне подходят, как оказалось, врачи-онкологи, которые собрались на какой-то симпозиум или семинар со всей страны. А врачи для меня – это люди, перед которыми я испы-

тываю благоговение, трепет и бесконечное уважение. К тому же некогда мой любимый дядя Игорь Михайлович Окунев руководил кемеровской онкологией и был деканом лечфака нашего мединститута... Встретившие меня врачи оказались чудесными людьми, и выпивать врачи умеют как никто... А на следующий день, в два часа, ко мне в номер в гостиничном халате явился Игорь Золотовицкий и предложил отобедать...

В Тюмени выстроили новый театр – потрясающее сооружение. Других таких оснащённых театров, роскошных и удобных залов в стране я не знаю. Даже в Москве нет такой роскоши. Спектакль прошёл замечательно. По окончании на сцену, среди тех, кто вышел подарить цветы, выбежала девушка, которая спросила: «Можно я вас просто обниму?» – обняла нас с Игорем Яковлевичем и убежала. Игорь служит в театре уже больше двадцати пяти лет, и с ним такого не случалось. Он растрогался настолько сильно, что превзошёл самого себя. К тому же в гостинице нас ожидали онкологи.

Из Тюмени мы улетали в шесть тридцать утра, обогреваемые утренним солнышком, обдуваемые ветерком и окружённые тучей страшно кусучих мошек. Местные их называют мошка. Она будет царствовать в городе всё лето. Как с ней жить, я не понимаю, это ужас! Чешусь до сих пор. Но я дома! У меня есть неделя отдыха. А потом ждёт Украи-

на. Я не очень люблю летние гастроли, потому что случается слишком много радости. Я люблю радость, но надеюсь, что в предстоящих гастролях радость будет не такой концентрированной, как в предыдущих.

5 июня

Вчера с детьми были на мультфильме «Вверх». Прекрасное времяпрепровождение!

Какой хороший и в самом лучшем смысле странный фильм! Как сильно в нём чувствуется почтенное влияние великого Хаяо Миядзаки!

Детей в зале было полно, причём маленьких. Как же они были растеряны и обескуражены, когда в самом начале фильма герой становится стариком, то есть практически перестаёт быть героем, а героиня исчезает (то, что она умирает, детям непонятно). Как же это тонко сделано! Как нежно, печально и осторожно подано! Аналогию могу припомнить только в фильме «Айболит-66», когда почти в самом начале Айболит и другие герои тонут и звучит трагическая песня. Мне так нравится в этот момент наблюдать реакцию детей! Они начинают обескураженно глядеть по сторонам. Им в этот момент не так жалко героев, они просто удивляются: мол, как же так, только начали смотреть, и всё закончилось... Короче, тем, кто ещё этого не сделал, со всей от-

ветственностью и смелостью рекомендую посмотреть мультфильм. Не пожалеете ни времени, ни денег. А голос Джигарханяна придаёт фильму шарм и делает эту картину почти нашей, родной.

11 июня

Вчера по очень хорошей дороге и очень красивой местности доехал в Днепропетровск из Харькова. А в Харькове произошло два важных события. Первое: после тщательной подготовки и сильнейшего волнения потрясающе здорово прошёл премьерный для Украины спектакль «+1» – повторилось то чудо, которое случилось в Екатеринбурге. А второе... я был в Харькове в шестой раз и наконец-то разглядел, почувствовал и полюбил этот город. До того Харьков казался мне холодноватым и при этом неухоженным, большим и при этом очень провинциальным. И вдруг он для меня открылся... Как это случилось? Как всегда такое случается – совершенно неожиданно и, казалось бы, из-за чепухи.

Прилетели мы в Харьков очень поздно на небольшом самолёте с пропеллерами, и поэтому заходили на посадку не как на реактивном, то есть быстро и прямолинейно, а долго кружили возле города, зацепляя крылом его предместья. Я в первый раз увидел Харьков с самолёта, весь в огнях.

На следующий день, перед премьерой, я прогулялся по улице, увидел невероятное количество красивых женщин, одетых в основном в большие солнцезащитные очки и маленькие цветные лоскутки. Потом было очень сильное волнение перед спектаклем, потом сам спектакль, а потом я чувствовал, что никаких сил у меня не осталось, потому что спектакль «+1» действительно труден для исполнения... Так вот, я чувствовал, что сил никаких нет, но я при этом счастлив... Сложилась маленькая компания приятных людей: не было никаких особенных разговоров, было немного вина, первая моя в этом году вкуснейшая окрошка на открытом воздухе, а над головой полная луна и подвижное ночное харьковское небо. Мы сидели долго, в основном помалкивали, а я смотрел-смотрел в это небо и в три часа ночи увидел, как в него пришёл рассвет. В городе было ещё темно, а небо светлело прямо на глазах и шевелилось разными цветами. Было тепло... Потом я пешочком дошёл до гостиницы, упал в постель и моментально уснул.

Проснулся я от очень громкого колокольного звона. Я вспомнил, что рядом с гостиницей католический собор. Молотили они в колокол отчаянно и однообразно. Посмотрел на часы – полдень, а они молотят и молотят. Мне хотелось ещё поспать часика два, была такая возможность. К тому же я всегда тревожусь, если слышу близко церковный колокольный звон: как слышу, что в церкви звонят колокола, всегда думаю, ой, опять какой-то важный праздник пропустил, или

что надо бы хоть иногда ходить в церковь, или этот звон напоминает, что не так как-то живу. И вообще он напоминает о том, что надо бы всё делать по-другому, лучше, ответственнее... А тут звон был прямо за окном. И вот я тревожился, а он вдруг раз – и стих, и возникла удивительная тишина...

Если в маленький прудик или озерцо, которое всё подёрнулось ряской, ну представляете, которое всё покрыто свежей зеленью, – в такое озерцо бросить камушек, он плюхнет, и на поверхности появится маленький кругляшок чистой воды, в котором очень ярко отразится небо, но постепенно-постепенно ряска затянет кружок чистого неба, и снова поверхность озерца будет зелёной. Представляете? Так же случается после того, как замолкает колокольный звон. На некоторое время возникает над городом звенящая тишина, будто машины перестали ездить, птицы – кричать, а деревья – шелестеть листьями. Абсолютная, непроницаемая тишина. Конечно, и машины, и деревья, и птицы остались на своём месте, но какое-то время после громкого колокольного звона ничего не слышно, будто среди шума возник чистый кружок тишины. А потом, точнее довольно скоро, тишина начинает заполняться городским шумом, голосами птиц и шелестом деревьев: ряска городской жизни затягивает пятнышко тишины. Вот так и случилось со мной при пробуждении в Харькове. Немного тишины за окном – а потом опять городская возня.

Я лежал в гостиничном номере, разбуженный колоколами, слушал шум за окном, глухие шторы были плотно задёрнуты, в углу свистел кондиционер, в номере было довольно прохладно, и мне показалось, что на улице пасмурно, погода испортилась. Ну потому что у меня-то в комнате было темно и прохладно. Я подошёл, раздёрнул шторы и почти сразу распахнул окно. На меня обрушился полуденный зной. Окно моё находилось на самом верхнем этаже, передо мной открылись крыши Харькова, какие-то дальние холмы, кроны уже немного запylённых деревьев, узенькие улицы... Я был самую малость выше всех остальных крыш, то есть строго на той линии, где город заканчивается и начинается его небо. И всё это небо было исчерчено стремительными ласточками. Ласточки чертили небо, будто много-много людей одновременно пытаются заштриховать карандашом один листок бумаги, но только след от карандаша моментально исчезает. Я обрадовался, увидев ласточек, – в этом году я их ещё не видел. И так я стоял у окна, и мне открылся Харьков.

Не знаю, что произошло. Я описал цепочку непримечательных обстоятельств, при которых он для меня открылся, но теперь точно знаю, что город стал мне ближе, знаю, что мне в нём будет не так, как раньше, а намного лучше, и с этих пор ощущаю его своим, потому что в нём случилось то, о чём я рассказал.

29 июня

Отыграв последние в этом сезоне спектакли в Москве, прилетел на день в Пермь. Я был в пиджаке цвета хаки, и приятель, который встречал в аэропорту, сказал, что у меня лицо такого же цвета, как пиджак. Он тут же схватил меня и увёз на берег Камы, в Закамск. Там, прямо на набережной, по сути дела, среди жилых домов, стоит крошечная деревянная банька. Как она сохранилась, непонятно. В этой бане нет санузла, нет душа, только парная и маленькая комнатка отдыха – очевидно, что здесь никто не пьёт и других утех не устраивает.

Я не любитель бани. Отец – большой любитель, а я – нет. У нас в деревне была настоящая сибирская баня, похожая на эту. Отец её содержал в изумительном порядке, она была предметом его гордости. На эту баньку я посмотрел и подумал: «Где же потом умыться, после бани?» – и задал вопрос вслух, а мне ответили, что умыться можно совсем рядом, в роднике. Я категорически отказался от таких экспериментов, тем более что на следующий день мне нужно было играть спектакль. Никто меня особенно не уговаривал. Тем временем собирались мужики – в радостном предвкушении. Видно было, что мужики очень разные, разного статуса, разных занятий, и, видимо, в жизни они даже не особенно дру-

жат.

Опускался светлый, тёплый июньский вечер, только по длине теней можно было понять, что вечереет. Я смотрел на Каму, на Пермь, белевшую за рекой... А над головой было с детства знакомое и родное мне небо. После густого, знойного синего украинского неба наше уральско-сибирское было совсем другим. В него как будто добавили молока и подняли чуть выше, чем над южными просторами. А я за время путешествия по Украине так привык к южному небу... Кама, знакомые с детства запахи томящейся бани, мужицкие разговоры... Я попарился, с удовольствием поболтал с незнакомыми мужиками, а потом плюнул и ополоснулся родниковой водой, холодной до спазмов в лёгких.

После этого я совершенно ожил, почувствовал на щеках румянец, обнаружил в себе зверский аппетит... Короче, я был спасён. Как там говорил Карлсон? Друг спас друга.

А на следующий день, отыграв спектакль и уйдя со сцены, я услышал, как организм сказал мне: «Я этот сезон отработал. Всё, что нужно, сделал. Я отключаюсь» – и силы меня покинули.

Когда улетал в Москву, из всех движений нормально мог только моргать. В самолёте уснул, едва сел в кресло. В Москве нужно было провести между самолётами пять часов

в аэропорту. После прохладного, но солнечного утра в Перми Москва встретила совершенно октябрьской погодой. Сидел без движения, как сфинкс. И наверное, с таким же выражением лица. Потом мне прямо в аэропорт привезли на примерку костюм для будущего фильма, мы выпросили помещение, чтобы сделать примерку. Костюм увезли, а я уснул, и меня объявляли по громкой связи, искали и кое-как нашли. Затолкали в самолёт, и я не помню, как добрался до дома. Более или менее пришёл в себя только к вечеру 27-го. Съездил в клуб «Вагонка» и выступил с группой «Брейншторм».

Я приехал к своему выступлению, минут за десять до выхода на сцену. Повстречались, поздоровались и обнялись с Ренарсом прямо на сцене. Мы исполнили две наши песни, на сцене же попрощались, я ушёл, а ребята остались доигрывать концерт.

Только сегодня почувствовал, что лето для меня началось. Пошли с дочерью на вторые «Трансформеры». Тем, кому понравились первые «Трансформеры», этот фильм смотреть не рекомендую, особенно не рекомендую ходить на этот фильм с детьми нежного возраста. От первого фильма в этом не осталось ни героики, ни романтики, ни таинственности. Полно бессмысленного мельтешения и много скабрёзных намёков, которыми обычно наполнены пошлые американские молодёжные комедии. Очень жалко роботов. Актёры-то хоть могли не согласиться участвовать в таком кино, а роботов

нарисовали. Они безвольные, сделали, что приказано. Не рекомендую смотреть эту чушь. Лучше пересмотреть первых.

Кино не понравилось, но просто с дочерью были в кино. Это – радость, и это – каникулы.

2 июля

Вчера полдня, с самого рассвета, ехали по Польше в варшавский аэропорт. Калининградцы часто пользуются аэропортами Гданьска или Варшавы – так проще, чем через Москву. Ехали по красивым землям Северного воеводства (так у поляков называются области или округа), и я чувствовал, что вот-вот начнётся долгожданный отдых.

Северные воеводства в Польше довольно бедные, от этого в них есть особая прелесть. Старые строения XVIII–XIX веков, отстроенные ещё прусскими мастерами, стоят обветшалые, нереставрированные, но чистенькие. Тёмно-красный кирпич церквей и старых ферм очень украшает сельский пейзаж. В этой части Польши гораздо больше старых автомобилей, чем у нас. До сих пор ездят «Жигули» и даже «Москвичи», до сих пор ползают старые польские «Фиаты» времён Варшавского договора и «Полонезы» которые двадцать пять лет назад казались чудом техники и дизайна. Причудливы и забавны для нашего глаза и сознания польские вывески...

Как это ни странно, перелёт во Францию и чудо Лазурного берега контрастируют с польским сельским пейзажем гораздо сильнее, чем с нашим родным.

Первый раз в этом году удалось раздеться и подставить своё белое незащитное туловище под солнечные лучи. Ощущая себя абсолютно разрядившимся аппаратом, который наконец-то поставили на зарядку. Сейчас ненадолго зашли в тень, чтобы написать это сообщение, – и обратно на солнце. Трещат цикады. Сосны, туи и какие-то другие деревья неподвижны. Зной наполнен смолистыми и морскими запахами.

Вечером, усталые и разбитые после дороги и перелёта, бродили по Сан-Тропе. Каждый раз, когда приезжаю на Лазурный берег, первый вечер мне представляется проникновением в кино. Приятно быть персонажем такого фильма! Приятно быть крошечным эпизодом такой картины.

3 июля

Как же прекрасно море, воздух и ещё не тяжёлое июльское солнце! Сейчас у солнца нет бьющей по голове тяжести, можно наслаждаться им даже в полдень. В морской воде ещё остаётся прохлада, которая к середине июля не пропадёт, и вечером вода будет теплее воздуха, а пока... И вот в связи с этим я сегодня взял и в первый раз за десять лет побрился.

Я не бреюсь уже давно, с тех пор как стал много ездить на гастроли. В разных городах разная вода, разные климатические зоны, лицо не выдерживало. Стал стричь бороду машинкой. Понравилось, привык, и все к этому привыкли. И вот, в первый раз за десять лет, взял свежую бритву и побрился. Удивительное ощущение. Как же это приятно! Прикасаюсь к лицу и думаю: боже мой, кто это?

Однажды со мной случился ужасный курьёз. Было это в Самаре. Из-за того, что в гостинице, в которой пришлось остановиться, проходила то ли свадьба, то ли чей-то юбилей, то ли какое-то другое буйство... Короче, гостиница ходила ходуном, и я не выспался. Утром встал, умылся и решил подстричь брови. Стригу я их той же машинкой, что и бороду, выставив определённое количество миллиметров на специальной насадке. Я выставил миллиметры, но после бессонной ночи забыл надеть насадку. А потом – вжжжик! – и я вижу в зеркале, что у меня практически под ноль сбрита бровь. Это выглядело настолько дико! Отсутствие брови на лице гораздо заметнее, чем самый жуткий шрам. Причём было понятно: то, что я сделал, непоправимо. Я долго стоял в изумлении, потом выматерился и аккуратно сбрил вторую бровь, вспоминая Боба Гелдофа в фильме «Стена». Правда, у него брови не такие густые и не такие тёмные, так что я выглядел гораздо более дико. А вечером должен был быть спектакль.

Те, кто увидел меня днём, подумали, видимо, что я сошёл с ума или решил совершить какую-то очень странную акцию. Перед спектаклем я попробовал нарисовать брови косметическим карандашом, но получилось ещё страшнее, и я отказался от этой идеи... В общем, как минимум две недели знакомые смотрели на меня при встрече не без удивления и даже поначалу не знали, как со мной общаться.

А вот сегодня я побрился и подставил гладкое лицо под уже июльское, но ещё не лютное солнце. Как хорошо отдыхать!.. Опустился вечер, всё затихло, даже цикады замолчали. Скоро изменится ветер, принесёт с гор вечернюю прохладу. Хорошо! Просто хорошо!

6 июля

Июльский зной наступил вчера неожиданно и всецело. Буквально в ближайшие дни число отдыхающих должно удвоиться. Тогда в море будет ещё больше яхт, а в небе — ещё больше вертолётов. Какое же здесь празднество жизни! Всё шевелится, люди беспрерывно куда-то едут, плывут, летят, купаются, что-то едят, загорают, покупают, очень много разговаривают и смеются. Чем хорош Лазурный берег? Тем, что безудержная роскошь местных, давно привыкших к здешним условиям аристократов и иже с ними, а также на-

ших недавно, но прочно освоившихся здесь очень богатых людей уравновешена огромным числом молодых и не очень людей, которые ездят на мотороллерах, снимают маленькую квартирку на большую компанию, совсем не близко от моря, едят хлеб и сыр из магазина, пьют самое дешёвое вино, с любопытством разглядывают яхты и роскошные кабриолеты, и при этом проводят время веселее, чем обладатели яхт и кабриолетов. Главное – здесь всё это перемешано и создаёт общий шум и радостную атмосферу.

А мы с моим другом снова поспорили. Может, помните, я рассказывал, как мы с ним поспорили, я проиграл и пошёл на улицу целовать первую попавшуюся женщину. А ещё этот мой друг удивительным образом разыграл меня на первое апреля. Об этом я тоже рассказывал. Мы очень любим с ним спорить, биться об заклад и заключать пари. Вот мы и поспорили.

Мы сидели на пляже, и вдруг появились две барышни. Одна из них сразу привлекла к себе всеобщее внимание тем, что... собственно, она хотела привлечь к себе внимание. Невысокая, азиатской внешности, скорее яркая, чем красивая. Она привлекала внимание своей походкой, поведением и... тем, что почти моментально осталась топлес. Несмотря на яркую восточную внешность, я сразу был уверен, что барышня наша, а мой товарищ был уверен в обратном. Мы по-

спорили, даже сделали предположение относительно имени. Друг назвал несколько иностранных имён, а я сказал: либо Ольга, либо Ирина, либо Жанна (вот такой неожиданный набор).

Выиграл я, она оказалась Ольгой из Казахстана, уже давно проживающей в Москве. По тому, как она спокойно отнеслась к нашему к ней подходу, и по тому, как тут же попросила купить ей шампанского, мы догадались, что она не только наша, но ещё и находится на пляже во Франции с профессиональной целью. Больше мы её не видели, но главное не это. Главное – я выиграл спор, а мне с моим другом это редко удаётся.

Проигравший сегодня вечером на набережной порта Сан-Тропе в нарядной одежде прыгнет в воду. Там везде пришвартованы яхты, прыгать придётся между яхт. Единственная уступка – это будет ныряние без обуви, потому что обувь можно потерять, да она в любом случае будет испорчена. Вот. Жду вечера.

9 июля

Как удивительно: Сан-Тропе, некогда совсем деревня, превратился для многих в вожащенное место, наполненное магазинами, галереями, разного качества, но в основном хорошими ресторанами... Сюда стекаются и здесь тратятся та-

кие деньги! Забавно смотреть, как с вечерними сумерками набережная и порт Сан-Тропе превращаются в ярмарку тщеславия. Плотно, борт к борту, стоят большие и не очень яхты, на них ужинают и делают вид, что ни на что не обращают внимание в основном одетые в белое люди. Вдоль яхт прогуливаются те, кого можно назвать зеваками, рассматривают скользящих людей в белом, пытаются заглянуть в доступные глазу внутренние помещения яхт и усиленно фантазируют на тему: каково это, отдыхать на яхте. Вдоль порта медленно ползут роскошные автомобили или громко, почти истерично взрываются моторами «Феррари» и прочая мощная техника. Этим машинам не нравится ехать медленно, и их зверские двигатели режут, заставляя окружающих оглянуться или вздрогнуть, к ленивой радости владельцев. Вот так вечером, на небольшом кусочке французского берега длиной метров четыреста, проходит карикатурная ярмарка тщеславия, где всё кажется неторопливым, вальяжным и равнодушным, а на самом деле исключительно для этих четырёхсот метров люди покупают дорогие машины, драгоценности, строят яхты и выделяют огромные суммы из семейных бюджетов на салоны красоты и пластические операции.

Наших на этой ярмарке много. И яхты у наших побольше, и бриллианты крупнее, и машины мощнее, и ноги длиннее у наших барышень... Но французы и прочие европейцы, привыкшие, видимо, ещё с детства, с родителями, отды-

хоть в этих местах в те времена, когда Лазурный берег ещё не был таким вожделенным и раскрученным местом... Так вот, эти французы умеют свои не такие крупные бриллианты носить так, как наши не умеют. Они носят шляпы и южную одежду как надо, и это им чертовски к лицу, даже если лицо немолодое и к нему не прикасалась рука косметолога. А ещё здесь много сильно загорелых людей. Таких загорелых, что, кажется, загар у них уходит на сантиметр вглубь. Как бы я хотел хоть раз в жизни так загореть! Но для этого нужно просто жить у моря.

Здесь легко встретить на пляже или набережной знаменитых людей. Я имею в виду настоящих звёзд. Не наших, а французских или голливудских. Люди реагируют на них спокойно, улыбаются, может быть, оглядываются, но не дёргают, не кричат, не тычут пальцами. Вчера плыл в море и нос к носу столкнулся с Ральфом Файнсом. А потом, в маленьком кафе на пляже, встретил Лиаму Нисона. Мы оказались совсем рядом, и я сказал ему, что он здорово сыграл русского морского офицера (в фильме «К-19») и форму носил правильно, в отличие от Харрисона Форда. Он сказал, что у них были очень хорошие консультанты. Расспросил меня о деталях, которые были ему любопытны и непонятны во время съёмок. В общем, мы немного побеседовали и немного выпили, я – вина, а он – чего-то со льдом. Единственное, сказал я ему, что было неправдоподобным в созданном им образе

подводника, — это то, что наши подводники практически не бывают такого большого роста. А потом мы сфотографировались, по моей просьбе. Было приятно кого-то попросить сфотографироваться, обычно бывает как раз наоборот.

До воскресенья, а стало быть, до конца отдыха осталось совсем чуть-чуть. Хотя домой уже хочется. Значит, отдых удался. Главная цель любого отдыха — это возможность соскучиться по дому. Цель достигнута.

11 июля

Наступил последний вечер каникул. Сегодня решил на пляж не ехать, а дойти, захотелось детских ощущений. Тех самых, когда от бабушкиного дома в Жданове (Мариуполе) долго шагал по звенящему солнцепёку, по пыли и идущему от асфальта жару, к морю. Придумывал себе какие-нибудь занятия типа не наступать на трещинки, ловил бабочек... Вот сегодня решил дойти до моря, чтобы всё это вспомнить. Прошёл и вспомнил.

Когда вот так идёшь, загар прилипает сильнее, чем на пляже. Шагал, сняв майку и повязав её на голову. Я был чуть ли не единственным пешеходом на этой дороге. Мимо ехали машины, трещали мотороллеры. Несколько раз меня спросили, причём на разных языках, как проехать на пляж. Приняли за местного. А кто ещё может разгуливать по жаре без

майки и уже весьма загорелый, но главное – никуда не спеша!

Приятно видеть на пляже свежеприбывших. Они белые, всё рассматривают, выливают на себя литры всяких кремов для или от загара (я не разбираюсь). С жадностью заказывают напитки, с жадностью купаются, и всё их радует. Через пару дней они будут лежать, читать скучные книги и лениво что-нибудь попивать, с неохотой тащиться за детьми к прибою, чтобы присмотреть за их купанием. Я всё это пережил за прошедшие десять дней. А сегодня чувствовал, что это последний день каникул, и хотелось всем напиться, насладиться и по возможности насытиться.

Сегодня было много медуз, и пацаны с сачками их вылавливали. Они это делали не без опаски, потому что родители, поднимая строго палец вверх, каждый на своём языке, говорили, что медузы очень опасны. Выловленную медузу обступали разновозрастные мальчишки, что-то горласто обсуждали, а потом закапывали в песок. А моего друга медуза ужалела, или, если говорить по-детски, укусила. У кого-то из отдыхающих нашёлся специальный крем, а слух об «укушенном» распространился среди детей моментально. Они подходили, с интересом рассматривали моего друга и его намазанное мазью плечо. Стояли, как сурки возле норки, и что-то тихонечко между собой обсуждали. А друг намеренно изображал сильные муки. Они с уважением на это посмотрели и

стали к медузам относиться осторожнее.

Как дети из разных стран моментально находят общий язык и какое-то совместное дело! Каждый на своём языке что-то доказывают, кричат, периодически заходятся плачем и с рёвом бегут за защитой к родителям. А родители уже не очень могут найти общий язык: языковой барьер. Остаётся только вежливо улыбаться.

Как же неумоимо дети что-то делают на пляже: роют, ищут что-то в прибое и при этом непременно находят, носят ведёрками воду, с радостью разрушают из песка не ими построенное, а потом с не меньшей радостью строят что-то с теми, чьё строение только что разрушили... Жуют, пьют, куда-то всё время хотят. Даже на нытьё у них уходит очень много сил. Я смотрел на всё это и понимал, что уже могу им только завидовать — меня на жизнь в их режиме и на полчаса не хватит.

Вернулся с пляжа так же, пешком. Утомился, потому что надо было идти в гору. Запылился, вспотел, принял душ и вот сейчас диктую эти строчки. Скоро закат. Вот бы каждый день на отдыхе удавалось проживать, так цепко улавливая каждый час, так внимательно чувствуя каждый запах, ветерок и переход одного времени дня в другое. Не получается! Десять дней назад казалось, что каникулы будут очень дол-

гими. И вот последний вечер. И вот она, острота восприятия.

17 июля

Позавчера прибыли утром в Иркутск – Денис Бургазлиев, его гитара и я. Гитара в фильме сниматься не будет, просто Денис без неё не ездит. Два дня ушли на акклиматизацию... Точнее, не на акклиматизацию, а на вхождение в иркутский часовой пояс. С акклиматизацией всё проще. Здесь стоит чудесная погода, то есть тепло, но не жарко, вечером прохладно, но не холодно, а ночью просто хорошо, правда, не без комаров. А что с ними поделаешь – Сибирь-матушка! Я с большим трудом переношу смену часовых поясов при движении на восток. Когда летишь на запад, всё очень просто: вылетел из сибирского города в Москву утром, например, в девять, прибыл в столицу в те же самые девять по московскому времени, прожил день, постарался перетерпеть сонливость, уснул вместе с москвичами и проснулся утром уже вошедшим в жизнь и в часовой пояс. А вот на восток иначе. Вылетел вечером, пролетел ночь насквозь, приземлился утром, и в то время, когда местные люди бодро идут на работу, ты ходишь варёный и ни черта не соображаешь. В общем, два дня ушли на то, чтобы войти и слиться с местной жизнью. Денису помогала гитара – он на ней играл и быстрее меня адаптировался. А я то засыпал раньше времени, то просыпался в пять утра, понимая, что больше спать не могу... Вставал и

шёл смотреть, как рыбаки на Ангаре возле гостиницы ловят хариуса, а днём засыпал... В общем, маялся, а сегодня уже началась работа.

Сегодня ездил на полигон с инструктором по огнестрельному оружию, учился правильно обращаться с пистолетами. Вы не подумайте, в фильме «Сатисфакция» мой герой не стрелок, не боец и не профессионал в смысле обращения с оружием, но в одном эпизоде должно быть видно, что он знает, как правильно обращаться с пистолетом, и здесь нужно заучить движения, чтобы это выглядело убедительно. Мне было интересно. Правда, оружия я опасаясь: есть в огнестрельном оружии какая-то притягательная жуть. Именно жуть. Со стрелковым оружием мне на службе дело иметь практически не приходилось. За всю жизнь я несколько раз стрелял в тире, из пистолета в том числе, но правильно обращаться с ним не умею, точнее, не умел до сегодняшнего дня. Инструктор и режиссёр в итоге остались моими действиями довольны.

Завтра первый съёмочный день, будет разбита традиционная тарелка... Эта киношная традиция сродни разбиванию бутылки шампанского о борт спускаемого на воду корабля. Завтра же познакомлюсь со съёмочным коллективом и непременно об этом расскажу. Завтра вообще для всех тех, кто долго готовился к съёмкам фильма «Сатисфакция», ответственный и незабываемый день.

18 июля

Ну... съёмки начались!

Сегодня я проспал. Мало того, что проспал, – опоздал на съёмочную площадку. Со мной такого не бывает: я всегда просыпаюсь вовремя, а если очень устаю, ставлю будильник. А сегодня не услышал будильника, потому что забыл телефон в ванной комнате, по этой же причине не услышал, как мне звонили и беспокоились... А беспокоились сильно, потому что знают, что я не опаздываю, – в общем, кошмар. Когда меня наконец разбудили стуком в дверь, я подскочил и оделся, превзойдя свои прежние скоростные нормативы времён службы на флоте.

Все предыдущие дни стояла хорошая погода, а сегодня, понятное дело, пошёл дождь... Но съёмки начались, хлопнула хлопнула, прозвучало: «Сцена номер один, кадр первый, дубль первый». Режиссёр Юра Дорохин выкрикнул последовательно: «Мотор, камера, начали!» – и фильм «Сатисфакция» начал своё движение от начала к финалу. Удивительное ощущение! Такая долгая подготовка, так много было сомнений и даже неверия в то, что приступим к съёмкам, столько сложностей, нервов, такой был длительный путь проделан многими людьми для того, чтобы то, что сегодня началось... началось.

А потом была разбита тарелка! Тарелка разбивается после первого удачного дубля. Таким оказался четвёртый. Вся съёмочная группа собралась, сфотографировалась, и тарелка была разбита. Но тарелка – это же не просто тарелка, и разбивается она не об асфальт или камень. На тарелке должны быть и были написаны имена всех задействованных в фильме людей, ну и, собственно, название фильма. На нашей тарелке имена были написаны белым по белому. Кто-то проделал изрядную работу. Жалко было! Но надо. Кинематографическая тарелка разбивается о штатив камеры, и разбить её надо качественно. А то помните примету – если бутылка шампанского с первого раза не разбивается, не видать удачи кораблю. Но наши режиссёры разбили тарелку, как надо.

Как же мне понравилось ощущение начала! Удивительно видеть момент превращения просто ребят, которые собрались в одном месте для какого-то дела, в профессионалов, когда каждый знает свою задачу, свою технику и своё место. Чудесный момент! Если бы вы видели, как преобразился наш главный оператор Андрей с замечательной фамилией Закаблуковский! Из довольно тихого и чего-то бормочущего себе под нос человека он вдруг превратился в счастливого и очень красивого профессионала. Глаза у него заблестели даже ярче, чем объектив его камеры.

И пусть сегодня были сняты, казалось бы, малозначимые моменты, те, которые в фильме займут секунды и вряд ли запомнятся зрителю, – уже есть первые кадры. И это, конечно, всех воодушевляет.

19 июля

Никогда в жизни не носил костюмы. Наверное, в последний раз у меня было то, что можно назвать костюмом, чехословацкого производства, ещё в университете. Он на мне плохо сидел, и я не любил его надевать. А другой купить было невозможно, да я и не видел смысла. С тех пор мне не было надобности и повода носить костюм. Но вот сегодня я облачился в тёмно-синий, специально для меня подобранный итальянский тонкий костюм и сразу почувствовал, что зря прожил столько лет. Денис же чувствует себя в костюме как рыба в воде.

Сегодня мы снимали несколько офисных сцен. Все происходило в моём кабинете, который уступил нам на воскресенье его владелец. Не волнуйтесь, фильм не производственный: в офисе наши герои проведут немного времени. Забавно было посидеть в рабочем кресле крупного руководителя, за рабочим столом, пошелестеть бумагами, поподписывать что-то дорогой ручкой.

У моего героя есть секретарша Лена, актриса Татьяна Скороходова. Если помните наш ролик «Настроение улуч-

шилось-2», она там присутствует в виде эффектного и очаровательного майора ГИБДД.

На рабочем столе среди других обязательных атрибутов стоял портрет В. В. Путина. Подчёркиваю, не президента, а премьер-министра. Видимо, у хозяина такие предпочтения. Так вот, Владимир Владимирович на этом портрете хоть и улыбался, но смотрел весьма строго и проницательно. Своим присутствием и взглядом он испортил мне пару дублей. Я из-за усилившегося чувства ответственности спутал слова, а один раз, бросив на портрет беглый взгляд, не удержался и рассмеялся.

Съёмки сегодня ещё не закончились, в данный момент снимают сцену, в которой я не участвую. Но скоро позовут на площадку. Дальше я расскажу про технические стороны кинопроцесса и про то, что делают люди, которые всегда остаются за кадром. У нас отличная команда, мне будет приятно о них рассказать.

21 июля

Вчерашний съёмочный день был для нас, артистов, очень длинным и весьма скучным. Особенно для Дениса Бургазлиева, которому не довелось сказать ни единого слова в кадре. Говорил только мой персонаж, да и то немного. Снима-

ли маленькую сцену производственного совещания. Точнее, завершение совещания. Самого совещания в фильме, к счастью, не будет.

В массовой в нашем кино снимаются в основном друзья, знакомые, приятели Юры Дорохина. Все с удовольствием соглашаются поучаствовать. Конечно! Это же интересно – посмотреть, как делается кино. Люди разные, но, как правило, занятые, со своими делами, малым и средним бизнесом. Перед началом съёмок все радуются, предвкушают увлекательное приключение.

На съёмках артисты в основном ожидают. Сняли дубль – артистам приходится сидеть и ждать, потому что будут переставляться свет, передвигаться оборудование, переключаться рельсы, по которым ездит камера, перевешиваться микрофоны и прочее-прочее. Такая перестановка длится неопределённое время. И блеск в глазах у людей, которые с интересом шли сниматься в массовой, быстро исчезает. Они увидели скучный, длительный, занудный и, можно даже сказать, тягомотный процесс постоянной технической возни людей, которые всегда остаются за кадром. Массовка хоть на секунду в кадр попадает, а многочисленные техники – никогда. Вот кто подлинные рыцари, преданные кинематографу.

Мы с Денисом, да и Юра (наш режиссёр), пытались шалить, шутить, поддерживать на площадке живую атмосфе-

ру. Но в какие-то моменты наваливались сонливость, усталость. Вчера в Иркутске было жарко и душно, а в помещениях кондиционеры выключали, чтобы шум не мешал записывать звук. Поэтому все ходили варёные и разбредались по углам подремать. Никакого ощущения радости, наоборот – ощущение трудного, нудного производства. Такое часто бывает. И те, кто из любопытства шел посниматься в массовке, больше на такую авантюру не соглашаются.

А в итоге девятичасового труда довольно большого числа людей получится две с половиной минуты, которые попадут в фильм.

Сегодня на Иркутск обрушилась, или, я бы даже сказал, навалилась сильнейшая гроза и рухнул ливень. Улицы превратились в реки. Потом гроза затихла, и на западе даже проскользнуло закатное солнце. На завтра обещают с утра – дождь, днём – грозу. Если так случится, у нас будет вынужденный выходной: сцену на стройке снимать под дождём невозможно. А так запланированы грузовики, другая строительная техника. И в данный момент мы смотрим на заходящее солнце. И сильно надеемся на ошибку синоптиков...

23 июля

Пишу прямо со съёмочной площадки, сижу и диктую. Си-

дим на верхнем этаже строящегося огромного комплекса: сильный ветер, жарко, экрана из-за солнца почти не видно, а вокруг панорама Иркутска, Ангара, и хорошо видно плотину Иркутской ГЭС.

Позавчерашний день был для меня самым муторным: снимались кадры для титров. Оператор и техники полдня выдумывали и конструировали очень сложную штуку: подвешивали камеру так, чтобы она сама могла вращаться на расстоянии и можно было снять листок бумаги и кончик ручки, которой выводятся на бумаге слова. То есть представьте себе, что ручка, точнее, самый её кончик, будет на весь экран. Они смастерили эту конструкцию и очень ею гордились. Вторую половину дня я из самых неожиданных поз, иногда даже не видя, что пишу, выводил на бумаге довольно корявые буквы. Во-первых, у меня и без того почерк не очень, во-вторых, это было неудобно. Работали дотемна, получили секунд двадцать бесценного, по мнению режиссёров, изображения. И все технические люди тоже были довольны... Причём сложнейшее техническое сооружение было по окончании съёмок безжалостно разобрано раз и навсегда. Мне было бы жалко, но технические люди нашей съёмочной группы – настоящие рыцари, настоящие герои, и они очень щедро относятся к результатам своего труда.

Вчера мы долго ждали хорошей погоды, осваивались, ме-

сили грязь. За вчерашний день сняли много разных проходов, переходов, малопонятных для актёров планов. Играть ничего не пришлось – играем сегодня, и сегодня нам, актёрам, интересно, особенно мне. Через некоторое время мне предстоит ударить человека по лицу. Точнее, не мне, а моему персонажу, и не человека, а другого персонажа. Но от этого волнения ничуть не меньше. Мне этого никогда не приходилось делать... Драться приходилось, ударить я могу. Но на съёмочной площадке, не по-настоящему, и так, чтобы выглядело по-настоящему... Такого я не делал. Очень боюсь ударить по-настоящему. Завтра обязательно про это расскажу.

24 июля

Вчера был плодотворный день: все довольны работой и тем, что удалось сделать. Человека по лицу я ударил, при этом ни моя рука, ни лицо человека не пострадали, и все сказали, что ударил я очень убедительно. На съёмке присутствовал профессиональный в прошлом боксёр, и он сказал, что у него аж мурашки по спине побежали. Когда я посмотрел отснятый материал, у меня и у самого где-то что-то побегало, потому что таким и с таким лицом я себя никогда не видел.

Я совсем не люблю смотреть записи своих спектаклей, но вот в кино мне на себя смотреть интересно. В первый раз я

это почувствовал, когда смотрел фильм «Прогулка», потому что увидел себя таким, каким никогда не ощущал. Всё-таки дистанция между мной и моим театральным персонажем небольшая, а кто-то её даже и не видит, зато в кино эта дистанция зависит не только и даже не столько от меня, сколько от режиссёра. И в кино я себя вижу не своими глазами, а глазами того, кто является автором фильма, то есть того, кто ставит мне актёрскую задачу и видит меня по-своему.

Вчера в Иркутске стояла страшная жара – 35 °С, и на открытой строительной площадке пекло. Все изнывали от жары, но мужественно работали. Практически у всех к вечеру появился этакий шофёрский загар, и после съёмок все побежали покупать кефир, смазать ожоги. Я был в белой рубашке, и мне нужно было постоянно промакивать себя под рубашкой салфетками, чтобы на белой ткани не были видны мокрые пятна.

А вот сегодня у нас выходной и, разумеется, дождь. На завтра и на воскресенье обещают понижение температуры до +8 °С и циклон, то есть, проще говоря, опять дождь. Не припомню, чтобы я когда-нибудь в жизни так интересовался погодой и так бы по этому поводу переживал.

С завтрашнего дня стану рассказывать про нашу команду и про разные киноспециальности. Во-первых, это должно

быть кому-нибудь интересно, а во-вторых, те ребята, которые с нами работают, все без исключения заслуживают, чтобы про них рассказали. Все они молодые профессионалы с таким киноопытом, по сравнению с которым мой съёмочный опыт – просто кружок «Умелые руки». Да и люди отличные.

25 июля

Сегодня мне было очень страшно! Я боюсь автомобилей и всегда перехожу улицу на зелёный свет или по зебре, предпочитаю подземные переходы. А сегодня...

В Иркутске нами была перекрыта одна из главных артерий: улица Байкальская. И хоть объявления об этом звучали по местному телевидению последние несколько дней, всё равно никто ничего не услышал и не принял к сведению. Несмотря на субботу, благодаря нам были серьёзные заторы, и, конечно же, многие ругали некое начальство, из-за которого перекрыли город. В Иркутске редко перекрывают улицы из-за кино, так что проклятия неслись из стоящих автомобилей в адрес руководства. С другой стороны, сами виноваты. Я имею в виду руководителей.

Сегодня мне пришлось пересекать улицу в потоке быстро движущихся автомобилей. Три полосы! Это было очень страшно. Снимали с разных точек, то есть мне пришлось бегать среди автомобилей много раз. И то, что за рулём были

подготовленные люди, меня не особо успокаивало.

Должен сказать, что улица Байкальская была перекрыта только в одну сторону, по другой машины ехали. Конечно же, съёмки вызвали у иркутян вполне справедливый интерес, и этот интерес остался не без последствий. Один водитель приостановился, чтобы повнимательнее рассмотреть съёмочный процесс, а другой настолько был увлечён наблюдением происходящего, что врезался... бедолага. А в него въехали ещё две девушки на одной машине. Потом были три эвакуатора, и у иркутян появился ещё один объект наблюдения, то есть было интересно. Ну и нам было на что посмотреть.

В съёмках принимали участие ребята из клуба любителей спортивных автомобилей «GT» города Иркутска – отличные ребята.

Правда, сегодня не все были на спортивных автомобилях, но медленно ездить они не любят, им обязательно нужно взречь мотором и издать визг колёс. Как я сказал, мне очень было страшно. Представьте, вы стоите на средней полосе, а автомобили мчатся прямо на вас, и просвета в двух боковых рядах не видно. Но раз я это пишу, значит, они куда-то сворачивали. Прекрасные ребята. Они-то получили удовольствие, потому что для них перекрыли центральную

улицу, но себя во всей красе им показать не удалось – мы не давали.

Завтра у нас всё продолжится, дорога снова будет перекрыта. Если у кого-то будут из-за этого неудобства, виноваты будем мы. Хоть бы погода была хорошая, а то мы уже устали бояться.

26 июля

Сегодня ехал на съёмочную площадку рано утром и думал, что мой любимый праздник, День Военно-Морского Флота, пройдёт в работе, и никто даже не вспомнит, не поздравит... Но когда подъехал к съёмочной площадке, увидел, что вся наша группа одета в тельняшки, какие-то забавные фуражки, все выстроились и ждут меня. Я был счастлив, растроган, растерян... почти до слёз.

А я, одеваясь утром, понял, что у меня нет с собой ничего морского, никакой морской одежды, даже стилизованной... А потом порылся в сумке и нашёл носки с якорем. Подумал: этого, конечно, никто не увидит, но надену хотя бы для себя – всё-таки праздник.

Поскольку съёмочная группа работала в тельняшках, это напоминало работу настоящего слаженного экипажа. Про-

езжающие на машинах бывшие моряки сигналили, махали нам военно-морским флагом. Кроме меня в нашем экипаже когда-то служил на флоте Валентин или, как мы все его зовём, Валя, бум-оператор, проще говоря, человек, который занимается микрофонами. Он служил на Балтийском флоте. Забавный, весёлый, покладистый и очень внимательный парень.

А бригадир наших осветителей, Саша, безусловно, самый видный, почти двухметровый красавец, сегодня выглядел просто как пират.

Было очень жарко, несмотря на плохой прогноз. Снова улица Байкальская, мне снова пришлось бегать между мчащимися автомобилями, на этот раз со мной бегал и наш оператор Андрей Закаблуковский, да ещё и с тяжёлой и очень дорогой камерой на плече. Было вдвойне страшно, но обошлось. Уличные съёмки закончены, и если улица Байкальская вновь будет перекрыта, виноваты уже не мы.

Вторую половину дня съёмки проходили в автомобиле – очень непростое дело. Во-первых, в машине нужно установить осветительное оборудование, микрофоны, но главное – прикрепить к ней камеру. Для этого существует автогрип. Это не от слова «грипп» и не от слова «гриб», а от английского слова «крепление», которое звучит как «грип», довольно сложная фиговина.

Хорошо, что хозяин автомобиля не видел, как это делалось. Мы крепили эту штуку около часа. А потом переставляли её на другую сторону машины, чтобы снять наш короткий разговор в автомобиле с двух сторон. В итоге зритель увидит спокойный разговор двух людей в машине, даже не подозревая, какая штукovina приделана к дверце. Мы с Денисом Бургазлиевым долго ждали на солнцепёке, а снимались очень недолго, потому что за время ожидания отрепетировали свой текст досконально.

27 июля

Сегодня был очень длинный съёмочный день. Нам нужны были утренний свет и пустынный город. А ещё мы договорились, чтобы для нас раньше положенного времени включили фонтан на центральной площади.

Было очень холодно, и съёмочная группа вяло входила в рабочий процесс. Ещё бы – вчерашний день для многих закончился затемно. Когда спят наши режиссёры Аня и Юра, я не понимаю. По-моему, вообще не спят. Их жизнь сейчас похожа на бесконечный рекламный ролик энергетических напитков. Но они на удивление бодры, внимательны и не упускают малейших деталей. Актёрская работа в этом смысле похожа на отдых – все же остальные технические и админи-

стративные работники вкалывают.

Какую сцену мы снимали, рассказывать не буду. Это даже не сцена... в фильме этого не будет, это просто наш забавный замысел, приятный сюрприз зрителям. На этих кадрах будут все те, кто примет участие в картине, пусть даже в ничтожных секундных эпизодах. Зато те жители Иркутска, которые проснулись рано и вышли прогуляться в сквер на центральной площади, могли увидеть неожиданное зрелище.

Было холодно, зато весело.

Позавчера прилетел из Тбилиси и присоединился к нам прекрасный актёр Георгий Накашидзе. Два дня он приходил в себя, а сегодня вышел на съёмочную площадку. Мы приложили большие усилия, чтобы он у нас снялся. Георгий активно снимается в Европе, а в Россию его было привезти сложнее, чем «Боржоми».

Вторая половина дня проходила возле той стройки, на которой мы «работали» несколько дней назад. Нужно было доснять небольшие сцены. Это затянулось надолго, потому что я никак не мог произнести одну совсем простую реплику. Бывает такое: знаешь, что нужно сказать, но после какой-то фразы возникает затык или говорится не то, что нужно. И так много раз. Мне было ужасно неудобно перед коллегами,

я очень старался, но от этого получалось только хуже. А в половине седьмого вечера со стороны реки прилетели в огромном количестве мухи, похожие на крылатых муравьёв. Их было так много, что они мешали съёмке, а ещё их привлекали наши с Денисом светлые рубашки. И несколько прекрасно сыгранных дублей эти чёртовы мухи испортили, можно сказать, заporоли. Вот такая штука кино – всё время нужно ждать подвоха, в данном случае в виде полчища мух. Но намеченное на сегодня сделано, и теперь нужно отдохнуть. После утренней прохлады в Иркутске стоял жаркий день: пока погода на нашей стороне. Завтра будем работать большую сцену с приехавшим из Грузии Георгием. Все наслаждаются его прекрасным голосом и невероятно обаятельным грузинским акцентом. Завтра должно быть интересно.

29 июля

Сегодня был длинный, скучный, ничем не примечательный рабочий день, то есть ничего весёлого, забавного, курьёзного не произошло. Снимали себе кино и снимали. Что получилось, знают только наши режиссёры Юра и Аня. Мы закончили работу, поужинали и будем спать, а они в данный момент сидят и тщательно планируют завтрашний день, рисуют раскадровку (потом расскажу, что это такое) и лягут спать... когда будут уверены, что к завтрашнему дню всё готово.

Расскажу вам про нашу «Хлопушку» Наташу. Что такое хлопушка? Я, как и многие, имею представление о хлопушке по великому мультфильму «Фильм, фильм, фильм». Помните этот шедевральный мультик? Там ещё песня была: «Профессий много, но / Прекрасней всех – кино. / Кто в этот мир попал – / Навеки счастлив стал». И все, кто видел этот мультфильм, помнят женщину с огромным бюстом, которая инфернальным голосом говорила что-то невнятное и хлопала «хлопушкой». Было смешно, а главное – совершенно непонятно, зачем нужна эта женщина и этот хлопок. Мне долгое время казалось, что это бессмысленная дань традиции, устаревший киноритуал, уходящий корнями в стародавние времена.

А на самом деле это очень важная и ответственная работа. Дело в том, что изображение и звук и сегодня пишутся отдельно. Даже в эпоху цифровых технологий эта самая «хлопушка» облегчает работу монтажёра. И сам хлопок нужен для того, чтобы синхронизировать изображение и звук. На «хлопушке» пишется название фильма, номер сцены, кадра и дубля. Ещё там указывается, какой используется фильтр на оптике камеры (я пытаюсь говорить самым простым языком, потому что, собственно, сам так и понимаю).

Дубли случаются один за одним, и наша Наташа должна очень быстро менять показания на «хлопушке».

Когда-то «хлопушки» были деревянными, и данные записывались на них мелом. Теперь «хлопушка» пластмассовая, и пишут на ней маркером. Есть специальный маркер и специальная стирательная губка. Иногда у Наташи всего несколько секунд на то, чтобы переписать номер дубля. И нет права на ошибку. На ней лежит большая ответственность, иначе может возникнуть путаница. Наташа не может отлучаться со съёмочной площадки и, конечно же, сильно устаёт.

Человека с улицы на такую работу взять нельзя. Наташа учится во ВГИКе, на продюсерском факультете, закончила четвёртый курс. Для неё это первая полнометражная картина. Попала к нам на работу потому, что она иркутянка и связана с кино, любит его и собирается посвятить ему свою жизнь. Для этой работы нужен киночеловек, который очень ответственно относится к кинопроцессу. Казалось бы, можно поставить на это место кого угодно. Но нет! Нам всем нужно знать, что она наш товарищ, не подведёт. А ещё отчасти и от неё зависит рабочая атмосфера. Наташа немногословна, старается всегда хорошо выглядеть, каждый день меняет наряды, улыбается... А это, согласитесь, немало.

Конечно, когда-нибудь наступят времена, когда «хлопушка» и «Хлопушка» будут не нужны, но как-то не хочется об этом думать.

Далее буду рассказывать о том, что происходит на съёмоч-

ной площадке, и о всей нашей команде. Начал с Наташи, потому что именно с «хлопушки» начинается съёмочный день.

29 июля

Второй день работаем на одной и той же площадке, снимаем довольно объёмную сцену, которая происходит в большом частном доме друга главного героя. Завтра работаем там же и после выходного – тоже.

Дом нам безвозмездно, на четыре дня, предоставили хозяева, хорошие приятели нашего режиссёра Юры. Им, видимо, тоже было интересно посмотреть, как снимается кино. Думаю, они и представить себе не могли, что обрушится на их дом в лице съёмочной группы. Опрометчивое было решение. К тому же дом совсем-совсем новый, всё в нём новенькое, чистенькое, необжитое. И тут высадился десант.

До нашего появления здесь было тихо, чисто и всё на своих местах, а главное – всё тщательно продумано хозяевами для себя. А потом в дом ввалились кинолюди, для которых любое пространство – съёмочная площадка.

Как я уже сказал, дом совсем новый, и на этом участке идут ремонтные работы, которые производят южные люди. И во всех соседних домах и на участках тоже идут громкие строительные процессы: грохочут отбойные молотки, звенят

циркулярки, жужжат болгарки, ездит тяжёлая строительная техника, грузовики... А нам нужна тишина на площадке, и мы ловили эти моменты тишины с большим трудом. А ещё над этим домом часто летают самолёты, которые заходят на посадку или взлетают: в Иркутске аэропорт находится практически в центре города. Поскольку звук мы пишем реальный, нам важно, чтобы никакого звукового «мусора» не было. У нас за эти два дня развилась шумофобия. Если работающих таджиков ещё можно было остановить, то самолёт в небе – никак. Слух у всех обострился до невозможности, и к вечеру звук подлетающего к Иркутску самолёта во время длинного и удачного дубля вызывал уже несколько истеричный, но дружный смех.

Какое счастье, что с нами Георгий Накашидзе! Он беспрерывно что-то рассказывает, поёт, читает грузинские стихи, которые нам непонятны, но звучат очень красиво. В нём присутствует какое-то буйство жизни. Уже никто не может представить, как мы продолжим работу, когда он уедет, а ему осталось всего два съёмочных дня. Я даже не говорю о том, как он играет... а он прекрасный актёр. С ним одно удовольствие репетировать и сниматься, он очень смешной.

Режиссёр Дорохин похвалил всех за съёмочный день и отпустил.

Мы покинули разгромленный дом, заставленный свето-

вым оборудованием, рельсами, где всё перевернуто, переставлено с места на место... Оставили до завтра. Да ещё имели наглость попросить хозяев ничего из нашего оборудования не трогать и не переставлять. Но хозяева сибиряки! Они не делают замечаний и даже находят в себе силы улыбаться и говорить, что очень довольны тем, что смогли быть полезными. Дай им бог здоровья.

31 июля

Сегодня снимали длинную сцену у бильярдного стола всё в том же доме, про который вчера рассказывал. Ни я, ни Георгий играть в бильярд не умеем. И даже кий держать толком не умеем. Хотя наши герои не мастера бильярда и там нет моментов, связанных с мастерскими ударами, нужно было хотя бы выглядеть соответственно тем людям, которые дома имеют хороший бильярдный стол и периодически играют в эту непонятную мне, но красивую игру. После нескольких репетиций выглядели мы вполне убедительно. И Георгий даже во время одного дубля неожиданно для всех забил шар в лузу. Мы с ним так этому удивились, что пришлось переснимать.

Расскажу про нашего гримёра Машу, которая впервые работает в кино. В Иркутске она трудится визажистом, делает красивые лица местным дамам, в том нуждающимся, неве-

стам, именинницам... Она была рекомендована как хороший специалист. Убеждён, она им и является. Но на нашей картине ей по большей части приходится бегать. Грим мы используем минимальный, точнее, это даже не грим, а так – пудра, чтобы лицо не блестело в кадре. Но в Иркутске то жара, то после жары дождь и духота. Мы постоянно потеем, и Маша всегда должна стоять наготове с салфетками, кисточкой, пудрой. Между дублями это часто приходится делать бегом. Она у нас работает одна, и передохнуть ей удаётся только вместе с нами, когда переставляют свет.

Мы уже не представляем себе съёмочную площадку без Маши. Она всё время улыбается, с утра и до вечера. Не улыбается, только когда спит. Во время перерыва она может уснуть, кажется, за считанные секунды. А потом, по первому зову, просыпается, и одновременно с тем, как открываются её глаза, появляется улыбка. Удивительная наша Маша, за ней любопытно наблюдать. Она может отойти куда-то в сторонку и думать, что её никто не видит... Ходит себе, улыбается, танцует, делает какие-то, на её взгляд, похожие на балетные движения.

Маша очень похожа на персонажа несуществующего фильма Миядзаки, эдакая чудесная барышня-аниме. Это особенно ощущается, когда она промакивает мне пот со лба и её глаза совсем близко.

Конечно, в силу своей профессии она имеет дело только с нами, актёрами. Но, по-моему, в её присутствии нуждаются все – и осветители, и операторы...

Сегодня у Маши было много работы. Утром снималась сцена (не буду говорить, из какой части фильма и про что). Но в кадре должны были быть клоуны и люди в костюмах животных. Совсем коротенький эпизод. И в этих костюмах решили сняться три самых главных для нашего фильма человека: наши режиссёры и оператор. А Маша делала им грим. Юра Дорохин стал медведем, Аня Матисон – лисой, а всегда молчаливый Андрей Закаблуковский – зайцем, по этому поводу все страшно радовались. А как Закаблуковский прыгал зайцем по лужайке – такого не ожидал никто. Маша была счастлива: у неё было много работы.

У Дениса Бургазлиева сегодня было маловато работы: он появился на площадке, сыграл свой эпизод – и поехал в гостиницу играть на гитаре. Играет он подолгу, самозабвенно и говорит, что это его спасает от многого. От чего именно, он не уточнял, но я уверен, что Денис не обманывает. Хорошо ему – он умеет играть на гитаре, а это отличный способ спасения, если есть от чего спастись. Я вот на гитаре играть не умею.

1 августа

Вчера у съёмочной группы был выходной... а сегодня в Иркутск приехал Владимир Владимирович Путин.

Вчера ездили к Байкалу. В небольшом посёлке, не доезжая Листвянки, нас ждала баня. Совсем маленькая, но очень хорошая. А главное – нас ждал её хозяин, прекрасный знаток бани и, что важнее, людей. Я, например, не люблю экстремальных температур и разнообразных банных испытаний... Наш банщик это сразу понял и сделал всё как надо. Георгий Накашидзе вообще первый раз был в русской бане. Надо сказать, что он побаивался и даже сомневался. Но у него осталось ощущение, которое ему создал хозяин бани, что он настоящий сибиряк, что он может выдержать температуру плавления металла и что он просто рождён для пара. Георгий остался горд и доволен собой. А ещё мы сами коптили омуля, потом его ели с варёной картошечкой... Жаль, нам пришлось поторапливаться в Иркутск: могли перекрыть трассу из-за прилёта премьер-министра. Когда ехали в баню, милиции было уже полно. Но вчера он не прилетел, мы напрасно торопились. Вечер оказался свободным... Что было делать – мы пошли в кино, на фильм «Джонни Ди». Через полтора часа после начала я желал смерти всем главным героям.

Сегодня с раннего утра были съёмки в автомобиле. Я иг-

рал, что мой герой с сильного похмелья. Это было непросто, потому что после фильма «Джонни Ди» я отлично выспался, засыпать начал ещё в кинотеатре.

Маша долго делала мне соответствующий грим. Когда в таком виде и в мятой рубашке я вышел в холл гостиницы, там оказалось очень много журналистов и съёмочных групп с разных российских и региональных телеканалов. Они прибыли в Иркутск по случаю приезда Путина. И очень удивились, увидев меня, некоторые весьма обескураженно поздоровались. Когда я прошёл мимо, кто-то громко сказал: «Видали Гришковца? С какого же он бодунища! Где это он так бухал? Наверное, на Байкале». В этот момент я понял, что Маша сделала удачный грим.

Так долго сегодня играл похмельного человека, что поверил в такое своё состояние: у меня заболела голова, появилась нестерпимая жажда и даже соответствующая усталость. Остался доволен сыгранным эпизодом. Да, похмелье надо играть свежим и трезвым.

Завтра у нас очень объёмная задача. Её надо выполнить, потому что послезавтра утром наш драгоценный Георгий Накашидзе улетит обратно в Грузию. Нужно сделать всё намеченное, потому что он незаменим. Завтра вечером мы посидим на прощанье, а в семь утра самолёт унесёт его далеко-далеко, и мы продолжим съёмки: шоу маст гоу он.

Премьер-министр тоже улетает завтра, но по этому поводу

пусть печалятся другие.

3 августа

Вчера был очень трудный и бесконечно длинный съёмочный день. Да и ночь: надо было сколько-нибудь торжественно сказать «до свидания» Георгию Накашидзе, который ранним утром должен был улететь... и улетел.

Мы в последний раз нагрянули всей оравой в тот самый дом, про который я уже писал. На этот раз мы в сам дом не вваливались, снимали возле дома на лужайке и основательно испортили и вытоптали прекрасный газон.

Любезные хозяева наблюдали за происходящим смиренно и не делали нам замечаний. После того что мы сделали в доме, они уже понимали, кого пускают на газон. Что можно сказать... мужественные люди! Но мы газоном не обошлись. Наши операторы и режиссёры залезли ещё и на крышу бани. Не знаю, пострадала ли от этого крыша, но кино определённо выиграло.

Вчера был сложнейший день. Снималась многофигурная и очень непростая по перемещениям, мизансценам и диалогам ситуация. Да ещё в кадре должно было появиться настоящее боевое оружие. Мало того, я из него стрелял... В филь-

ме нет перестрелок, а выстрел есть. Один. Но стрелять мне пришлось трижды. Оружие настоящее, заменить его муляжом или травматическим оружием нельзя, так как пистолет на экране будет очень крупным планом. И мои руки тоже заменить чужими в этой ситуации невозможно. Я волновался, не имея опыта обращения с огнестрельным оружием, которое у меня вызывает уважение и даже определённый страх. К тому же на съёмочной площадке полно народу, а ещё нужно играть роль и обращаться с оружием так, чтобы было видно, что мой герой делать это умеет. Инструктор остался мной доволен, выразил мне всяческие респекты. И я сейчас могу сделать с нашим «макаровым» всё, что нужно, буквально с закрытыми глазами.

А ещё выяснилось, что я неплохо стреляю, хоть у меня и не было возможности потренироваться. Мне объяснили, что нужно делать, расстояние до мишени было 27 метров, то есть на два метра больше, чем в настоящем тире... а ещё помножьте на то, что кругом много людей, мы во дворе частного дома, камера стоит в зоне выстрела и пуля настоящая. Первый раз я попал в край мишени, второй раз – в «четверку», а потом выбил «восьмёрку», чем вызвал аплодисменты съёмочной группы и неподдельное удивление инструктора.

Вчера было невыносимо жарко. Как же повезло с погодой (тьфу-тьфу-тьфу)! Будь вчера дождь, неизвестно, что бы мы

делали: мы обязаны были доснять эту сцену именно вчера. Самолёт неизбежно унёс бы нашего дорогого Георгия, а без него она невозможна. Вначале съёмки были намечены на позавчера, но прилетел Владимир Владимирович Путин, и нам строжайше и категорично было запрещено компетентными людьми использовать оружие, пусть даже мы с премьер-министром были бы на расстоянии ста километров. Это очень спутало наши планы и заставило сильно нервничать. И вот вчера вся съёмочная группа совершила маленький профессиональный подвиг: мы за день сделали то, что должны были сделать за два, но это далось очень большим напряжением сил. Всё-таки может наш премьер-министр раскрыть внутренние резервы человека и сделать эффективное ещё более эффективным!

Весь день вчера, в любой коротенький перерыв все пытались найти хоть какой-то тенёк. Забавно было наблюдать, как сокращается тень от стены. Вначале в тени можно было даже поваляться на травке, а в итоге все жались к стене в поисках спасения от палящего солнца.

Когда солнце зашло, мы сняли небольшую сцену, где Георгий играет усталого человека, который на пороге своего дома сидит с приятелем и говорит что-то мудрое... Перед тем как начали снимать, Георгий сказал, что ему ужасно грустно оттого, что для него наше кино заканчивается, что

он остро ощущает, как перелистывается ещё одна страница его жизни. Что-то, чего он очень ждал, к чему сильно готовился, вот-вот закончится, жизнь пойдёт дальше, будут другие фильмы, спектакли, и он уже знает, что со многими из нашей команды больше никогда не встретится. Так устроена актёрская жизнь.

Он блистательно сыграл свою сцену. Блистательно! Жаль, в нашем сегодняшнем кино мало участвуют грузинские актёры. Какая там актёрская школа... Гио, как мы его называем, уехал влюблённым в Сибирь, в Иркутск. И без него грустно.

Но мы продолжаем работу, и нам ещё предстоит сделать больше, чем сделано.

5 августа

Вчера начались ночные съёмки, которые продолжатся до 13 числа. Очень непростое это дело – ночные съёмочные будни.

Съёмки проходят у Байкала в посёлке Листвянка. Вечером мы выезжаем туда, утром возвращаемся. Ехать 80 км. Вчера начали не поздно, так как нужно было поймать закатное солнце, именно поймать: закат на Байкале стремителен и прекрасен. Режиссёры сказали, что вчера получилось. А после заката мы ждали темноты и снимали практически до рассвета.

Днём оборудование на месте стоять не может, поэтому его придётся каждый вечер тщательно выставлять, а утром убирать, так что у нашей команды много работы.

Напишу это послание и снова пойду спать. Посплю часов до девяти местного времени и поеду сниматься. Видимо, так и будет строиться наша жизнь в ближайшую неделю. В данный момент с трудом соображаю, так как предпочитаю ночной сон.

Я хочу рассказать о наших бум-операторах и звукорежиссёре. Проще говоря, о людях, которые записывают звук и от кого зависит, как будет звучать наша картина. Вот уж кто-кто, а они точно не зря едят свой хлеб. Трудная у них работа. Бум-операторов зовут Валентин и Илья. Это они таскают микрофоны, заползают в самые неудобные места, чтобы оттуда писать звук, и чуть ли не зависают в воздухе, чтобы микрофон был как можно ближе к актёру и в то же время не попал в кадр.

На солнцепёке, под дождём, на ветру, в самых трудных условиях они держат свои удочки, стараясь не испортить дубль попаданием микрофона в кадр. Им приходится исхитряться, чтобы тень от микрофона не попала на лицо актёра и не скользнула по светлой стене. Микрофоны имеют неприятное свойство отражаться в зеркалах, окнах и на блестящих

поверхностях автомобиля – если такое случается, приходится делать новый дубль. Наши ребята сильно расстраиваются, когда удачный по актёрской работе дубль испорчен по причине вылезшего микрофона или его тени.

Илья – человек тихий, профессиональный и вежливый, он неприметен и надёжен. Наш фильм у него первый, но он производит впечатление вполне знающего человека. Валя помогал ему и инструктировал только первые несколько дней. Сейчас по Илье не чувствуется, что он новичок. А вот Валя... вот уж колоритный персонаж! Матёрый киноволк. У него за спиной весомая фильмография. Сам он из республики Марий Эл. Попал в кино случайно, как сам говорит, этому делу предан и очень его любит. Я уверен, что сценарий нашего фильма он даже не читал, по-моему, это ему не очень важно. Но за шум на площадке, за невыключенный мобильный или другую шумовую грязь, мне кажется, может пришибить. Когда он перед дублем выкрикивает: «Тишина!» – а у него это получается громче, чем у режиссёра в мегафон, – замолкают милицейские сирены, перестают плакать дети в колясках, и даже птицы, кажется, на несколько секунд прекращают петь. Валя – мужичок, который так же надёжно делал бы любую другую работу, но вот попал в кино – теперь делает кино. И все без исключения очень быстро в нём распознают высокого профессионала. Свою длинную удочку, которую очень трудно держать, он держит как атлант. А ещё

Валя любит поестъ, выпить пива, в голос посмеяться – хороший компанейский мужик. Лично у меня он создаёт ощущение, что процесс создания фильма – обычная мужицкая работа, а не что-то исключительное, рафинированное и отдельное от нормальной жизни.

Виктор – наш звукорежиссёр. Именно он убедил меня в том, что чем больше у человека опыт в какой-то очень специальной сфере, чем он в этой сфере значительней, тем проще может про свою работу и сферу деятельности рассказать и тем легче с ним работать. Мы пишем весь звук сразу и придаём этому большое значение, поэтому-то нам и понадобился мастер такого уровня, как Витя. Мне трудно понять, что и как он делает... но слышит он всё! Прилетел на съёмку больным, с температурой за 38 °С, но мужественно держался, так как без него съёмочный процесс был невозможен. Было видно, что человек держится из последних сил... То, что он на ногах переходил простуду, разумеется, не осталось без последствий – у него заболело ухо, то есть его рабочий инструмент. Видели бы вы, как прямо на съёмочной площадке, во время любого перерыва, он сдёргивал с ушей наушники и прикладывал к больному уху рекомендованное местным доктором тёплое варёное яйцо, которое ему постоянно подогревали.

Перед съёмкой Витя крепит нам микрофоны на одежду, расставляет по местам бум-операторов. Чудесным образом

размещаем записывающую аппаратуру, микрофоны в машинах, по стенам, под столами, в люстрах, в лампах и проч. Он слышит пролетающие над городом самолёты, стук женских каблуков за три лестничных пролёта от нас, лающих во дворе собак. Он работал на многих картинах, которые можно назвать хорошими, интересными, непростыми... и все, кто с Витей работал, отзываются о нём в превосходных степенях. Теперь и мы можем к ним присоединиться. А ещё он очень хороший человек. Спокойный, симпатичный, внимательный и умеющий сказать что-то очень нужное во время непросто-го и утомительного рабочего дня. Считаю знакомство и работу с ним серьёзным жизненным приобретением. Хорошо иметь дело с трудолюбивыми и сильными мужиками. Про них я, собственно, сейчас и рассказал.

6 августа

Ночные съёмки продолжаются. Вечером, ещё до съёмок подошёл к нам счастливый Андрей Макаревич: он погружался в батискафе «Мир» в глубины Байкала на 1300 метров (или больше, точно не помню). Говорил, что осуществилась его заветная мечта, точнее, такая мечта, об осуществлении которой он всерьёз даже не думал. Он-то известный ныряльщик, и то, что это могло быть его мечтой, не вызывает сомнений. Счастье его было очевидно и неподдельно. Он обрадовался встрече, пожелал успешной работы. Мы выпили

по чашке кофе и... он продолжил пребывать в счастье, а я пошёл сниматься.

Съёмки проходили до семи утра, не без сложностей, причём самых неожиданных. Мы работаем в гостинице «Маяк» в Листвянке, это небольшой туристический посёлок, расположенный на Байкале ближе всего к Иркутску, ровно в том месте, где из Байкала вытекает Ангара. Недалеко от Листвянки погиб прекрасный Александр Вампилов... Это я написал для тех, кто совсем не знает географии и не понимает, о чём речь.

Так вот... Перед гостиницей «Маяк» кусочек набережной и маленькая площадь, на которой когда-то был рынок. Вокруг много кафешек, лавочек весьма туристического и сомнительного свойства. Здесь же швартуются байкальские кораблики, а днём ошивается много народу... Вчера ночью на эту площадь приехали местные весельчаки, коренные жители Листвянки, на стареньких отечественных автомобилях, уже пьяные, и продолжили развлекаться, очень громко включив музыку, что сделало невозможной нашу работу. На переговоры к весельчакам геройски пошла наша администратор Валя, но совершила стратегическую ошибку: она сказала веселящимся, что их веселье мешает съёмкам... Ну понятно! Дальнейшее веселье продолжилось ещё громче, для нас, с криками вроде: «А давайте мы у вас в кино сыграем!»

или: «Алё-о! Артисты! Идите к нам!», а также: «Да знаем мы ваше... кино!». Мы вызвали милицию, но она не приехала. Единственный охранник гостиницы боялся выйти и сделать им замечание. Съёмочной группы с лихвой хватило бы, чтобы справиться с этим пикником, но это было бы сразу же другое кино, точнее сериал, потому что обязательно подъехали бы друзья, товарищи, родственники и знакомые, так как сибирская глубинка – дело тонкое. Как говорится в старой поговорке, «тяжело в деревне без нагана».

В итоге договориться с местными смог Юра Дорохин. Точнее, ему пришлось это делать несколько раз, потому что... Ну просто ребята полагали, что шоу маст гоу он. Сегодня здесь будет дежурить наряд милиции.

Очень важное дело во время ночных съёмок, чтобы весь коллектив работал слаженно и бодро, чтобы никто, что называется, не «поплыл». Если кто-то начал зевать или клевать носом, цепная реакция неизбежна. На площадке обязательно должны быть кофе и какая-то еда, чтобы даже свободные от перестановок оборудования и света не спали на ходу.

Расскажу про ещё одного человека из нашего уже совершенно сплочённого коллектива. Это Влад. Он, как и мастера по звуку, прилетел в Иркутск из Москвы. Сам он родом из Смоленска, долго работал там на телевидении оператором. А

теперь работает в кино, механиком камеры... Как же он любит эту совсем даже не живую, сложную и капризную штуковину – камеру!

Всегда испытываю почтение к людям, которые знают сложную технику и умеют с ней обращаться. Камера, которой снимается наша картина, – штука сложная, и её действительно нужно знать. Влад её не только знает, он её любит. Я как человек, не способный прочесть и понять даже инструкцию к микроволновой печи, испытываю к Владу искреннее уважение. Что он делает с камерой и каковы его функции и задачи, мне не совсем понятно. Но Влад всё-время что-то делает, он всё время чем-то занят, и часто многое зависит только от него.

Если бы вы видели, как ревностно он оберегает камеру даже от операторов! Носит её только он. Закрепить её на штатив без него нельзя. Влад – довольно хрупкого телосложения молодой мужчина, а камера тяжёлая, особенно когда на неё крепится оптика или другие какие-то штуки, назначение которых мне неизвестно. Сильно подозреваю, что он с камерой разговаривает и, может быть, у него для неё есть какое-то имя.

Когда камеру прикрепили к машине на приспособление, которое называется автогрип, и машина поехала, а Влад не

мог быть рядом, к тому же камера так беспомощно смотрелась на улице среди других автомобилей, он испытывал неподдельное волнение и тревогу.

Если начинался дождь или на небе были хотя бы намёки на возможность дождя, Влад тут же начинал подготавливать всё для того, чтобы укрыть камеру. Сначала он одевал и укрывал камеру и уже после этого – себя.

Он очень сильно, почти панически боится высоты, а съёмки предстояли с огромного крана, который нам предоставило местное МЧС. Нужно было подниматься на большую высоту, да ещё при сильном ветре. Влад очень боялся, к тому же его присутствие в люльке крана было необязательным, но он свою камеру не оставил и в чужие руки не отдал. А вернувшись на землю, забрал свою подопечную и куда-то поволок.

Он очень спокойный, всегда улыбается, немножко на своей волне человек. Хороший сосредоточенный профессионал. И знаете, когда человек на такой волне, это неплохая волна. Нам всем нравится с ним работать, а камере и подавно.

7 августа

Сегодня с утра пасмурно, прохладно и периодически накрапывает дождик. Сибирь-матушка. Всё-таки чудес в этом смысле не бывает. Август: дыхание осени чувствуется во всём. Особенно это заметно в глазах людей. Здесь-то люди знают, что чудес не бывает. Помню, бабушка всё говорила: «Будет дождик на Ильин день – конец лету». Не помню, когда Ильин день, но примерно в это время. Конец купанию, конец сибирскому лету. Ещё могут быть тёплые и даже жаркие дни, но... всё, осень.

Вчера сняли большой кусок. Милиционеры в Листвянке берегли тишину, и уличные весельчаки нам хлопот не доставили. Зато какое-то время вся съёмочная группа занималась ловлей ночных бабочек и прочих летающих насекомых, которых весьма интересуют наши осветительные приборы и вообще свет. Несколько дублей, тщательно отрепетированных и почти снятых, было испорчено появлением в кадре больших ночных мотыльков. Вот мы их и ловили.

Всё-таки работа ночью для нормального человека утомительна и противоестественна. Но, во-первых, отступить некуда, а во-вторых, окончание съёмок не за горами, и возможности поснимать больше, чем намечено, у нас нет. Большин-

ство членов нашей команды едут на другие съёмки, у них свои планы, дальнейшая работа, в том числе и у Дениса Бургазлиева – переход с одного фильма на другой.

Стадикамщик Глеб много лет работает оператором в Иркутске. Опытный человек и старинный друг нашего режиссёра Юры Дорохина. Он, наверное, самый взрослый член нашей команды, поэтому самый опытный и мудрый. Он много делает на площадке разной работы, но главная его задача – это штука, которая называется «Стадикам». Штука эта нужна для того, чтобы снимать движение, такие моменты, когда герои идут и разговаривают, например, а камера движется перед ними. Представляет она собой нечто вроде костюма Робокopa или часть доспехов какого-нибудь космического персонажа из «Звёздных войн».

К этим доспехам крепятся всякие штуки, к которым, в свою очередь, прикрепляется сама камера. В целом всё весит больше 40 кг. То, что держит камеру и прикрепляется к «доспехам», представляет собой нечто вроде танкового гироскопа. В танке гироскоп стабилизирует положение пушки: проще говоря, танк едет, раскачивается, наклоняется, а орудие находится в стабильном положении. Вот такое устройство носит на себе Глеб, человек-танк. При этом ему нужно правильно ходить, рассчитывать шаги, правильно поворачивать, маневрировать. Когда он идёт спиной вперёд, его ведут и направляют. Это очень ответственное и сложное дело.

Нужно не только правильно двигаться и держать «прицел», но ещё и не упасть, не споткнуться – несёт он на себе дорогостоящую камеру и вообще тонкое оборудование. Когда траектория и маршрут съёмки определены, Глеб и операторы долго репетируют, привыкают к маршруту, запоминают движение.

А зрители увидят только то, что герои идут и беззаботно разговаривают. Глеб хороший мужик. Взрослый, спокойный, с ним приятно в перерыве посидеть, выпить кофе и помолчать. А ещё от него приятно получить похвалу. Если Глеб подошёл, похлопал по плечу, подмигнул или показал поднятый вверх большой палец, значит, сыграно действительно неплохо. А съёмочный процесс он знает прекрасно: может делать всё, что угодно, и всегда у него есть работа, и всегда он в нужном месте.

Наша костюмер Оля в первый раз работает в кино. И я не думаю, что ей вскоре доведётся ещё поработать в этой сфере. В обычной жизни она бухгалтер. Каким образом она попала в наш коллектив, не знаю, но ей здорово достаётся... В том смысле, что работы у неё хватает, и эта работа ответственная и хлопотная. Актёров у нас, конечно, немного, да и костюмы не исторические... но Оля одна, а условия работы у неё полевые. У нас нет гримвагена – специального автобуса, оборудованного для переодевания или гримирования, к каким

уже привыкли все киношные артисты. У нас в стране гримажеры очень разного качества, в основном довольно плохие. А в Иркутске никакого не нашлось, поэтому переодеваемся и гримируемся мы чёрт знает где и как.

Действие фильма происходит в течение суток, и наши с Денисом героини не переодеваются, то есть наши костюмы нужно беречь, обувь холить и лелеять и ещё поддерживать в таком состоянии, чтобы во время вечерних сцен костюмы героев не выглядели только что отутюженными. Важное дело – рубашки. Их на съёмочной площадке всегда несколько. Мало ли что... а рубашки тоже не могут быть то глаженными, то мятыми. Звукорежиссёр Витя добавляет Оле много работы тем, что постоянно приклеивает к рубашкам или галстуку Дениса микрофоны с помощью скотча, который потом чертовски трудно отдирается от тонкой белой ткани. В общем, у Оли много забот! Когда мы едем отдыхать, она отправляется домой заниматься нашими костюмами, а потом привозит их на площадку на своей маленькой праворукой машинке. Оля также несёт ответственность за наши мобильные телефоны, личные вещи, нательные украшения, ключи, лекарства и прочее.

Она спокойная, внимательная, а главное – всегда рядом. Вспоминаются строки «Есть женщины в русских селеньях». У неё ещё дома дети, заботы, и для неё наше кино – это

неожиданный и весьма необычный эпизод.

Наш коллектив укомплектован не так, как это всегда бывает. Многие выполняют обязанности нескольких человек. Уверен, что на качестве фильма эта экономия не отразится, а если и отразится, то только в лучшую сторону: люди очень хорошие. Для меня это уже восьмая съёмочная площадка и восьмой съёмочный коллектив. И это первое моё кино, где на площадке никто никогда не матерится! Ни разу за всё время здесь не прозвучало ни одного матерного слова. И проблем с алкоголем в нашем коллективе нет. Звучит невероятно и чудесно, но поверьте, просто поверьте. Такое бывает.

8 августа

Мне сейчас сложно употреблять слово «вчера»: скажешь «вчера» — а это было ещё сегодня ночью, скажешь «завтра ночью» — а завтра-то уже наступило. Всё спуталось, да ещё эти часовые пояса, отделяющие меня от дома. А их шесть (с Калининградом). Скажу так: сегодня ночью — или вчера — была очень хорошая рабочая смена — по ощущению результата и по надежде, что получается то, что мы хотим. Сейчас играем длинный разговор. Вчера всем звукооператорам, осветителям, операторам за камерами — а теперь у нас на площадке две камеры — и всем, кто находится на съёмочной площадке... было весело нас с Денисом слушать. Наш бум-

оператор Валя, про которого я уже рассказывал, даже взял и прочёл сценарий! Я вижу в этом очень серьёзный задел. Работали с десяти вечера до семи утра. Но это мы, актёры, остальная группа работает больше.

Усталость накапливается, и в короткие перерывы всех рубит сон. Правда, только тех, у кого перерыв случается. У операторов и мастеров по свету и звуку их не бывает.

Аня Матисон и Юра Дорохин, по-моему, совсем перестали спать. Но всё равно бодры, внимательны, и у них получается неплохо выглядеть. Я уже не говорю про нашего главного оператора Андрея Закаблукковского – у него, по-моему, глаза начали светиться в темноте.

В ночных съёмках очень важным временем является четыре часа утра. До этого момента бодрости хватает, а потом все начинают двигаться как в рапиде. Но бывает и другое: может накрыть какое-то безудержное, неадекватное веселье. Все хохочут, даже над самой нелепой шуткой или совершенно невинной ситуацией. В таком состоянии человеку достаточно показать палец, и он будет хохотать. Очень важно в такой момент собрать внимание коллектива и продолжить работу, потому что после такого веселья наваливается усталость, и даже сильным и опытным людям не справиться: они могут перетаскивать тяжёлые предметы, бороться со сном, держаться изо всех сил, но этого недостаточно – нужно вни-

мание, быстрая реакция и резкость не только в объективе, но и в глазах. В этом смысле и хочется совершить подвиг, да невозможно. То же самое касается актёрских реакций и способности вести свою роль правильно и точно. Вчера был момент такого ночного веселья, но мы справились и доработали до рассвета. А за окном шёл дождь – тринадцать часов подряд, и весьма способствовал сонливости.

С кем я вас ещё не познакомил? Ну конечно, с Сашей – бригадиром осветителей. Я бы назвал его мастером по свету, так как он сам себе бригада и сам себе мастер. У него есть пара ассистентов, из местных, но всё, что касается света, делает он. А ещё – украшает собой коллектив! Саша над всеми нами возвышается на голову и похож скорее на отставшего от команды баскетболиста. Почти всегда, в любую погоду он в шортах. Я думаю, шорты он носит, чтобы была видна татуировка на ноге – огромный крылатый дракон. Он выглядит так, что на него оглядываются все местные барышни... да и не только барышни. В кино он давно, больше восьми лет, хотя специального образования у него нет. Понятное дело, парень с такими данными когда-то занимался спортом. Саша говорит, что в кино попал случайно. Сначала таскал фонари, а теперь он классный специалист. Его нам рекомендовали несколько кинематографистов, которые с ним работали. И мы считаем, что нам повезло. А фильмография у него солидная, во что верится с трудом, когда видишь перед

собой молодого, красивого и очень весёлого парня. Сколько таких бывших спортсменов и «красавчиков» занимаются черт знает чем и прожигают жизнь в безделье и скуке, а Саше никогда не скучно. Во-первых, у него много всякого оборудования: железного, электрического, тяжёлого, требующего самых разнообразных светофильтров, штативов, шторок, фольги, отражателей и нечеловеческого количества разнообразных ламп – про провода я даже не говорю. Саша всё это таскает, расставляет. Как абориген в пустыне находит воду, так Саша находит источники электропитания. А ещё он ответственно и тщательно выстраивает свет, завешивает окна фильтрами, придумывает самые неожиданные возможности сделать свет естественным, не телесериальным.

Он, например, рад тому, что мы совсем не используем дым. А в сегодняшнем нашем кино дым используется сплошь и рядом – везде! Потому что это просто: поддать дыму из дым-машины, подсветить чем-нибудь синим или запустить в него луч – вот тебе и кино. Посмотрите практически любой свежий отечественный фильм, и вы увидите, как у нас любят подпустить дыму.

Саша – москвич. И он самым лучшим образом, то есть своей работой, ответственностью, лёгкостью в общении и невероятным трудолюбием, доказывает местным ребятам, что говорить и думать, что москвичи все – ну, в общем, моск-

вичи, – неправильно. Те, у кого было устойчивое мнение, будто в Москве живут одни жлобы, знакомясь с Сашей, меняют своё мнение. Москва, в общем, здесь ни при чем. Таких парней везде немного. А наши режиссёры и оператор говорят, что Саша отличный профессионал, никогда не пытается проскочить по-лёгкому и будет бескомпромиссно добиваться нужного результата даже для короткого эпизода (правда, у нас вся команда такая, а в таком коллективе стыдно работать спустя рукава).

Ну и последний штрих к портрету. На съёмочной площадке у Саши к одежде всегда прикреплены деревянные прищепки: я сначала не понимал, для чего, а потом увидел, что он этими прищепками крепит светофильтры к приборам. Я спросил, почему пользуется деревянными, – он объяснил, что приборы горячие, а деревянные прищепки не плавятся и не нагреваются, в отличие от пластмассовых и железных, а потом добавил: «А ещё они стильные». Пижон!

У этих прищепок есть ещё одно предназначение – если обозначенная в контракте рабочая смена заканчивается, но режиссёр принимает решение работу продолжать, начинается сверхнормативное время, которое оплачивается по другому тарифу. В этом случае у Саши на рукаве футболки каждый час появляются прищепки. Так он отмечает часы, которые честно отработывает, но за которые ему причитается.

Бегло взглянув на Сашу – а его видно издалека, – можно сразу узнать, сколько часов коллектив проработал сверхурочно. Саша своего не упустит, и это правильно. Он свой профессиональный хлеб ест не зря!

А сколько разбитых сердец останется в Иркутске, когда Саша покинет этот славный город!..

10 августа

Были трудные и выматывающие ночные смены, но сделать успели очень много. А потом дня не хватило на то, чтобы выспаться, восстановить силы, да ещё и что-то написать. Мы возвращаемся, когда уже вовсю светло и весёлые, бодрые, умявшие свой завтрак японские, корейские и смешанные европейские туристы автобусами покидают нашу гостиницу, чтобы поехать к Байкалу, от которого мы только что вернулись. Туристы с удивлением смотрят на бледных, заспанных, замедленных в движениях людей, которые заходят в гостиницу и, прощаясь друг с другом, говорят: «До сегодня». Они едут пошататься по Листвянке, купить себе сувениров, сфотографироваться на фоне великого и непостижимого озера, но никогда не увидят его таким, каким мы каждый раз его видим, начиная съёмку.

Мы работаем в жёстком цейтноте, в рабочую смену не укладываемся, и переработки неизбежны, так что Саша весь

в прищепках...

Ночью снимали большую сцену на балконе. Погода была прекрасная, много людей приехали в Листвянку повеселиться и попеть песни, выпивая разнообразные напитки, которые способствуют песенному настроению. Всю ночь с нами дежурили милиционеры, перед которыми была поставлена задача беречь тишину. Но жалко было и людей, что приехали отдохнуть, поймать одну из последних приятных летних ночей, поэтому милиционеры действовали мягко. Они подъезжали или подходили к компаниям, и у них с собой была рация, по которой мы сообщали о том, что съёмка начинается. Пока мы снимали, сотрудники милиции действовали как дирижёры. Сообщали, что на некоторое время песню нужно прекратить, а как только дубль был снят, режиссёр Юра говорил в рацию: «У нас пауза, разрешите людям веселиться».

Мы сняли за ночь огромный и очень важный для нашей картины фрагмент. Ночи уже прохладные, если не сказать холодные. Хоть мы и играли людей, которые выпивают, у нас-то в бокалах были не настоящие напитки, а их имитация. Это те, кто пел на улице, не мёрзли – им было чем согреться, а нам-то нет. Съёмочная группа тоже оделась тепло, зато мы с Денисом Бургазлиевым красовались в белых рубашках. И хотя на наше световое оборудование чуть ли не со всего Байкала прилетели всевозможные насекомые, мы работали

и сделали намеченное.

У наших режиссёров и оператора лица становятся все благороднее и благороднее. Они наглядно демонстрируют собой, что труд человека облагораживает. А мы с Денисом уже почти родственники. Вчера говорили о том, что, конечно, все наши коллеги будут высказывать предположение, что мы в Иркутске беспрерывно бухали, потому что такие длительные выезды да ещё ночные смены это подразумевают. Но уверяю вас – нет. Мы выпили довольно много яблочного сока вместо виски и сладкого чая вместо коньяка. А уж воды вместо водки – даже не буду про это говорить.

Сегодня у Дениса завершающая его работу в нашем фильме ночная смена, а послезавтра он улетит в Москву. У него другое кино. Я и так-то уже сильно тоскую по дому, а улетит друг, и тоска усилится... Но не будем о грустном.

Женя, мой полный тёзка – Евгений Валерьевич, – на нашей картине работает ассистентом оператора по фокусу, или, на киношном языке, фокусником. Женя учится во ВГИКе на оператора, и быть фокусником – не его судьба и призвание. У него довольно интересный послужной список: с кино он знаком давно и проработал немало. Не знаю, как он попал в нашу команду, потому что я, в общем-то, даже и не знал, что есть такие люди – фокусники. Но нам посчаст-

ливилось, что Женя к нам присоединился. Что делает фокусник? Это, пожалуй, самая незаметная для зрителя должность, правда, она незаметна только тогда, когда фокусник хороший. Если фокусник хороший, картинка в фокусе, то есть, проще говоря, резкая. А зритель, как вы понимаете, не обратит на это внимание – он просто смотрит кино. У Жени ответственная и трудная задача: держать объект съёмки в фокусе. Особенно когда мы, артисты, мотаемся в кадре на крупном плане, наклоняемся, отклоняемся, машем руками. Ему надо держать нас в фокусе. Если случается расфокус – это «стоп», брак и следующий дубль. Женя проделывает тонкую, требующую невероятной концентрации внимания, а иногда и филигранности работу. Как он сам фокусирует зрение после девяти часов ночной работы, не понимаю, но Женя работает отлично. Я очень надеюсь, что его ждёт интересная операторская судьба. С нами он длиннющей рулеткой или каким-то лазерным приборчиком постоянно замеряет фокусное расстояние до снимаемого объекта. Я бы не выдержал такой работы. Артистам вообще проще всего, о нас и заботятся лучше. В том числе Женя, который заботится о том, чтобы наши физиономии были в фокусе.

Когда Женя, то есть ещё один Евгений Валерьевич, появился на площадке, стало видно, что он столичная штучка. Как я уже говорил, наша съёмочная группа сильно недоукомплектована, и для многих ребят, что таскают оборудо-

вание, разматывают провода, что-то разгружают и устанавливают, наше кино – интересный летний приработок. Женя сначала держался несколько особняком, а в итоге оказался интересным собеседником, весьма разборчивым и хорошо знающим кино человеком. Через некоторое время он понял, что мы стараемся снять бескомпромиссное кино, и влился в коллектив. Никогда не понятно, какое кино в итоге получится, но когда есть шанс и надежда, что оно получится, любящие кино люди работают по-настоящему. Видимо, Женя этот шанс в нас увидел. И если так случится, что кино получится, Женин вклад будет очевиден в виде надёжного фокуса. Женя – человек на своей волне, в своей теме. Он всегда немножко особняком, довольно строгий, крутит вручную голландские самокрутки (ничего такого не подумайте – обычный голландский табак, который заворачивается в папиросную бумажку, просто Жене не лень крутить самокрутки, и в этом нет ничего предосудительного).

Я часто после дублей подхожу к нему и интересуюсь его мнением, которое мне крайне важно. Я ни секунды не сомневаюсь в наших режиссёрах, но и Женя никогда не похвалит из вежливости и несколько раз дал мне пару, казалось бы, незначительных, но весьма дельных советов.

Сегодня нам нужен был рассвет. Красивый, настоящий. И Байкал нам его подарил. Подарил щедро... до сегодняшнего

дня были холодные, туманные или дождливые рассветы, а нам именно сегодня нужен был прекрасный. Мы встретили его, и то, что нужно было снять, было снято.

11 августа

Съёмки фильма стремительно приближаются к завершению, и скоро коллектив распадётся. Как в фильме «Властелин колец»: распалось братство кольца. Завершилась работа Дениса Бургазлиева, завтра он летит в Москву... Мы вчера говорили про странное ощущение времени в работе над фильмом. В Иркутск летели вместе, и кажется, что это было совсем недавно. Помимо того, что делали на съёмочной площадке, мы много общались. Выяснилось, что у нас близкие музыкальные пристрастия и есть огромные пласты любимой музыки. А ещё в наших разговорах постоянно присутствовал удивительный человек – Пётр Николаевич Мамонов...

Пригласить Дениса в нашу картину решил я. Это было для всех весьма неожиданным и странным решением, а я настаивал. Мне это пришло в голову благодаря телевизионному сериалу «Час Волкова», где Денис играет нереального, странного и лихого капитана милиции. Я совершенно случайно увидел одну серию и потом посмотрел ещё несколько исключительно из-за него. Потом я выяснил, что Денис когда-то играл с Петром Мамоновым в культовом спектакле «Лысый

брюнет». Это было давно, я жил ещё в Кемерово, и когда бывал в Москве, несколько раз пытался попасть на спектакль, но мне не удалось. Билетов не было, и купить их было нереально. Все, что связано с этим спектаклем, окутано для меня ореолом чего-то прекрасного и таинственного. И довольствоваться мне пришлось скудными фрагментами, показанными по телевизору. Как же точно и смешно Денис показывает Петра Николаевича! И как он был удивлён и обрадован, что я знаю практически все песни «Звуков Му» наизусть!.. Денис многие годы жил и работал в Германии, в разных театрах, играл заглавные роли на немецком языке и до сих пор периодически туда ездит, так как спектакли остались в репертуаре. У него большой послужной список в западном кино. А ещё он играет музыку... То есть поговорить нам было о чем. Мне ведь тоже было о чём рассказать. Я рад нашему дуэту, потому что в этом фильме у нас именно дуэт. Актёр Бургазлиев очень необычный, нервный и подробный. Он предельно тщательно готовился к каждой сцене и проявил себя как высокий профессионал, но важнейшим оказалось то, что он просто очень хороший человек; всем, кому это было нужно, старался помочь и создавал атмосферу надёжной и серьёзной работы. А от него зависело многое: роль у него огромная.

Нас с ним очень забавлял, точнее, забавляло одно существо. Шесть ночей мы провели в ресторане гостиницы «Маяк» в Листвянке, а там есть огромный аквариум с рыбами,

и только одна из них – большая бело-розовая – довольно неприятного вида. Но эта рыба вела себя особенным образом. Она единственная, кто разглядывал нас и вообще интересовался съёмочным процессом. Остальные вели себя как рыбы, то есть бессмысленно плавали. А эта... мы называли его Костя. Не знаю почему. Он общается с людьми. Если бы у него были мимические возможности, он обязательно бы подмигивал нам и улыбался (хотя, возможно, это она).

Вчера, когда мы по окончании съёмки решили выпить по рюмке водки, Костя заволновался и буквально чокался с нами, тычась мордой в стекло. Удивителен мир! Вы увидите Костю в нашем кино, он старался попасть в кадр.

Хочу вам приоткрыть ещё одну страничку кинопроцесса. Расскажу про очень важный и кропотливый труд – про то, как готовился каждый съёмочный день, как он планировался, чтобы быть несуетливым и эффективным. Каждая сцена и каждый план грядущего съёмочного дня были сначала нарисованы – это называется раскадровка. Ею занимались режиссёр Анна Матисон и художница Наташа. Когда для всех съёмочный день заканчивался, Аня выпивала литр кофе и садилась с Наташей прорисовывать следующий день.

Когда раскадровка готова, её вносят в сценарий и распечатывают в нужном количестве экземпляров, и их получают в руки мастера по свету, звуку – все те, кто работает с

камерами, ну и актёры. Эти, казалось бы, странные рисунки очень важны: они облегчают понимание задачи тем, кто планирует свет, размещение микрофонов, думает, как установить камеру, но самое главное – убеждают всех в том, что режиссёр понимает и видит, что должно быть снято, то есть знает, какое хочет снять кино! Аня это безусловно знает.

Денис, человек очень опытный, был впечатлён подробностью и точностью раскадровок. Он попросил даже на прощание подарить ему хотя бы один листочек. Ему подарили с десяток, причём не ксерокопий, подлинников. Он их очень бережно взял и упаковал.

Наши съёмки в Листвянке закончились, остаются две ночные смены для меня и нескольких местных артистов. И ещё полдня. Не удастся мне насладиться красотами Байкала. Как говорят местные, Листвянка – это ещё не Байкал, а просто туристическое место. Отсюда виден лишь краешек этого великого озера. На рассвете я попрощался с Байкалом, точнее, с его краешком. Но наша картина не про Байкал – про другое, хотя он своим краешком также в неё попадёт. И спасибо ему за это, а также за то, что от него исходит.

12 августа

Сегодня вечером выходим на завершающую съёмочный

процесс рабочую смену, а с завтрашнего дня коллектив перестанет существовать. Как бы странно и печально это ни звучало – по крайней мере для меня, – так должно произойти. Мы должны завтра утром завершить работу и объявить, что съёмки закончены, а также сказать самим себе, что всё, что должно быть снято, – снято.

Завтра вечером у нас «шапка» – так кинематографисты называют вечеринку, банкет, прощальное пати, – то есть застолье по случаю окончания съёмок. У меня никогда ещё не было «шапки». Во всех тех фильмах, где участвовал, я играл эпизоды и на «шапку» не попадал, так что и это у меня завтра будет впервые.

Но пока мы ещё съёмочная группа, коллектив, нынче ночью нужно сделать очень много. Я выйду на площадку в качестве актёра только ранним утром, но проведу ночь здесь. Вчера тоже не снимался, но был с коллективом. Не для того, чтобы поддерживать некий дух, и не по привычке, и уж тем более не для контроля за происходящим. Вчера снимались шесть актёров: четыре актёра и актриса и их коллега из Новосибирска. Все очень волновались, и я был нужен, чтобы помочь точнее сформулировать актёрскую задачу. Кроме меня, на площадке нет человека, который имел бы длительный опыт работы с актёрами.

Все актёры, участвующие в эпизоде, имеют либо театраль-
ный опыт, либо очень давний, забытый опыт студенческого
театра и КВН. Кино, разумеется, требует другой специфи-
ки, и было довольно сложно отключить их поставленные те-
атральные голоса, которыми они привыкли исполнять свои
роли на большой сцене, и включить интонации, с которыми
они говорят в жизни. К тому же – это я хорошо знаю по соб-
ственному опыту, – когда играешь эпизод, хочется затолкать
в свой маленький кусочек фильма собственные задумки, за-
помниться людям, да ещё и продемонстрировать всю систе-
му Станиславского. Было непросто, а потом актёры устали
– всё-таки ночная съёмка... Устали, успокоились, их лица
стали естественными, голоса тоже, волнение улетучилось, и
они сыграли как надо. Хорошие актёры. Всё-таки кино – это
совершенно другой мир. Они многому удивлялись и многое
представляли себе совершенно иначе. Собственно, как и все,
кто впервые соприкасается с процессом создания кино.

В этом процессе занят человек очень ответственной про-
фессии: реквизитор. А у нас на фильме реквизитора нет...
Большое упущение административной группы. Хороший
реквизитор – это очень важная составляющая движения к
успеху. В нашей картине про реквизитора просто забыли, и
поэтому все в съёмочной группе были в той или иной мере
реквизиторами. И очень помогал и много на это тратил вре-
мени наш фотограф Денис Савинов.

Для чего реквизитор нужен в картине? Для того, чтобы, когда актёры сидят за столом, бутылки или бокалы самостоятельно по столу не бегали. То есть в одном кадре бутылка стоит на одном месте, в следующем – на другом. Или, например, если герой взял с тарелки оливку, чтобы в следующем кадре она вновь на ней не появилась. Или если курит, чтобы сигарета не была то длинной, то короткой. А когда герой затушит окурок в пепельнице, реквизитор следит за тем, чтобы окурок оттуда не исчез. Обязательно нужен человек, который следит за уровнем жидкостей в бокалах и бутылках... и прочее, прочее, прочее. Нам приходилось делать это всё самим, внимательно следить каждому за своей вилкой, бокалом, едой в тарелке. В общем, мы постарались, чтобы не пропустить каждый на своём участке какой-нибудь киноляп. Но если говорить серьёзно, отсутствие реквизитора – это огромный просчёт... Раз есть в мире такая профессия, она существует не случайно! Но нам кажется, что мы справились с коллективной задачей.

А наша «Хлопушка» Наташа вчера пришла на съёмочную площадку нарядно одетая, с макияжем и выглядела не как барышня, которая восьмую ночь не спит. Все были удивлены, спрашивали, по какому случаю, а она сказала, что у неё просто такое настроение... Эх! Заканчиваются наши съёмки... Я уже втянулся в этот ритм, и в город Иркутск, и в про-

цесс... Я буквально сроднился со всеми, кто работает в нашем фильме.

15 августа

Вчера был снят крайний кадр – киношники не употребляют слово «последний», и вчера состоялась «шапка», а сегодня утром московская команда улетела. Нашего съёмочного коллектива больше не существует...

Как только был снят крайний кадр, все бессонные ночи, всё напряжение от прожитого в съёмках месяца, все нервы обрушились в виде предельной усталости.

Я пробуду в Иркутске ещё два дня: надо выспаться и кое-что доделать, а семнадцатого полечу домой. Дальше в планах короткий отдых, потом начало осенних гастролей... и прочее, и прочее. А Анна Матисон уже буквально на днях сядет за монтаж. Впереди у неё четыре месяца работы. Теперь всё то, что мы вместе сделали, в её руках. Предварительный монтаж займёт больше месяца. Потом будет двухмесячный труд Анны и Виктора Тимшина по озвучиванию фильма, потом цветокоррекция... Я в этом совсем ничего не понимаю, да мне и не надо. Готовый фильм я смогу увидеть, наверное, чуть раньше вас. А когда кино выйдет на экраны? Об этом говорить рано, но, думаю, весной...

Странное ощущение из-за того, что сегодня не нужно ехать на съёмки. Я даже не могу понять, как жить дальше и что делать. Но у меня перед вами должок... Я не рассказал про вчерашний день и окончание съёмок. Мои иркутские и новосибирский коллеги расшалились и очень остроумно и смешно отыграли свои маленькие эпизоды, которые происходили на кухне. Как же мы хохотали! Я и сам не удержался, захрюкал от смеха у монитора и тем самым испортил ценный дубль.

А утром я отснялся в крайнем кадре... Дело в том, что в эту ночь погода в Иркутске сказала нам: «Я больше не могу с вами работать. Я должна выполнять свои сибирские обязанности. Я помогала, сколько могла. Всё, у меня силы на исходе». И разразилась грозой, ночным холодным дождём, да и дальнейший прогноз не радует. Так что крайний кадр мы снимали под навесом и тщательно помогали утреннему свету осветительной аппаратурой. Наш Саша просто как бог – заменил собой рассветное солнце.

А потом Аня вконец уставшим, но совершенно счастливым голосом, отвернувшись от монитора, сказала: «Стоп. Снято». И всё! Я даже растерялся, когда услышал аплодисменты съёмочной группы, не в силах понять, что это действительно всё.

А теперь хочу, должен, обязан рассказать про людей, о ком ещё не говорил и кто все эти дни был рядом... В то время, когда их имена бегут по экрану, зрители либо покидают кинотеатр, либо выключают DVD.

Вот, например, Максим... Как нам повезло с Максимом! Он на нашей картине работал с Сашей – мастером по свету. Он проделал работу нескольких человек и к завершению съёмок стал настоящим профессионалом. К концу работы Саша доверял Максиму очень многое, а иногда Максим самостоятельно принимал решения и давал очень ценные советы. Скорее всего, его судьба будет связана с кино, так как видно, что он настоящий киночеловек, у него талант и азарт. Максимум двадцать лет, мальчишка. Собирается ехать в Москву, и без работы и образования он не останется – это совершенно ясно.

Ещё с нами был Ян, ему пятнадцать. Для него наше кино – подработка на летних каникулах. Он крепкий и невероятно трудолюбивый парень. Сколько же он перетаскал разного оборудования, сколько ему приходилось мотать проводов! Как он бросался поскорее смазать маслом колеса и рельсы тележки, чтобы движение этой тележки по рельсам было беззвучным! У него было очень много той работы, которую называют неквалифицированной, но он все время её хотел

и постоянно что-то делал, не отлучался, не отсиживался, а наоборот, был рядом, на подхвате. Очень люблю таких! От них исходит надежда, что у нас всё-таки всё будет хорошо и что всё не зря.

Или вот Сергей: он делал самую незаметную и при этом страшно важную и ответственную работу – все отснятые материалы «сливал» на жёсткие диски, всегда в двух копиях. И ещё отсматривал снятое на наличие брака, который мог быть не только в кадре, но и технический, типа выпадения кадра (не совсем понимаю, что это такое, но это недопустимый брак). Все эти дни он сидел на съёмочной площадке где-то в уголке или в отдельном помещении и работал, работал, работал. Ему приносили материал, а он сливал, сливал, сливал. Я бы так не смог. Он очень особенный человек.

И ещё Слава, оператор второй камеры. Вторая камера нам была нужна и появилась только на ночных съёмках, и Слава работал с нами десять смен. Хороший, профессиональный, надёжный и весёлый. Не требовал к себе внимания, всё делал надёжно и быстро.

Наш бутафор Марина сделала много интересных штук-вин для фильма. Но если я расскажу, что она сделала, то раскрою секреты, причём не мои. Ну всё-таки... В фильме мой герой раздавливает в руке коньячный бокал. Мы не смогли

найти в Иркутске киношную посуду для этого кадра, и Марина подготовила мне специальный бокал и ещё подготовила руку, обезопасив её от порезов. Технологию придумала сама. В кино никогда не работала, работает в театре. Придумать и изготовить она может всё, что угодно.

Миша, оператор-наблюдатель, то есть тот, который снимал фильм о фильме. Такой хороший мужик! Наснимал больше тридцати часов, неустойчиво и подробно. При этом ни один снятый им кадр в нашу картину не войдёт. Он даже как бы не был членом съёмочной группы, и всё время его гоняли со съёмочной площадки – то осветители, то звуковики, а он снимал и снимал. И всё то забавное, неожиданное, курьёзное, что произошло на площадке и что, может быть, даже не войдёт в рабочий материал фильма, сохранится благодаря его недюжинному упорству. Вот какие люди бывают, вот с кем посчастливилось работать...

Очень не хочется завершать дневник и писать «крайнюю» страничку о съёмках. И благодаря этому мое кино ещё не закончилось.

16 августа

Вчера провёл день на Байкале: вышли со знакомыми в священное озеро на кораблике. Погода была осенняя, про-

брызгивал дождик, и я скорее присутствовал на борту, чем наслаждался видами и компанией. А потом, когда всем стало весело, я спустился вниз, в маленькую каютку, и уснул. Было как-то тревожно, я ещё весь находился в нашем кино, и переключиться на отдых не получалось...

Прощальная вечеринка – по-киношному «шапка» – была вечеринкой сильно уставших и очень тепло относящихся друг к другу людей. Прекрасно то, что мы собрались не в ресторане, или кафе, или каком-то арендованном для такого мероприятия помещении. Нас пригласил к себе домой наш оператор Андрей Закаблуковский. А там была домашняя еда, которой всем нам, приезжим, сильно не хватало. Там был запах дома, дети, спящие и создающие домашний шум... И от этого возникли спокойствие, ощущение тепла и уюта и какая-то красивая, почти радостная печаль. А дом у Закаблуковского далеко за городом: большой деревенско-интеллигентский дом, с двумя коньками и подступающими к забору соснами. Дом, в котором много жизни, недоделанный, находящийся в состоянии многолетнего ремонта, с неухоженным двором, но в котором весело.

На прощание мы подарили всем улетающим в Москву коллегам и товарищам майки с логотипом нашего фильма. У ребят, которые много работали в кино, есть не одна майка с логотипами фильмов, и Аня Матисон придумала одну ост-

роумную вещь. Они сказали, что такой у них никогда не было, потому что на спине мы напечатали как бы титры, где есть все их фамилии и имена. И надо сказать, логотип у фильма получился красивый. Они уезжали в этих майках. Эдакий десант...

Когда 15 июля я приехал в Иркутск и поселился в гостинице «Иркутск», которую горожане называют по-старому «Интурист», мне казалось, что я приехал так надолго! Когда первый раз отправился в магазин, чтобы купить себе привычные продукты, я шёл по улице с ощущением, что приехал сюда практически жить. И вот завтра уже улечу. Никогда отныне не смогу относиться к Иркутску по-прежнему, как к городу, который несколько раз посещал, в котором есть несколько знакомых, в котором знаю несколько достопримечательностей... Здесь я не просто прожил месяц, я здесь работал, мало того, я привык к этой работе и к городу. А ещё я очень давно не жил в Сибири: как в 1998-м из Сибири уехал, так с тех пор и не жил, только бывал... И за этот месяц я вновь убедился и вновь почувствовал, как сильно и глубоко знаю и люблю Сибирь, понимаю и люблю сибиряков... Отчётливо понял, что никогда другую землю и других людей не смогу так глубоко понимать и так сильно чувствовать. И если бы не уверенность в том, что осенью прилечу в Сибирь, и в Иркутск в частности, на гастроли, моё завтрашнее расставание с городом было бы совсем тоскливым.

Город очень помогал съёмкам. Такого я в Москве, в Питере или Киеве не встречал. Это вполне понятно, для этих трёх столичных городов съёмки кино – вещь неувидительная. Любопытная, но не удивительная, там много снимают картин. А здесь за долгие годы первый раз. И все, у кого была возможность, готовы были и хотели помочь. Это и милиционеры, которые перекрывали улицы и на которых за это изливали свой праведный гнев горожане; это милиционеры в Листвянке, которые берегли для нас тишину; это люди, что предоставили нам для съёмок и разгрома свой новый дом и лужайку перед ним, которую мы благополучно вытоптали; и те, кто предоставлял нам для съёмок офисы; и те, кто мучился, отложив все дела и снимаясь в массовках. В один день нам нужен был «Мерседес» для главного героя, а арендованный нами автомобиль стоял в автосервисе: у него треснуло лобовое стекло, и для съёмок он не годился. А машина нужна была срочно, иначе был бы сорван съёмочный день. И нашлись люди, которые в субботу, отменив намеченную вечеринку, нарядно одетые, приехали к нам за 80 километров, чтобы предоставить свой автомобиль, и съёмка состоялась. А когда эти люди возвращались, им в лобовое стекло из-под грузовика угодил камень и это стекло расколол...

Нам помогала погода, держалась изо всех сил, а стройку залила дождём так, что получились очень красивые кадры.

Правда, при этом Иркутск чуть не утонул. Но именно на тот день, когда тонул город, у нас были запланированы съёмки в помещении. Для нас останавливали работу на стройках, и даже была ситуация, когда свет стремительно уходил, вечерело, нам нужно было снимать, а на ближайшей колокольне зазвонили к вечерне... Юра Дорохин попросил, и «работники культа» остановили колокольный звон. Для кино, представляете?! Я такого никогда не видел и не слышал.

А как нас кормили! Обычно на съёмках мы едим то, что у киношников называется «кинокорм». Что-то едва тёпленькое, в контейнерах. А тут к нам привозили еду на площадку, с посудой, не с пластмассовыми вилками, а с настоящими приборами, и десерт всегда с десертной вилочкой. Нам накрывали и за нами убирали посуду. К тому же еда была из хорошего ресторана, владелец которого серб Зоран.

Ещё нас кормили в кафе «Monet». Это модное в Иркутске заведение, куда подъезжают выпить чашечку кофе местные бизнес-леди, а тут – наши бум-операторы во главе с Валентином или великан Саша в шортах... Но нам были рады больше, чем рафинированным клиентам. Мы же люди из кино! Наши матёрые киношники сказали, что их никогда и нигде так не кормили. Приятно, чёрт возьми. Мне было приятно потому, что я себя чувствовал здесь своим – я же сибиряк, а не просто приехавший на месяц кинематографист.

Иркутск войдёт в нашу картину как художественное пространство – город участвовал, спасибо городу.

Ане Матисон предстоит огромная работа. Но мой дневник, дневник съёмок, завершён.

18 августа

Вчера весь день летел. В 12.40 по иркутскому времени, или в 7.40 по московскому, или в 6.40 по калининградскому вылетел в Москву, а в 17.00 по калининградскому, то есть в 23.00 по иркутскому прилетел домой. Огромная у нас страна.

Прощание с иркутскими коллегами вышло грустным. Мне, конечно, было легче. Я улетаю, в их ощущении, куда-то далеко, меня ещё ждёт летний отдых, гастроли... А они остались в накрываемом осенью городе, с уже нападавшими и падающими листьями и холодными ночами. Они только немножко прикоснулись к чуду под названием «большое кино». Они ощутили всё напряжение мышц, трудность и яркость этой работы, счастье получения результата... А дальше повседневная жизнь. Я хорошо понимаю то, что они переживают, сколько раз сам это переживал! И случится ли у них в жизни ещё кино?

Спал сегодня двенадцать с лишним часов. Какая же роскошь этот сон!

151 эпизод жжизни

2009

19 августа

Не могу отойти от съёмок фильма. От кино... Не отпускает интенсивность жизни, уложившейся для меня в тридцать съёмочных дней и ночей. Вчера почти весь день провёл дома и не находил себе места. А в Калининграде были то дождь, то солнышко, то дождь, то солнышко. И я реагировал на дождь очень нервно, потом сам себе говорил: «Да не переживай, дождь – не помеха, закончились съёмки, закончились!» Всё-таки, кино – это чудо...

Не выдержал безделья и домашнего спокойствия, поехал с дочерью в кино – не зная, на что. «Район 9», сеанс только начался. Других фильмов ждать было час или больше, а названия мне тоже ничего не говорили. Титры уже не застали, и то, что фильм снял П. Джексон, я узнал только после сеанса.

Сначала я решил, что мы попали на очередное претенциозное малобюджетное кинишко. Первые кадры, на которых

появились инопланетяне, мне показались наивными и даже беспомощными. Я успел подумать, что наш мопс Лёва гораздо больше похож на инопланетянина и что создатели фильма могли сделать для актёров более оригинальные костюмы. Но потом... нас с Наташей накрыло чудо кино! Вышли мы, не зная даже, о чём говорить. Впечатление было таким сильным, что ехали до дома молча. По сути история не бог весть как остроумно придумана. Но то, какой там создан мир, то, как этот мир снят, герои... даже сам воздух – это всё КИНО. Когда вернулся домой, постарался сразу узнать, кто же это сделал. Джексон?! А! Ну тогда понятно! Этот сказочник мог совершить чудо.

Мы смотрели с Наташей этот фильм, и я ощущал себя ребёнком, которому страшно и который после напряжённого момента может выдохнуть и почувствовать, что пальцы рук затекли оттого, что сжимали подлокотники кресла. И всё это я испытывал от детской погружённости в происходящее на экране и детской же веры, что вижу настоящее событие. Давно не переживал такого в кино, а тем более – по-детски не думал о том, что хорошо бы у фильма было продолжение.

6 сентября

...У меня случилось бурное и длинное лето, может быть, самое длинное за всю мою жизнь. Почти весь июнь были гастроли, потом короткая поездка во Францию, потом долгие

съёмки в Иркутске, которые сняты и не отпускают до сих пор, а позавчера утром я стоял на берегу Бискайского залива (в последний день путешествия удалось туда вырваться), смотрел на гигантские атлантические волны, был оглушён их грохотом и мощью и совершенно вымок от пыли брызг. Я стоял, зная, что пора ехать в аэропорт... Стоял, улыбался и думал: «Господи, я на берегу Бискайского залива! Вот он, оказывается, какой!» Сколько раз мне в детстве и юности ласкало слух это название! Я ощутил себя ребёнком, забылись все посещённые и увиденные мною страны, забылся даже Тихий океан, который я наблюдал ежедневно в течение трёх лет, забылся весь жизненный опыт, я ощущал себя человеком без прошлого. Бискайский залив, ё-моё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.